

К *Научно-информационный журнал*
КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ
РОССИИ

№1 (ЯНВАРЬ — МАРТ) 2023

Научно-информационный журнал
**КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ
РОССИИ**

№1 (ЯНВАРЬ — МАРТ) 2023

Издаётся с 2013 г. Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

- Козлов М. Н.** К вопросу о происхождении Ильи Муромца 3
- Парамонова М.Ю.** В поисках славянского Григория Назианзина:
проповеди богослова в византийской и древнерусской письменных традициях 11
- Саяпарова Е. В.** Архивы как объект исторического и культурного наследия
(на материалах личного фонда Н.С. Романова) 22

ИМЕНА И СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО

- Федорченко Н. В.** Жизнеописание расстрелянного священника
Михаила Николаевича Альбова 28
- Иванцов И. Г., Дубинин И. В.** «Забывтый саквояж»,
или как И.Д. Попко познакомился с Н.К. Штраусом 35

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

- Цраева Ф. В.** Студенческое волонтерское движение
как субъект культурной политики 40
- Лидань Ма, Бин Хэ.** Природа образования с точки зрения культуры 50
- Коренной А. С.** Формирование и развитие инновационных
социокультурных практик в современном российском обществе 58

ИСКУССТВО, ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА

- Попов М. А.** Оздворцы Центрального Черноземья XVIII—XIX вв.
в отечественной и зарубежной историографии 66
- Будеева М. Л.** Петербургские «Метаморфозы» Евгения Лазаревича Блюмкина 73
- Лобская А. А., Сыроватко Л. В.** Атрибуция скульптуры
«Голова Богини» из собрания Калининградского областного музея
изобразительных искусств 79

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

- Зотова Т. А.** Основные подходы к деятельности «живого музея»:
культурологический анализ 85
- Бородин И. В.** Тканые шпалеры в художественном убранстве
пригородных дворцов Санкт-Петербурга: опыт использования
и реставрации во второй половине XIX века 94
- Ртищева И. А.** Дом-музей Виктора Васнецова: концептуальные подходы
к актуализации культурного наследия на рубеже 1970-х — 1980-х гг. 102

*В оформлении обложки использована репродукция картины
Рябушкина Андрея Петровича «Прогулка боярышни» 1893 г.
Архангельский музей изобразительных искусств.*

ОСНОВАТЕЛИ ЖУРНАЛА

В. М. Захаров — доктор культурологии, профессор, Народный артист России, художественный руководитель театра танца «Гжель»;

И. Л. Кучмаева — д. филос. н., профессор, академик, Почётный работник высшего профессионального образования России;

Протоиерей **Олег Колмаков** — благочинный Плещеевского благочиния Ярославской епархии Русской Православной Церкви.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — **Е. Д. Дерябина**, канд. культурологии, доцент, руководитель отдела Института Наследия;

Заместитель главного редактора — **Л. Н. Михеева**, д-р филол. наук, профессор, Заслуженный работник культуры России, профессор кафедры гуманитарных наук РГСАИ;

Заместитель главного редактора — **Г. А. Цветкова**, канд. культурологии, доцент;

Художественный редактор — **Ю. А. Бревнова**, канд. культурологии, член Союза профессиональных художников России;

Редактор по общественным связям — **А. С. Калашиников**, член Союза театральных деятелей России; Дизайнер-верстальщик — **О. В. Богданова**, член Союза профессиональных художников России;

Б. Б. Акимов — Народный артист СССР, художественный руководитель Московского хореографического училища при театре танца «Гжель»;

Т. Г. Богатырёва — д-р культурологии, профессор, эксперт Института «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС, профессор ИБДА РАНХиГС;

Л. Н. Дорогова — д-р филос. наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы России;

А. Б. Ефимов — д-р физ.-мат. наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, зав. кафедрой истории миссий НОУ ВПО «Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет» (ПСТГУ);

В. Н. Катасонов — д-р филос. наук, д-р богословия, профессор, профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия;

Е. А. Киричок — д-р социол. наук; V1, SAM Schneider Electric;

О. В. Кучмаева — д-р экон. наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, профессор РЭУ им. Г. В. Плеханова;

Г. У. Лукина — д-р искусствоведения, зам. директора по научной работе ГИИ;

Е. А. Минаев — д-р искусствоведения, ведущий научный сотрудник МГИК;

А. В. Окорочков — д-р ист. наук, зам. директора по научной работе Института Наследия;

М. Ю. Парамонова — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН;

Ю. С. Путрик — д-р исторический наук, кандидат географический наук, руководитель центра социокультурных и туристских программ Института Наследия;

Ю. В. Рубцов — д-р исторических наук, профессор Военного университета МО РФ;

В. И. Уральская — канд. филос. наук, Заслуженный деятель искусств России, гл. редактор журнала «Балет»;

Н. П. Ходакова — д-р пед. наук, зав. кафедрой математики и информатики дошкольного и начального образования Института педагогики и психологии образования МГПУ;

Ю. М. Чурко — д-р искусствоведения, профессор кафедры хореографии БГУКИ (Республика Беларусь).

А. В. Рачинский — д-р истории, Институт Восточных языков и цивилизаций, Сорбонна, Париж.

Учредители: Федеральное государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева» (Институт Наследия).

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

RAR

УДК 930.85

ББК 63

DOI 10.34685/NI.2023.40.1.001

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИЛЬИ МУРОМЦА

Козлов Михаил Николаевич,

доктор исторических наук, профессор кафедры
«Всеобщая история и мировая культура»,
института Общественных наук и международных отношений,
Севастопольского государственного университета,
ул. Университетская, д. 33, 299053
г. Севастополь, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3535-8796>,
kmn_75@mail.ru

Аннотация

На основе анализа письменных источников XVI-XVII вв., текста древнерусских былин, материалов археологических раскопок восточнославянских поселений и могильников второй половины XII в., а также результатов научных исследований мощей преподобного Ильи Печерского, проведенные советскими исследователями в 1939, 1982 и 1988–1990 гг. автор смог опровергнуть доминирующую долгое время в отечественной науке гипотезу о том, что Илья Муромец это фольклорный персонаж, никогда не существующий на самом деле. В исследовании приведены аргументы в пользу былинной версии происхождения Ильи Муромца.

Ключевые слова

Илья Муромец, Киево-Печерская лавра, былины, богатырские подвиги, языческие погребения.

Несмотря на тот факт, что в наше время значительно усилился интерес отечественных ученых к истории Древней Руси, некоторые ее страницы остаются почти неисследованными. Так, например, былинный богатырь Илья Муромец, самый известный и любимый древнерусским народом воин, остается для нас лишь персонажем нескольких былин и исторических казачьих песен. Между тем, его военные подвиги были известны далеко за пределами восточнославянских

земель. Так, он упоминается в скандинавских сагах, западноевропейских хрониках. Легенды об Илье Муромце зафиксированы у западных и южных славян, угро-финских и балтийских народов. Детальный анализ ключевых моментов биографии былинного богатыря позволит современным ученым более глубоко исследовать исторические и религиозные процессы, происходившие в древнерусском обществе домонгольской эпохи.

В дореволюционный период большинство отечественных исследователей видели в Ильи Муромца отголоски представления о каком-то языческом божестве, либо фольклорный персонаж, созданный народной фантазией¹.

Исключение составил Миллер В., по мнению которого Илья Муромец — историческая личность и происходил он из города Моровийска недалеко от Чернигова².

В советскую эпоху точка зрения ученых гуманитарных направлений относительно происхождения образа Ильи Муромца изменилось незначительно. Илья Муромец, по мнению многих советских исследователей не имел никакого исторического прототипа, а был собирательным образом идеального воина — защитника Древней Руси³. В наше время данной гипотезы придерживается А.С. Королев⁴.

После проведения в 1980-ых — 1990-ых годах целой серии научных исследований останков Преподобного Ильи Печерского — одного из вероятных прототипов былинного Ильи Муромца в отечественной исторической науке появились сторонники Миллера В. Ф., предполагавшего, что Илья Муромец был реально существующей исторической личностью. При этом большинство из них придерживается, схожего с Миллером В. Ф., мнения о том, что богатырь ведет свое происхождение из черниговского Моровийска⁵.

По мнению С. Хведчени родиной Ильи все же были муромские земли, хотя ученый

не исключил и черниговское происхождения богатыря⁶.

Таким образом, в научной среде на данный момент не только надежно не установлено место рождения Ильи Муромца, но даже нет единого консолидированного мнения относительно того существовал ли он как историческая личность. Установить существовал ли исторический прототип главного русского богатыря и соответствует ли действительности былинная версия происхождения Ильи Муромца — было главной целью нашего исследования, результаты которого изложены в данной статье.

К сожалению, в древнерусских летописях никакой информации об Илье Муромце нет. Не сообщают ничего о древнерусском богатыре польские хроники, арабские и византийские авторы.

Самым ранним источником, в котором упоминается Илья Муромец является «Вестовая отписка оршанского старосты Филона Кмиты Чернобыльского, направленная Остафию Воловичу, кастеляну Троцкому «из Орши, 1574 года, августа 5 дня». В данном источнике литовский воевода жалеет о том, что богатыри «Илья Муравленин и Соловей Будимирович» не могут стать на защиту города Орши от войск Ивана Грозного: «Вот придет час, коли будет надобе Илии Муравленина и Соловья Будимировича, придет час, коли будет служб наших потреба!»⁷.

Более информативным оказался рассказ о былинном богатыре из дневника австрийского дипломата Эрика Лясоты, посетившего Киев в 1594 году. Путешественник услышал от местных жителей рассказы об Илье Муромце и упомянул его несколько раз в своем «Дневнике»⁸.

Несколько позже, в 1638 году, увидела свет книга православного монаха Афанасия Кальнопольского «Тератургима, или чуда, совершившиеся, как в самом Печерском монастыре, так в обеих его пещерах», в которой также упоми-

1 Котляревский А. А. Сочинения. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1893. Т. 3.: Погребальные обычаи древних славян. С.76; Соболев П. М. Введение в изучение русской родной словесности. Орехово-Зуево, 1922. С.85; Миллер В. Ф. Илья Муромец и богатырство киевское. Сравнительно - критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. СПб: Тип. Н.Н. Михайлова, 1869. С.799-801; Буслаев Ф. Русский богатырский эпос. М.: 1862. С.63.

2 Миллер В. Очерки русской народной словесности. М.: Институт русской цивилизации, 2015. С.559-562.

3 Пропп В. Я. Русский героический эпос. М.: Лабиринт, 1999. С.227; Чичеров В. И.: Русское народное творчество. М.: Изд-во МГУ, 1959. С.227.

4 Королев А. С. Илья Муромец. М.: Молодая гвардия, 2016. С.132-138.

5 Филин Н. В. Об историческом прототипе Ильи // Армагеддон: Актуальные проблемы истории, философии, культурологии. Кн. 7. 2000. С. 56-87.

6 Хведченя С. Таємниці Лаврських святинь. Київ, Географіка, 2004. С. 188.

7 Акты, относящиеся к истории Западной России». Т. 3. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1848. С.166.

8 Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси под ред. В. Антоновича. Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1890. Вып. 1. С. 157-159.

нается могила Ильи Муромца в одной из пещер Киево-Печерской лавры⁹.

Важной информативной группой источников, использованных в представленном исследовании, являются древнерусские былины, главным героем которых был Илья Муромец.

При написании данной статьи использовались результаты археологических раскопок древнерусских святилищ поселений и могильников второй половины XII в., а также материалы научных исследований мощей преподобного Ильи Печерского, проведенные советскими исследователями в 1939, 1982 и 1988–1990 гг.

Прежде всего, следует отметить, что гипотеза о том, что Илья Муромец это никогда не существовавший в реальности фольклорный персонаж с успехом опровергнута в результате научных исследований мощей преподобного Ильи советскими учеными в 1982 и 1988–1990 гг.

Выяснилось, что останки человека, которого авторы многочисленных сообщений XV–XVIII вв. называли Преподобным Ильей, принадлежали высокому мужчине 40–45 лет, обладавшему при жизни большой физической силой. На теле богатыря ученые выявили множество ран: правая ключица была деформирована и утолщена, сломаны два ребра, повреждена правая рука. Погиб же он от проникающего удара копьем в область груди. Жил святой в XII в. и страдал от сложного заболевания костей — акромегаличного синдрома. Ученые выявили у героя искривление позвоночника вправо. На передних и боковых поверхностях ребер были выявлены разрастания костной ткани — остеофиты. Это приводило к ущемлению нервов спинного мозга и послужило причиной того, что Илья долгое время был парализован¹⁰.

Таким образом, надежно установлено, что Преподобный Илья жил в XII в. при жизни был профессиональным воином, прошедшим через множество кровопролитных сражений. Долгое время он был парализован. Данный факт хорошо

соотносится с былинной «Исцеление Ильи Муромца», в которой сообщается о том, что у былинного богатыря в детстве «не служили ножки резвые» и был он «чадушком безногим»¹¹.

Основным аргументом сторонников гипотезы о том, что Илья Муромец не имел реального исторического прототипа, является отрывок из «Дневника» Эрика Лясоты, в котором сообщается о том, что былинный герой был якобы захоронен в церкви святой Софии, а значит, Илья Печерский, по их мнению, не имеет к Илье Муромцу никакого отношения¹².

При анализе данного сообщения необходимо учитывать тот факт, что Софиевский собор был усыпальницей местной правящей элиты и высшего духовенства. Выходца из крестьянского сословия Илью Муромца никак не могли похоронить в данном храме. Таким образом, сообщение Эрика Лясоты о захоронении Ильи Муромца в церкви Святой Софии (как и многие другие байки из его «Дневника») не соответствует действительности.

Многие современные исследователи поддерживают гипотезу о том, что родиной Ильи Муромца мог быть Моровийск — небольшой древнерусский городок, возникший на рубеже IX—X вв. недалеко от Чернигова. Моровийск во второй половине XII в. был небольшой крепостью, расположенной на мысу правого берега Десны¹³.

Теоретически он мог быть родиной Ильи Муромца, однако, не в одном из многочисленных списков древнерусских былин, преданий или исторических песен Ильи не называется Моровчанином или богатырем из Моровийска. Народная традиция неизменно связывала его с Муромом. К тому же, в народных былинах вполне определенно указывается путь Ильи из Мурома в Киев: «Через те леса Брынские, через те грязи Смоленские земли»¹⁴.

9 Афанасий Кальнофойский. Тератургима или чудеса. Киев, Горлиця, 2013. С. 34–35.

10 Хведченя С. Указ. соч. С.179–182; Колпакова В. М., Кабанец Э. П. Комплексні медико-антропологічні дослідження святих мощей Києво-Печерської лаври // Дива печер лаврських. Київ, Вид-во Національного Києво-Печерського історико-культурного заповідника, 1997. С. 207.

11 Былины. Под ред. Калугиной В. И. М.: Современник, 1986. С. 104.

12 Королев А. С. Указ. соч. С.124.

13 Коваленко В. П. Исследования летописных городов в Нижнем Подесенье // Археологические открытия 1983 года. М.: Наука, 1985. С. 286–287.

14 Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым. Под редакцией Евгеньева А. П. и Путилова Б. Н. М.: Наука, 1977. С.185; Былины в двух томах. Под редакцией Проппа В. Я. и Путилова Б. Н. М.: Художественная литература, 1958. Т.1. С.129.

Хведченя С., представляя в своей монографии аргументы в поддержку гипотезы о происхождении Ильи из Моровийска, акцентировал внимание ученых на фразу из одной из былин: «Илья утром был в Киеве, а вечером в Муроме». По мнению автора, она доказывает, что родной город Ильи находился недалеко от Киева¹⁵. По нашему мнению, данная фраза никакой смысловой нагрузки не несет и является обычной для такого рода фольклорных источников гиперболой, подчеркивающей сверхъестественную силу богатыря.

В. Миллер приводит в пользу гипотезы о Моровийске, как месте рождения Ильи Муромца, отрывок из «Вестовой записки оршанского старосты Филона Кмиты», в которой автор мечтает о том, чтобы Илья Муравленин и Соловей Будимирович вышли на защиту литовских городов от войск Ивана Грозного. По мнению исследователя, литовский воевода не мог бы упомянуть Илью Муромца если бы он имел российское происхождение¹⁶.

На самом деле пустая фраза литовского вельможи никак не связана с происхождением богатыря. Перепуганный воевода, живущий на территории нынешней Белоруссии, наверняка был знаком с местным фольклором и мог слышать о былинных богатырях Илье Муромце и Соловье Будимировиче. Вряд ли при этом он особо вникал в их происхождение.

Согласно Тератургиме Афанасия Кальнофойского Илья Муромец принял постриг в Киево-Печерском монастыре и здесь же был захоронен после своей кончины¹⁷.

Рассказ Афанасия Кальнофойского вызывает большее доверие, чем сообщения из «Дневника» Эрика Лясоты. Православный монах, в отличие от итальянского путешественника, с почтением относился к Киево-Печерской Лавре — одной из главных православных святынь и выдумывать несуществующие подробности захоронений находящихся здесь святых он бы не стал. Сообщение автора о том, что Илья жил в XII в. были подтверждены советскими учеными в процессе экспертизы останков Ильи Муромца.

Таким образом, информации сообщенной Афанасием Кальнофойским можно верить.

В Древней Руси было немало славных воинов. Обычной практикой в дружинной среде был уход пожилых воинов в монахи. Однако чести быть захороненными в Киево-Печерской Лавре в домонгольский период удостоился лишь Илья Муромец. В пещерах Киево-Печерской Лавры в домонгольский период хоронили монахов, внесших большой вклад в распространение христианства в восточнославянских землях. Таким образом, возможно, что и былинный богатырь прославился в борьбе с древнерусскими язычниками, а не внешними врагами.

Интересно, что в пользу данного предположения свидетельствует и былинная традиция. Так, древнейшими из народных былин, героем которых был Илья Муромец признаны отечественными учеными две: «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и «Илья Муромец и Идолище Поганое»¹⁸.

Остальные былины, в которых богатырь борется с кочевниками, довольно стереотипны. Для них характерен традиционный сюжет, позволяющий с легкостью заменить Илью Муромца, например, Добрыней Никитичем или Алешей Поповичем. Они, скорее всего, имеют позднее происхождение.

Главными противниками Ильи Муромца в ранних былинах являются не внешние враги, а местные чудища, живущие в «лесах брынских и муромских».

Так, в былине «Илья Муромец и Соловей Разбойник» дом главного противника былинного богатыря описан как типичное древнерусское святилище:

Во темних лесах во брынских,/Наезжал Илья на девяти дубах,/И наехал он, Илья, на Соловья-разбойника./Как бы двор у Соловья был на семи верстах,/Как было около двора железной тын,/А на всякой тыковке по маковке¹⁹.

Другое сказочное чудовище Идолище Поганое стремится в одноименной былине уничтожить все христианство:

«Наехало погано тут идолище, /Как скоро тут святыи образа были поколоты / Да в черны-

15 Хведченя С. Указ. соч. С.163.

16 Миллер В. Указ. соч. С.563.

17 Афанасий Кальнофойский. Тератургима или чудеса. С.34–35.

18 Чичеров В. И.: Русское народное творчество. М.: Изд-во МГУ, 1959. С.217.

19 Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым. С.186–187.

то грязи были потоптаны, / В божьих церквах он начал тут коней кормить²⁰.

Можно вполне согласиться с Б. М. Соколовым о том, что былинное Идолище это собирательный образ язычества в целом²¹.

Посетивший в 1638 году Киево-Печерскую Лавру Афанасий Кальнофойский написал в своей Тератургиме о том, что богатырь скончался 450 лет назад²².

Если данные Афанасия Кальнофойского соответствуют действительности, то Илья Муромец был убит в примерно в 1188 году. На момент смерти, по данным экспертизы ему было примерно 40–45 лет. Таким образом, родился богатырь примерно во второй половине 30-ых — начале 40-ых годов XII в. Молодые люди в Древней Руси начинали служить примерно в возрасте 20 лет. Значит, служба Ильи Муромца должна была начаться во второй половине 50-ых годов XII в.

В середине XII в. в землях черниговских северян и киевских полян не могли существовать языческие общины. Так, согласно данным археологии уже в конце X в. в полянских землях доминирующим стал обычай хоронить умерших в ямах с ориентацией головы на запад²³. Это означает, что большая часть населения Среднего Поднепровья в конце X в., действительно приняла христианство. В пользу данного предположения свидетельствуют археологические раскопки, проведенные в Среднем Поднепровье в 1963–1964 гг. перед строительством Каневской ГЭС. Всего было исследовано 13 древнерусских городищ и 30 древнерусских поселений. Курганные могильники XI—XII вв. при раскопках обнаружены не были²⁴.

Примерно в тоже время были крещены северяне. Первые труположения появились здесь еще во второй четверти X в. Со второй половины XI в. трупосожжения здесь полностью прекрати-

лись²⁵. Не было зафиксировано исследователями и языческих святилищ в северских землях XI—XII вв.

Таким образом, языческое святилище «на пяти дубах», в котором должен был жить былинный Соловей-разбойник не могло располагаться между Моравийском и Киевом.

Абсолютно иной была ситуация у вятичей, на землях которых, находился летописный Муром. Исследователи зафиксировали здесь отдельные крупные могильники XII вв., в которых встречаются лишь языческие захоронения²⁶. Данный факт свидетельствует о том, что в описываемый период здесь продолжали существовать крупные языческие общины.

В пользу представленного предположения свидетельствует и сообщение летописца Нестора, внесшего в свою «Повесть временных лет» описание обычаев современных ему восточнославянских племен: "Радимичи и Вятичи один обычай имеяху — живяху в лесе, якоже всякий зверь. И аще кѣто умряше, — творяху тризну над нимь. И посемь сътворяху краду велику и възложяху на краду мъртвѣца и съжьжаху и посемь, събравъше кости, вьложяху в судину малу и поставляху на стълпе на путьх, еже творять Вятичи и ныне. Сиже творяху обычая и Кривичи и прочий погании, не ведуще закона божия, нѣ творяще сами себе закон"²⁷.

Летописный Муром в XII в. был большим городом. Основу его населения составили поволжско-финская народность мурома, полностью ассимилированная славянами в XI—XII вв.²⁸.

Интересно, что уже во время первого исследования мощей Преподобного Ильи в 1939 году комиссией во главе с В.В. Гинзбургом, были отмечены некоторые неславянские антропоморфологические черты богатыря, в частности, чересчур

20 Былины. Под редакцией В. И. Калугина. М.: Современник, 1986. С.145.

21 Соколов Б. М. Былины об Идолище Поганом. М.: Б. и., 1916. С. 31.

22 Афанасий Кальнофойский. Тератургима или чудеса. С.34–35.

23 Седов В. В. Восточные славяне в VI—III вв. М.: Наука, 1982. С. 110.

24 Довженко В. И. Древнерусские городища на Среднем Днепре // Советская археология. 1967. № 4. С. 269.

25 Седов В. В. Указ. соч. С.139.

26 Зеленцова О. В., Милованов С. И. Курганный обряд погребения в Нижнем Поочье в эпоху Средневековья // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С.122.

27 Повесть временных лет / под ред. и с пред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 10–11.

28 Карпов А. В. Пятницкий археологический комплекс в древнем Муроме: история изучения и вопросы интерпретации // Евразия: Духовные традиции народов мира. №3. 2012. С.242.

широкие скулы для человека, славянского происхождения²⁹. Морфологические и антропометрические исследования мощей святого Ильи, проведенные советскими учеными в 80-ых гг. XX в. позволили им прийти к выводу о том, что Илья Муромец относился к народности смешанного антропологического типа³⁰.

Возможно, что среди предков Ильи Муромца были люди из племени мурома или других финно-угорских народностей, проживающих на востоке Древней Руси.

По мнению Королева А. С. тот факт, что былинная родина Ильи Муромца село Карачарово впервые упоминается в писцовых книгах 1629–1630 годов, свидетельствует о том, что данный богатырь на самом деле никогда не существовал³¹. На самом деле в Древней Руси возникали и исчезали тысячи различных поселений и лишь немногие из них упоминаются в летописях. Найти следы существовавшего в XII в. села Карачарова спустя тысячи лет практически невозможно.

Переход местного населения от курганных захоронений к погребениям в грунтовых могильниках (что соответствует христианской обрядности) у жителей Мурома произошел лишь во второй половине XI в.— начале XII вв.³²

Можно предположить, что население Мурома и окрестных поселений (среди которых затерялось и упоминаемое в былинах село Карачарово) были христианизированы незадолго до рождения Ильи. Судя по христианскому имени, богатырь родился в христианской семье, однако в целом в окрестных землях в то время было немало язычников, провоцирующих антихристианские и антикняжеские выступления.

В Ипатьевской летописях сообщается несколько раз о неком союзе вятичей, проводившем свое вече в середине XII в. Дедославле³³. Современные ученые идентифицировали Дедославль

как нынешний поселок Дедилово Тульской области³⁴. Согласно данным археологических исследований древняя столица вятичей была языческим городищем-святилищем³⁵.

Можно предположить, что в 40-ых —50-ых XII в. вятичи пытались бороться за свою независимость от Черниговского княжества. При этом, судя по всему, в их землях происходила некоторая реставрация язычества.

Недалеко от Дедославля находился другой крупный поселок вятичей Дебрянск. В некоторых древнерусских летописях он упоминается как «Брыньск». Здесь, как и указывается в былинах «Илья Муромец и Соловей — разбойник» «в лесах брыньских» вполне могла находиться крупная языческая община вятичей, управляемая старейшиной Соловьем. Основной антипод богатыря представлен в источнике не одиноким разбойником, а почтенным главой большого семейства. В былинах сообщается о том, что в «волшебном доме», расположенном на «семи дубах» помимо самого Соловья жили также его супруга, сыновья с женами и дочери с мужьями³⁶.

Вполне возможно, что Соловей был одним из участников общеплеменного вече вятичей и активно выступал против черниговского князя и христианской церкви. Сам термин «разбойник», как верно отметил В. Я. Пропп, означает не только «грабитель или убийца». Он, скорее хозяин местных земель и разбойник — потому, что не подчиняется своему князю³⁷.

Интересно, что в вышеуказанной былине главный герой обычно служит не киевскому князю, а «воеводам черниговским» и помогает им «очистить дороги прямоезжие»³⁸.

Таким образом, можно предположить, что Илья Муромец служил первоначально в дружине одного из черниговских князей и принимал

29 Петренко М. З. Правда про печери і моці Київської Лаври. Київ, 1957. С. 35–37

30 Колпакова В. М., Кабанець Э. П. Указ. соч. С.207–208.

31 Королев А. С. Указ. соч. С.83.

32 Карпов А.В. Пятницкий археологический комплекс в древнем Муроме: история изучения и вопросы интерпретации // Евразия: Духовные традиции народов мира. №3. 2012. С.242, 251.

33 ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С.235, 238.

34 Майоров А. А. Древние вятичи и их особое место среди восточнославянских племен IX–XI вв. // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 6. С. 8–12.

35 Майоров А. А. К вопросу локализации летописного Дедославля // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова № 2, 2016. С.21–22

36 Былины. Под ред. В. И. Калугина. С.116–117

37 Пропп В. Я. Указ. соч. С.252

38 Былины в двух томах. Под редакцией Проппа В.Я. и Путилова Б. Н. Т.1. С.128-129

участие в войне против склонных к сепаратизму вятичей, среди которых мог быть и старейшина одной из языческих общин по имени Соловей — разбойник.

Служба в княжеских дружинах физически сильных молодых людей незнатного происхождения была обычным явлением в домонгольской Руси. Эту традицию основал князь Владимир Святославич во время обострения отношений с печенегами в 90-ых годах X в.³⁹.

Для многих молодых людей той эпохи служба в княжеских дружинах была единственным способом выжить и прокормить свои семьи. Вполне возможно, что по этой причине отправился на княжескую службу и Илья Муромец.

К сожалению, никаких подробностей борьбы между дружинниками черниговского князя и союзом вятичей на данный момент у нас нет. В былине «Илья Муромец и Соловей разбойник» в поэтической форме описывается финальная фаза разгрома восставших вятичей, во время которой были уничтожены и пленены предводители антикняжеских и антихристианских вступлений, символом которых и стал Соловей-разбойник.

Характерно, что во второй половине XII в. в церквях многих городов вятичей, в частности, в Рязани появились крещальни-баптистерии с отдельным входом и специальными местами для крещения взрослых людей⁴⁰.

Таким образом, можно прийти к выводу, о том, что Илья Муромец был реальной исторической личностью, совершившей немало подвигов в борьбе с язычниками Древней Руси. Современники высоко оценили заслуги Ильи Муромца перед Православной церковью и после гибели богатыря он был захоронен в одной из пещер Киево-Печерской Лавры под именем Преподобного Ильи. Никаких оснований ставить под сомнение

тот факт, что родиной Ильи Муромца было одно из поселений вблизи летописного Муромца на сегодняшний день нет.

Список литературы

1. Зеленцова О. В., Милованов С. И. Курган-ный обряд погребения в Нижнем Поочье в эпоху Средневековья // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 122—134.

2. Карпов А.В. Пятницкий археологический комплекс в древнем Муроме: история изучения и вопросы интерпретации // Евразия: Духовные традиции народов мира. №3. 2012. С.241—255.

3. Коваленко В. П. Исследования летописных городов в Нижнем Подесенье // Археологические открытия 1983 года. М.: Наука, 1985. С. 286—287

4. Колпакова В. М., Кабанец Э. П. Комплексні медико-антропологічні дослідження святих мощей Києво-Печерської лаври // Дива печер лаврських. Київ, Вид-во Національного Києво-Печерського історико-культурного заповідника, 1997. С.203—209.

5. Королев А. С. Илья Муромец. М.: Молодая гвардия, 2016. 277 с.

6. Майоров А. А. Древние вятичи и их особое место среди восточнославянских племен IX—XI вв. // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 6. С. 8—12

7. Майоров А.А. К вопросу локализации летописного Дедославля // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова № 2, 2016. С.21—24.

8. Филин Н. В. Об историческом прототипе Ильи // Армагеддон: Актуальные проблемы истории, философии, культурологии. Кн. 7. 2000. С. 56—87

9. Хведченя С. Таємниці Лаврських святинь. Київ, Географіка, 2004. 284 с.

39 Повесть временных лет. С. 29

40 Монгайт А. Л. Раскопки старой Рязани // По следам древних культур. Древняя Русь. М.: Наука, 1953. С. 316

TO THE QUESTION OF THE ORIGIN OF ILYA MUROMTS

Kozlov Mikhail Nikolaevich,

DSc, Professor of the Department of General History and World Culture,
Institute of Social Sciences and International Relations,
Sevastopol State University,
st. Universitetskaya, 33, 299053 Sevastopol, Russia.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3535-8796>,
kmn_75@mail.ru

Abstract

Based on the analysis of written sources of the 16th-17th centuries, the text of ancient Russian epics, materials from archaeological excavations of East Slavic settlements and burial grounds of the second half of the 12th century, as well as the results of scientific research on the relics of St. Elijah of the Caves, conducted by Soviet researchers in 1939, 1982 and 1988-1990. the author was able to refute the hypothesis that dominated for a long time in domestic science that Ilya Muromets is a folklore character that never really exists. The study provides arguments in favor of the epic version of the origin of Ilya Muromets.

Keywords

Ilya Muromets, Kiev-Pechersk Lavra, epics, heroic deeds, pagan burials.

RAR
УДК 930.85
ББК 71
DOI 10.34685/NI.2023.40.1.002

В ПОИСКАХ СЛАВЯНСКОГО ГРИГОРИЯ НАЗИАНЗИНА: ПРОПОВЕДИ БОГОСЛОВА В ВИЗАНТИЙСКОЙ И ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННЫХ ТРАДИЦИЯХ

Парамонова Марина Юрьевна,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт всеобщей истории РАН,
Ленинский проспект, 32 А, Москва.
ivi-1415@yandex.ru

Аннотация

Презентуется работа выдающегося итальянского ученого А.М. Бруни, который в своих монографиях и многочисленных статьях представил научный каталог всех славянских рукописей 16-ти Слов Григория Назианзина, дал их подробное палеографическое и текстологическое описание, определил методологические подходы к сопоставлению славянских переводов с греческими оригиналами и подготовил на основании тщательного сопоставления рукописей образцовое критическое издание ряда гомилий.

Ключевые слова

Repertorium Nazianzenum, патристика, славянские переводы богослужебных и религиозных сочинений, текстология, палеография, научное описание рукописей.

Григорий Назианзин (ок.329-ок.390 гг.) — выдающийся богослов, оратор и поэт, один из столпов греческой патристики, который наряду с Григорием Нисским и Василием Великим был причислен к числу т.н. Каппадокийских отцов¹, а вместе с Василием Великим и Ионном Златоустом — к ряду великих учителей Право-

1 Укажу некоторые фундаментальные работы, посвященные анализу личности, творчества, церковной деятельности и эпохи Григория Назианзина: Иларион (Алфеев), еп. Жизнь и учение св. Григория Богослова. 2 изд. СПб., 2001 (1 изд. 1998); Ruether R.R. Gregory of Nazianzus: Rhetor and Philosopher. Oxford, 1969; Kennedy G.A. Greek Rhetoric under Christian Emperors. Princeton, 1983; Preacher and Audience: Studies in Early Christian and Byzantine Homiletics // ed. M.B. Cunningham and P. Allen. Leiden, 1998; McGuckin J. Saint Gregory of Nazianzus: An

Intellectual Biography. Crestwood, N.Y., 2001; Daley B. Gregory of Nazianzus. 3d ed. L; N.Y., 2006.

Издание трудов Григория и научное описание греческих рукописей: Grégoire de Nazianze. Discours // ed. et trad. Bernardi, G. Lafonatrne, J. Mossay, P. Gally, M. Jourjon, C. Moreschini, and M.-A. Calvet-Sebasti / Sources Chrétiennes. T. 247, 250, 270, 284, 309, 318, 358, 384, 405. P., 1978–1995; Repertorium Nazianzenum. Orationes. Textus graecus. Ed. J. Mossay et al. T. I–VI. Paderborn-Miinchen-Wien-Zurich, 1981–1998.

Somers V. Histoire des collections completes des Discours de Gregoire de Nazianze. Louvain, 1997.

В настоящее время крупнейшим академическим центром изучения наследия Григория Богослова является основанный при Католическом университете в Лувэне Centre d Etudes sur Gregoire de Nazianze) Католического университета в Лувэне. Именно здесь вышел полный каталог всех известных греческих рукописей, создан-

славия². В византийской и восточнохристианской традиции он получил прозвание «Теолог» (Θεολόγος)³, а в католической церкви почитается как один из восьми Учителей Церкви. На протяжении всей византийской истории Григорий оставался непререкаемым авторитетом в неоднократно вспыхивавших церковных спорах об ортодоксии, а его суждения по догматическим вопросам сохраняли актуальность и тысячу лет спустя после его смерти.

Григорий происходил из богатой и уважаемой семьи каппадокийских христиан, которая могла позволить себе долгое обучение сына в крупнейших школах позднеантичного мира как классических, так и христианских⁴. Последующая слава величайшего проповедника, прод-

---

ных до 1550 г. и содержащих Слова Григория (см. выше). Наряду с описанием греческих рукописей Центр занимается изучением переводом гомилий на восточнохристианские языки, в частности армянский, сирийский, арабский, коптский, эфиопский, грузинский. Бельгийскими учеными в сотрудничестве с национальными исследовательскими институциями были составлены каталоги и подробные описания рукописей, что является краеугольным камнем всех последующих исследований исторического, филологического и лингвистического характера. Следует лишь сожалеть, что обширная рукописная традиция славянских переводов Григория Богослова остается вне поле зрения крупнейшего международного научного центра.

- 2 В 1084 г. в Византии был установлен церковный праздник Трех святителей (30 января) – Василия Великого, Иоанна Златоуста и Григория Богослова, церковных иерархов, наиболее важных для формирования восточнохристианской литургии и богословия. По сведениям византийских и восточных уставов церковное почитание Григория Назианзина существовало уже с VII–IX вв. (24–25 января). В этот период фиксируются и первые сохранившиеся изображения Богослова в церковной иконографии.
- 3 В одной из древнейших славянских рукописей Изборнике Святослава (древнерусский список 1073 г.) – списке сборника, изначально составленного для болгарского царя Симеона (913–927), отрывки из произведений Григория Назианзина помещены под заглавиями «Богослова» и «Феологово».
- 4 Григорий последовательно учился в Назианзе (Каппадокия), Кесарии Палестинской, Александрии и Афинах. Как преподавание, так и обучения в этих крупнейших центрах позднеантичного образования в эллинизированных частях Империи в этот период еще было открыто и для язычников, и для христиан. Время жизни Григория Назианзина стало важнейшим и завершающим в процессе усвоения христианской литературной

лившаяся многие столетия после его смерти, во многом была обусловлена классическим риторическим образованием, полученным в Афинах у прославленных учителей — представителей так называемой «Второй Софистики». Его ораторское мастерство было столь велико, что он заслужил имя «второго Демосфена» и, вместе с тем, оценивается современными учеными как наиболее авторитетный пример синтеза классической риторики и христианства.

Сочинения Григория широко распространялись среди его современников, знавших его не только как глубокого теолога, но и популярного проповедника. Григорий собирал многочисленных слушателей как в родной ему Каппадокии, так и в Константинополе, во время недолгого пребывания там ок. 379–381 гг. Как теолог и церковный иерарх он был глубоко включен в споры о природе Троицы и божественности Христа. Григорий твердо защищал и растолковывал Никейский Символ веры, активно полемизируя с арианами и иными антиникейскими движениями, получившими в это время большое влияние в Империи, в том числе и при императорском дворе. Пять обширных гомилий Григория специально посвящены разбору сложнейших догматических вопросов и получили в современной науке название «теологических слов». Не случайно, на всем протяжении византийской истории труды Богослова широко использовались в периоды обострения внутрицерковных споров по догматическим вопросам, а его гомилии распределились по двум коллекциям: литургических слов и слов, не использовавшихся для публичного произнесения, но важных для личного изучения. Проповеди Григория, по наблюдениям специалистов по позднеантичной риторике, отмечены сложностью мысли и изощренной изысканностью стиля. Это позволяет предположить, что в сохранившемся виде речи Богослова не произносились публично, а были серьезно переработаны автором или позднейшими редакторами для письменной публикации. Некоторые из слов, видимо, изначально были предназначены для чтения, а не для устного восприятия.

Всего в византийской письменности сохранились тексты 45 проповедей Григория Назиан-

---

и интеллектуальной традицией опыта античной философии и риторики.

зина (подлинность одной из них подвергается сомнению в современной науке), которые дошли в разнообразных по составу и предназначению сборниках. Почти половина из них были написаны и произнесены в Константинополе, в том числе были оглашены не только на церковных богослужениях, но и на соборе 381 г. Из стабильных собраний, имевших многовековую рукописную историю и широкую циркуляцию, основными считаются т.н. «полная коллекция» и «литургическая коллекция» гомилий Григория. Первая из них включает все проповеди, а вторая — 16 избранных слов, предназначенных для чтений во время праздничных богослужений. Время формирования обоих сборников является дискуссионным вопросом, равно как и среда, в которой они были составлены. Давно укорененная в историографии точка зрения о том, что полная коллекция проповедей Богослова как особое произведение сложилась еще при его жизни или вскоре после его смерти, подвергается в последние десятилетия серьезным сомнениям. Очевидно, что эта идея не имеет под собой ни «материальных» (отсутствие аутентичных письменных памятников), ни текстологических (возможность подвести все сохранившиеся рукописи к архетипу, древнему первоначальному сборнику) оснований. Однако, в средневизантийский период уже определенно существовала «полная коллекция» во всех ее разновидностях (классах), т.е. сборниках разной последовательности и состава конкретных текстов, что засвидетельствовано кодексами IX—X вв. С этого же времени начинает формироваться и «литургическая коллекция», имевшая гораздо более «утилитарное» предназначение — произнесение проповедей на Литургии во время праздников церковного календаря. Рукописная традиция свидетельствует, что в XI—XII вв. этот тип сборника приобрел необычайную популярность, потеснив «полную коллекцию» и другие типы сборников в процессе тиражирования и распространения проповедей Богослова. Параллельно сформировался и другой тип сборника «коллекция слов, не предназначенных для публичного церковного чтения», который включал другие 29 гомилий.

Уже при жизни сочинения Григория, включая письма и стихи, приобрели популярность в пределах Восточной империи, а в византийский период он стал «самым цитируемым» ав-

тором в греческой церковной и богослужебной литературе. Его сочинения разных жанров получили широкое распространение не только в эллинизированных областях византийской империи, но и в Латинской Европе, на Христианском Востоке и Кавказе, у южных и восточных славян, в других регионах православного мира. Особой популярностью пользовались сборники его проповедей, сохранившиеся в разноязычных переводах, большом количестве рукописей и в разнообразных составах. Уже на рубеже IV—V вв. в Италии появились латинские переводы 9 гомилий, выполненные Руфином Аквилейским⁵. В течение V в. Появились переводы на армянский (всего 41 слово в отдельных коллекциях)⁶ и сирийский языки. В начале VII в. был сделан второй сирийский перевод, содержащий «полную коллекцию» слов Богослова. Эти переводы считаются не только древнейшими, но и наиболее важными для понимания греческой традиции и текстологии проповедей Григория Назианзина. Кроме того, известны и ранние переводы этих текстов на грузинский, арабский и эфиопский языки, включая и их толкования⁷.

Следует отметить, что как в греческой, так и переводных традициях гомилии нередко сопровождалась текстами разного жанра и авторства: посланиями и стихами самого Богослова, комментариями позднейших толкователей, глоссами редакторов. Отдельные слова могли включаться в состав сборников разнообразного содержания, предназначенных как для богослужений, так и личного благочестивого чтения. История

5 Руфин Аквилейский (ок. 345 – ок. 410 гг.), итальянский монах, аскет, полемист и переводчик с греческого на латынь. Друг Иеронима Стридонского и его оппонент в споре о теологии Оригена. Долгое время (ок. 377–397 гг.) жил в Палестине и Иерусалиме, где и познакомился с сочинениями Григория Назианзина. По возвращении в Италию перевел и опубликовал переводы девяти его проповедей. Критическое издание вышло более ста лет назад: *Tyrannii Rufini Orationum gregorii Nazianzeni novem interpretatio* / Hg. A. Engelbrecht / Wien; Leipzig, 1910.

6 Критический перевод всего корпуса армянских переводов еще не опубликован.

7 Ученые отмечают разнообразие «последовательностей» Слов в отдельных переводных рукописях, равно как и число, отбор, порядок расположения отдельных текстов.

сложения различных коллекций и их бытования в рукописной традиции представляет сложную и запутанную проблему: число гомилий, порядок их расположения (аколуфия), принципы отбора тех или иных текстов отличались разнообразием. Сборники, имеющие одинаковые или сходные последовательности отдельных проповедей Григория и состав отобранных произведений, зачастую обнаруживают серьезные текстологические расхождения, что не позволяет возвести их к общему архетипу. Вместе с тем, коллекции слов разного типа и состава имеют многообразные текстологические пересечения, что свидетельствует о преобладании горизонтальных связей между отдельными словами над вертикальными связями, определяющими динамику исторического развития конкретных сборников и отдельных произведений, в них включенных. Все это заставляет поставить под сомнение возможность реконструкции исходного авторского текста, архетипа как отдельных проповедей, так и составленных из них сборников. Главная цель формальной критики текстов оказывается недостижимой, будучи погребена под многочисленными трансформациями текстов и структур отдельных сборников, в которых авторский оригинал видоизменялся усилиями многочисленных редакторов, переписчиков, толкователей.

Изучению наследия Григория Назианзина, включая греческую традицию и рецепцию его творчества в иноязычной среде, за последние три столетия посвящено множество работ и даже созданы специализированные исследовательские центры, занимающиеся этой проблемой (см. прим. 1). В последние десятилетия опубликованы полные описания рукописей армянских, сирийских, арабских, грузинских, коптских переводов гомилий и других произведений Богослова. Такие каталоги являются исходным основанием для последующей научной работы: систематической критики текстов и их публикаций, лингвистического, филологического и исторического анализа.

Не повезло лишь славянской традиции, которая находится практически вне поля зрения комплексного изучения рецепции наследия Григория Назианзина в византийско-православном культурном пространстве. Между тем, славянские рукописи, прежде всего содержащие литургическую коллекцию 16 Слов многочисленны

и составляют значительную часть переводной литературы в славянской письменности разных языковых изводов (болгарской, сербской, древнерусской)⁸. Этот корпус включает рукописи древнего происхождения, важные для изучения древнейших лингвистических особенностей церковнославянского языка, а также поздние тексты, сохранившие отчетливые черты изначального перевода, относящиеся к начальному этапу становления славянской письменности. О широком использовании произведений каппадокийского проповедника в богослужбной и учительной литературе южных и восточных славян известно давно. Исследования последних десятилетий содержат попытки выявить влияние переводов Богослова на формирование славянской религиозной лексики, начиная с рубежа IX — X вв., а также на развитие южнославянской и древнерусской церковной литературы.

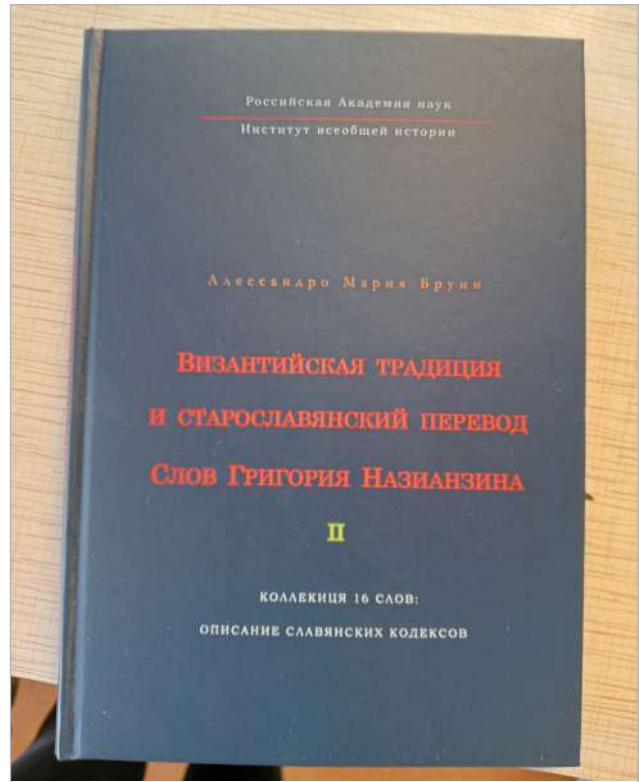
Несмотря на глубокую рецепцию Григория Назианзина славянской религиозной и литературной традицией, славянские переводы его сочинений оцениваются крайне скептически как часть общехристианского усвоения его наследия. Устойчивым штампом стало утверждение, что они крайне несовершенны, дословны, темны до непонятности, прямо следуют греческому оригиналу или искажают его из-за непонимания переводчиков. В отличие от восточных и латинского переводов славянские тексты считают малозначимыми для объяснения исторических процессов складывания греческой традиции сочинений Григория. Однако, следует указать на два обстоятельства, делающих это умозаключение в высшей степени проблематичным. Первое — это плохое знакомство палеославистов с реальными сложностями изучения текстологических и палеографических особенностей греческих текстов, что делает фактографической фикцией некие эталонные оригиналы, с которыми принято сравнивать славянские переводы.

8 Буланин Д. М. Мифологические толкования к Словам Григория Богослова и Шестоднев Иоанна Экзарха // ТОДРЛ. Т. 66. СПб., 2019. С. 12–59; Молдован А. М. Восточнославянская лексика в переводе толкований Никиты Ираклийского на слова Григория Богослова // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 9. История русского языка и культуры: Памяти В. М. Живова. Москва, 2016. С. 70–85.

Их прототипами в момент создания могли быть греческие сборники, отличные (и структурой, и составом, и текстологически) от сохранившихся до наших дней. Второе, и самое поразительное (и даже постыдное), что, несмотря на два с лишним столетия знакомства славистов с переводами Григория Назианзина до сих пор не существует не только современного критического издания всех текстов, учитывающего полный репертуар рукописей, но и, до недавнего времени, полного научного описания списков славянской коллекции слов⁹. А потому, все лингвистические, филологические и историко-культурные обобщения основываются на шатких основаниях, а именно, старых изданиях отдельных рукописей и случайном знакомстве отдельных ученых с теми или иными списками славянских переводов. Устранение этого пробела, равно как и исполнение тяжелой работы систематического изучения архивов и анализа первоисточников (следует учесть, что большинство рукописей имеют древнерусское происхождение или находятся в российских хранилищах), были выполнены, как это неоднократно бывало в отечественной славистике, иностранным исследователем.

9 Греческая и восточные рукописи Григория Назианзина интенсивно изучаются, в последние десятилетия Лувэнский центр издал более тридцати томов научных описаний рукописей, исследований и критических изданий отдельных сочинений. О славянской рукописной традиции до недавнего времени писали лишь отдельные работы по частным темам, издавали отдельные рукописи без их систематического соотнесения со всем корпусом сохранившихся славянских памятников, включали в работы общего характера предварительные умозаключения о месте текстов Богослова в рукописной, литературной и культурной истории южных и восточных славян. Более того за двести лет научной славистики не состоялось критического издания полного корпуса их славянских переводов. Между тем, уже в XIX в. русская наука пришла к выводу о важности старославянского перевода (или переводов) Слов Григория Назианзина для изучения истории славянской письменности и древнеславянского языка. Можно назвать лишь некоторые имена выдающихся русских дореволюционных ученых, затрагивавших эту проблему: А.С. Будилович, А.Х. Востоков, И.И. Срезневский, М.Н. Сперанский и крупных современных славистов: Д.М. Буланин, М. Спасова, Ф. Томсон. Краткую, но емкую характеристику влияния переводов Григория Назианзина на средневековые славянские литературы см. в обзоре А. А. Турилова в статье Григорий Богослов <https://www.pravenc.ru/text/166811.html>

В 2022 г. в Москве вышла в свет монография итальянского слависта А.М. Бруни «Византийская традиция и старославянский перевод

Слов Григория Назианзина». Том 2: Коллекция 16 Слов. Описание славянских кодексов» (далее в тексте — Бруни, 2022). (Илл. 1,2)

В ней один из крупнейших современных специалистов по славянской и греческой палеографии представил археографическое описание 151 рукописного кодекса с текстами славянских переводов коллекции 16 Слов Григория Нази-

анзина — на настоящий момент полный корпус известных рукописей. Книга содержит палеографическую и кодикологическую характеристику манускриптов, а также типологическую классификацию текстов по переводам, лингвистическим особенностям, типам и структурам сборников (Бруни, 2022. С. 12–20). Работа автора над этим научным каталогом длилась более двадцати лет, что позволило ему изучить (обращаясь непосредственно к оригиналам, т.е. *in visu*, а не фото- или компьютерным воспроизведениям¹⁰) 130 рукописей, хранящихся в России — в собраниях Москвы, Санкт-Петербурга, Твери, Ярославля, Владимира, Вологды, Новосибирска, Саратова, Томска, и 21 кодекс из архивов и библиотек Болгарии, Сербии, Румынии, Украины и монастырей Афона¹¹. Хронология рассматриваемых кодексов охватывает XIV—XVIII вв.: точные датировки рукописей, когда они возможны, располагаются между 1350/1351 г. и 1767 г. Многие из них ранее не были известны специалистам по палеославистике, а значит не были введены в контекст исследований по истории

русской и славянской книжности и религиозной культуры.

Выдающийся русский славист и знаток древнерусской литературы Н. К. Никольский почти сто лет назад в 1929 г. писал, что одна из главных проблем филологических и исторических исследований заключается в том, что ученые не знают точного состава отечественной средневековой письменной традиции и масштабов распространения отдельных произведений. То, что в европейской науке было сделано триста-двести лет назад антикварами, коллекционерами, исследователями архивов, а именно, открытие, изучение, систематизация рукописей, иначе говоря, создание «материальной базы» дальнейших научных историко-филологических исследований, отсутствовало в отечественной науке начала прошлого века. Несколько десятилетия спустя те же ламентации с некоторыми оговорками на успехи советской археологии и текстологии прозвучали и в классическом труде Д.С. Лихачева «Текстология»¹², без сомнения эпохальном не только для российской науки. И в наши дни, ученый, занимающийся древнерусской историей во всех ее ответвлениях (культурная, социальная, литературная, церковная и т.д.), сталкивается с перевернутой пирамидой: многообразие концепций и обобщений, с одной стороны, и отсутствие прочного представления об основательности источниковой базы и дефицит изданий памятников, основанных на современных критериях изучения рукописей и архивов, с другой стороны.

Каталог, составленный Бруни, представляет полноценную картину того, как одно из важнейших литературных и литургических произведений восточнохристианского мира было включено в состав древнеславянской письменности, сохранялось и развивалось в ее составе. Описания коллекции 16 Слов позволяют проследить их распространение в географическом пространстве (у южных и восточных славян)

10 Важность изучения рукописей «вживую» известна ученым с момента становления научной палеографии и кодикологии, поскольку это дает множество дополнительных аргументов в пользу восстановления исторических трансформаций текста памятника. Следует напомнить хрестоматийные слова Д.С. Лихачева: «Пытаясь восстановить историю текста, надо обращать внимание не только на текст рукописи, но и на самую рукопись, на ее состояние, на утраты, дополнения, загрязненность отдельных листов, на сделанные на ней позднейшие записи и т. п. Все это может дать весьма важный материал для суждения об истории рукописи, обстоятельствах ее написания и последующей судьбе, а также об истории ее текста» и «... первоначальное ознакомление со списками нужно все же делать в самих рукописных хранилищах по подлинным рукописям. Фотовоспроизведения не могут дать представления о многих особенностях рукописи, исследовать которые обязан текстолог (филигрань, состав всей рукописи, в которой имеется текст изучаемого произведения, особенности брошюровки и переплета и т. д.)». Лихачев Д. С., при участии Алексеева А. А. и Боброва А. Г. Текстология (на материале русской литературы X—XVII вв.). СПб., 2001 (первое изд. М., Л., 1962)

11 Автор указывает: «Подавляющее большинство источников (130) находится на территории Российской Федерации, а остальные (21) — в библиотеках Афона (2), Болгарии (4), Литвы (3), Румынии (4), Сербии (5) и Украины (3)».

12 Там же. Критика отдельных положений работы Лихачева см. у крупнейшего итальянского слависта Р. Пиккио: Пиккио Р. К вопросу о древнерусской письменной традиции // Он же. *Slavia Orthodoxa: Литература и язык*. М., 2003. С. 163—180; подробнее - Буланин Д.М. Текстология древнерусской литературы: Ретроспективные заметки по методологии // *Русская литература*. 2014. № 1. С. 18—51.

и языковой среде (рукописи восточнославянского, сербского и болгарского изводов), соотношение различных переводов и редакций, наконец, кодикологические особенности текста (рукописи коллекции в целом, включение отдельных слов в сборники иного состава, конвой памятника, т.е. включение в сборники гомилий произведений иного жанра или авторства). Подобное научное описание (Бруни, 2022. С. 15–20; 24 сл.) дает в руки палеославистов ключ к систематическому изучению истории текста памятника, его литературных и языковых особенностей. Более того, открывает возможности для предметного изучения принципов переводческой деятельности в начальный период славянской истории, с одной стороны, и использования славянских переводов для изучения византийской традиции гомилий Григория Назианзина, включая процесс сложения разного типа коллекций и текстологические особенности греческих памятников, с другой стороны. Полнота и глубина анализа сложнейшего рукописного материала позволяют оценить небольшую по объему книгу итальянского ученого как выдающийся труд, в концентрированном виде представляющий специалистам по древнерусской и славянской истории многолетнюю напряженную работу в архивохранилищах¹³. Сам он назвал свой каталог славянским *Repertorium Nazianzenum*, что является не только фигурой речи, но и простой констатацией факта.

Однако, эта работа должна быть рассмотрена не только сама по себе, но и как элемент многолетнего комплексного изучения автором славянской и греческой традиций проповедей Григория Богослова в их специфике и взаимоотношениях. А.М. Бруни более двадцати лет занимался изучением корпуса старославянских переводов Григория Назианзина, став

в буквальном смысле слова первооткрывателем истинных масштабов бытования сочинений Богослова в южно- и восточнославянской письменности. Параллельно он занимался самостоятельным изучением палеографических, кодикологических и текстологических особенностей византийских коллекций проповедей Григория, справедливо полагая, что невозможно проанализировать специфику славянских переводов, не понимая природы формирования их греческих прототипов. Вышедший в 2022 г. полный каталог славянских рукописей Литургической коллекции фактически стал (на текущий момент) завершением научной трилогии, включающей две монографии. Начало ей положила работа Бруни над кандидатской диссертацией в 2001—2004 м х гг. В 2004 г. в Москве было опубликовано исследование «Θεολόγος. Древнеславянские кодексы Слов Григория Назианзина и их византийские прототипы». Книга напечатана в серии «Россия и Христианский Восток. Библиотека» (далее в тексте: Бруни, 2004). Ответственный редактор этой монографии Б.Л. Фонкич, выдающийся российский специалист по греческой палеографии и научный наставник Бруни, в своей рецензии назвал ее «выдающимся исследованием», «зданием, которое не может не удивлять и своими размерами, и своими качествами, и своей красотой».

В 2010 г. в той же серии была издана монография «Византийская традиция и старославянский перевод Слов Григория Назианзина» (далее — Бруни, 2010). Первая часть (названная автором «книгой») этого сочинения посвящена палеографическому изучению греческих кодексов, известных в науке под названием «полной коллекции гомилий Григория Богослова». В ходе этого исследования автор реконструирует темную и запутанную историю текста проповедей в течение столетий от смерти каппадокийского теолога и до средневизантийского периода, опровергая давние и устойчивые представления о формировании коллекции и текстологии отдельных слов. Вторая часть (книга) работы имеет исключительное значение для палеославистов, так как в ней представлена первая и единственная попытка публикации древнейшего славянского перевода четырех слов Григория Назианзина, выполненная в соответствии с новейшими критериями палеографического и текстологического изучения всего доступного

13 «Принцип целостного изучения рукописной традиции, в которой дошел до нас тот или иной памятник», как писал Лихачев, лежит в основе исследовательской стратегии автора. Высочайшая оценка труда А.М. Бруни была дана многочисленными рецензентами, выступавшими в процессе обсуждения работы в Институте всеобщей истории РАН. В отзывах российских и зарубежных специалистов по славянской палеографии, текстологии и литературной истории подчеркивалась острая востребованность подобного системного описания рукописей в лингвистических, филологических, текстологических и историко-культурных изысканиях.

корпуса рукописей¹⁴. Следует отметить, что к настоящему времени автор обнародовал критические издания шести проповедей¹⁵, относящихся к первому староболгарскому (кон. IX — пер. половина X вв.) переводу Григория Назианзина¹⁶ и расширил свои изыскания в области греческой и славянской палеографии в многочисленных статьях, опубликованных в авторитетных изданиях по славистике и византистике. Будем надеяться, что в ближайшие годы он завершит свой труд по изданию всех древнейших переводов слов каппадокийского богослова, предоставив таким образом ценнейшую источниковую базу в руки исследователей старославянской литературы, языка и религиозной истории.

14 Автор справедливо указывает на существенные недостатки давней публикации русским славистом А.С. Будиловичем древнейшей сохранившейся рукописи коллекции Слов, дошедшей в древнерусском кодексе конца XI в. Недостатки издания текста и его лингвистического исследования Будиловичем были очевидны уже на рубеже XIX-XX вв. В настоящее время эта работа не выдерживает критики с точки зрения современных стандартов изучения старославянских текстов. Будилович А.С. Исследование языка древнеславянского перевода XIII слов Григория Богослова по рукописи Императорской Публичной библиотеки XI века. СПб., 1871; он же. XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи Имп. Публичной Библиотеки XI века. СПб., 1875; Коцева Г. Найранният кирилски препис от слова на Григорий Богослов // Българско средновековие: Българо-съветски сборник в чест на 70-годишнината на проф. И. Дуйчев. София, 1980. С. 240-252.

15 Изначально эти тексты входили в древнейший славянский сборник т.н. 13 Слов Григория Богослова.

16 Петрова Л. Я. К вопросу о древнеславянском переводе Слов Григория Богослова // Советское славяноведение. М., 1991, № 4. С. 70-75; она же. Лингвотекстологическое исследование рукописи XI в. XIII Слов Григория Богослова (ГПБ Q. п. I. 16, XI в.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук // Л., 1985; она же. Семантические различия лексических вариантов как средство определения древности первых славянских переводов // Проблемы исторического языкознания. Л., 1986. Вып. 3. С. 109-115; Коцева Е. Найранният кирилски препис от слова на Григорий Богослов // Българско средновековие. София, 1989. С. 240-252. По вопросу о двух переводах в составе сборника 13 Слов см.: Дегтев С. В. Замечания о двух переводах в составе сочинения Григория Назианзина "Тринадцать Слов" // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. М., 1991. С. 36-41.

Исследования Бруни, безусловно, адресованы академической аудитории, прежде всего, специалистам по палеославистике и старославянской истории, однако его выводы и наблюдения будут полезны и более широкой публике, интересующейся реальной, а не фиктивной историей старославянской и древнерусской культуры. Поэтому, стоит остановиться на некоторых важнейших положениях его исследований, показывающих механизмы рецепции греко-византийской традиции в славянской письменности периода ее становления, а также способы распространения, трансформации или консервации переводных памятников в различных национально-языковых контекстах.

Бруни отмечает, что Слова Григория Назианзина сохранились в славянской традиции в трех переводах — двух староболгарских, относящихся к «золотому веку» болгарской письменности (конец IX в. — X в.) и среднеболгарском середине XIV в., выполненном либо в Болгарии либо на Афоне. (Бруни 2004. С. 32-37; 2010. С. 116 сл.). В большинстве своем эти тексты сохранились в восточнославянских рукописях (Бруни 2004. С. 119 сл.), что отмечает типичную ситуацию с формированием древнерусской письменности: подавляющее большинство переводных текстов были «импортированы» на Русь из южнославянских областей, прежде всего из Болгарии, как в начальный период христианизации (XI-XII вв.), так и в период т.н. «второго южнославянского влияния» XIV — середины XV вв.¹⁷. Всего в славянских переводах читается 21 гомилия Григория Богослова, которые сохранились в сборниках двух составов: один из них включал 13 проповедей, а второй собственно и представлял собой литургическую коллекцию 16 Слов. Коллекция 13 Слов сохранилась в единственной

17 О «золотом веке» болгарской литературы X в., сохранившейся почти исключительно в русских рукописях не ранее XIV-XV вв. см.: Буланин Д.М. Три версии толкований Никиты Ираклийского к словам Григория Богослова // Старобългарска литература. Т. 61-62. 2020. С. 11-37; Турилов А. А. Болгарские литературные памятники эпохи Первого царства в книжности Московской Руси XV-XVI вв.: (Заметки к оценке явления) // Славяноведение. 1995. № 3. С. 31-45; исследования по широкому спектру межславянских культурных и литературных связей: Турилов А. А. Slavia Cyrillomethodiana: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси. М., 2010. С. 39-64)

древнерусской рукописи конца XII в. и содержит древнейшие переводы, выполненные на глаголице и затем транслитерированные на кириллицу. Бруни полагает, что местом происхождения этого сборника был Преслав, блистательный политический и культурный центр эпохи царя Симеона и, не отрицая разновременность перевода отдельных Слов (с конца IX в. — до первых десятилетий X в.), скептически относится к версии о том, что происхождение отдельных гомилий можно возводить к периоду моравской деятельности Мефодия (Бруни 2010. С. 116 сл.). Вскоре после или одновременно с этим в Преславе была переведена и славянская литургическая коллекция 16 Слов (у Бруни — Slav.1), сохранившаяся также преимущественно в восточнославянских списках. Автор отмечает, что ее появление в сер. X в. было хронологически близко к формированию греческого сборника и указывает на вариативность аколуфий (последовательностей проповедей). Обратившись к греческим манускриптам, Бруни выделяет реальные (а не идеальные) прототипы славянского перевода (Бруни 2004. С. 19–118).

Если перевод литургической коллекции можно объяснить рецепцией литургической практики и письменности в Болгарии (весьма активной в X в.), практически важной для «молодой» церкви, то появление сборника 13 Слов с точки зрения функций и предназначения не ясно¹⁸. Бруни оставляет вне рассмотрения вопрос о последовательности формирования коллекций, явно отдавая хронологический приоритет последней. Так или иначе тексты, сохранившиеся в этих староболгарских переводах, относятся к древнейшему пласту церковнославянской письменности. Он отмечает, что оба сборника имеют восемь общих гомилий (две из них были переведены заново, остальные подверглись более или менее значительному редактированию), к которым в литургической коллекции добавлено еще восемь слов. Из пяти гомилий первого сборника, оставшихся за рамками литургической коллекции, лишь одна встречается в отдельных рукописях.

В середине XIV в. был создан новый перевод литургической коллекции 16 Слов, выпол-

ненный на среднеболгарском языке (Slav.2), который на новом этапе активной рецепции южнославянской письменности попал в восточнославянские земли. Собранные Бруни данные позволяют предметно подтвердить давно высказанную гипотезу¹⁹ о том, что древнейший перевод (X в.) практически не оставил следов в южнославянской (сербской и болгарской) книжности, будучи вытеснен более новым и совершенным переводом. И в русской, и в южнославянской традиции гомилии имеют устойчивое сопровождение в виде комментария византийского богослова XI в. Никиты Ираклийского²⁰, первый перевод которого был выполнен в XII в., предположительно на Руси (что не имеет твердых подтверждений), а второй — в XIV в.²¹ Они соответственно сопровождают сборники, содержащие Slav.1 и Slav.2 (Бруни- 2022. С. 19)

В своих исследованиях итальянский ученый отказывается от давней и устойчивой классификации рукописей слов Григория Назианзина, предполагающей их разделение на «редакции», которая была введена М.Н. Сперанским почти сто лет тому назад²². Масштабы исследованного Бруни материала, разнообразие отдельных памятников с точки зрения языка, текстологии, времени происхождения, особенностей перевода, структуры сборников делают категорию «редакция» для их систематизации преждевременной, если не бесполезной. Он предпочитает более дробную и предметную классификацию, разделяя рукописи на пять категорий в соот-

18 О гипотезе, что сборник 13 Слов появился в результате переработки староболгарской литургической коллекции 16 Слов см.: Буланин Д.М. Три версии.

19 Сперанский М. Н. Русские памятники письменности в югославянских литературах XIV–XVI вв. // Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей. Москва, 1960. С. 55–103

20 Молдован А. М. Восточнославянская лексика в переводе толкований Никиты Ираклийского

21 Бруни А. М. К сопоставительному изучению византийской и древнейшей славянской традиций толкований Никиты Ираклийского к словам Григория Богослова // Палеография, кодикология, дипломатика: Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. Материалы Международной научной конференции в честь 75-летия Б. Л. Фонкича. Москва, 27–28 февраля 2013 г. Москва, 2013. С. 29–42.

22 Первой редакцией он считал сборник 23 Слов, второй – древнеболгарский перевод литургической коллекции, третьей – среднеболгарский перевод XIV в.

ветствии с переводом, местом происхождения, структурой и спецификой конвоя (комментарии, глоссы, дополнительные тексты). Скрупулезная и долгая работа Бруни, сочетающая палеографические, кодикологические и текстологические методы исследования, стала надежной базой для подготовки «образцовых», по словам одного из рецензентов, критических изданий слов Григория Богослова. Первый перевод коллекции (Slav.1) не сохранился в составе южнославянской книжности, однако к счастью для палеославистов присутствует в достаточном числе восточнославянских рукописей (16 полных списков), сохранивших, несмотря на позднее происхождение, многие языковые и текстовые особенности своих древних протографов. Это обстоятельство позволило Бруни опубликовать шесть гомилий

из древнейшего староболгарского сборника, выполнив полноценный систематический анализ всех доступных рукописей XII—XVI вв. и максимально устранив ошибки и искажения исходного глаголического текста, накопленные в процессе транслитерации, многовекового редактирования и копирования текстов.

В первой монографии в 2004 г. А.И. Бруни так определял главную цель своего исследования: «Настоящая работа содержит аргументацию тезиса о необходимости вернуть славянскому рукописному наследию Слов Григория Назианзина то место, которое оно заслуживает в византиноведческих, востоковедческих и патристических штудиях». Как показали последующие труды ученого, он верен своему призванию и последователен в достижении намеченной цели.

DISCOVERING THE SLAVONIC TRADITION OF GREGORY OF NAZIANZUS: GREEK AND OLD RUSSIAN HOMILIES OF THE ΘΕΟΛΟΓΟΣ

Paramonova Marina Yurievna,
DcS, Leading Researcher,
Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Leninsky Prospekt, 32 A, Moscow.
ivi-1415@yandex.ru

Abstract

Gregory of Nazianzus (c. 330 – c. 390), one of the Cappadocian Fathers, received the title “the Theologian”, or Θεολόγος in Greek in Orthodox Church. He is venerated as one of the “Church Teachers” both by Catholic and Orthodox Christians for his explanations on the different and highly disputable questions of the ecclesiastical doctrine. During his life he was also recognised as a great preacher who displayed his orations for multiple devotees. The circle of his admirers joined the simple as well as highly sophisticated learned persons. His orations were circulated in a great number of copies and in the course of centuries formed the different type of collections. The complete collection of Gregory’s sermons included 45 (or rather 44) writings and was copied in all parts of Byzantine Empire, however the greater popularity received the so called “liturgical collection”. From the ninth century, sixteen of selected sermons were used in church services for public reading on various holy days. Gregory’s orations were translated into Latin and many languages of the Byzantine Oikumene such as Armenian, Syrian, Georgian, Coptic, Slavonic etc. These translations are widely used by researchers in the investigations of the Greek collections’ history and in the reconstruction of the texts’ archetype. The only exemption is Old Slavonic tradition centered on the liturgical collection of Sixteen sermons (16 Slov in Russian). The common scholarly opinion considers Slavonic translations as secondary and unuseful for study of the Greek texts. The foundations of that situation we should see in the low level of the Slavistic studies of the Gregorian texts in Old Slavonic. For two centuries neither the full description of the manuscripts nor the systematic textual, paleographic and codicological were done. However the great and perhaps heroic job to “rediscover” Slavonic Gregory “the Theologist” was done in the last two decades by Italian researcher Alessandro Maria Bruni.

Keywords

Repertorium Nazianzenum, patristics, Slavic translations of liturgical and religious works, textual criticism, paleography, scientific description of manuscripts.

RAR

УДК 930.25

ББК 79

DOI 10.34685/NI.2023.40.1.003

АРХИВЫ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ ЛИЧНОГО ФОНДА Н.С. РОМАНОВА)

Саяпарова Екатерина Владимировна,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры политологии, истории и регионоведения,

исторический факультет Иркутский государственный университет

ул. Карла Маркса, 1, г. Иркутск 664003,

ignis_klio@mail.ru

Аннотация

Архивы являются источником неиссякаемых знаний и выступают одними из главных хранителей исторической и культурной памяти. Сохранение документального фонда личного и делового характера не только позволяет восстановить события, факты, но также препятствует искажению исторической действительности, которое приводит к утрате человеческих качеств и созданию глобальных конфликтов. Роль архивов как документальных источников традиционна, однако значимость их как полноценных памятников истории и культуры не рассматривается исследователями достаточно пристально. Между тем, архивные документы сами по себе являются памятниками истории и культуры, представляющими культурную ценность. В подобном контексте архивные источники практически не рассматриваются исследователями.

Ключевые слова

Архивы, культурное наследие, историческое наследие, культурная ценность, наследие регионов.

Культурное наследие имеет огромное значение как для каждого отдельно взятого народа, так и для человечества в целом. Согласно определению, к объектам культурного наследия относятся объекты археологии, архитектуры и монументального искусства, представляющие историческую, художественную, научную и мемориальную ценность, а также достопримечательные места¹.

Архивные документы традиционно не причисляют к памятникам истории и культуры, несмотря на их значимость и во-многом ключевую роль в качестве источников, не просто фиксирующих информацию, но, являющихся, частью историко-культурного наследия, то есть объектами,

---

(памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/8aa9478dba49e6a5c251a3332d51e78e4839a9d8/ (дата обращения: 11.10.22)

1 Федеральный закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «Об объектах культурного наследия

обладающими культурной ценностью. Оставляя в стороне вопрос о достоверности того или иного вида архивных источников, уместно, тем не менее, трактовать их в силу принадлежности определенной исторической эпохи, как свидетельство, в том числе и негативных сторон исторической и культурной жизни. Достоверность же архивных документов, доказанная и подтвержденная, в их совокупности является неопровержимым доказательством накопленного опыта.

В целом, существует достаточно небольшое количество работ, посвященных проблеме идентификации архивных документов как объектов культурного наследия. В исследовании Г. А. Гундеревич и Е. В. Латышевой предпринимается попытка проанализировать действующее законодательство, чтобы определить принадлежность архивных документов и информации, содержащейся в них, к категории культурной ценности и исторического наследия народа². Авторы приходят к выводу что, архивные документы, в которых заключена информация об объектах культурных ценностей, целесообразно отнести к культурным ценностям.

Также Латышева Е. В. в своей работе «К вопросу о культурной ценности архивного документа» рассматривает архивные документы как уникальные объекты, которые, имея историческую ценность, бесспорно, представляют собой историко-культурное наследие³.

В другой своей работе, автор обращает внимание на важность сохранения, реставрации и использования памятников культурного наследия. По ее мнению, различия между документом обычным и документом архивным неоспоримы и последние, безусловно, представляют культурно-историческую ценность для общества и государства, поскольку главной его характеристикой

является то, что он прекратил выполнять функции, для которых был создан, чем и отличается от другого массива документов.

Архивы, как и другие памятники истории и культуры, достаточно часто гибли во время пожаров острогов и городов. Тем большей важностью обладают уцелевшие и достаточно разрозненные архивные документы, являющиеся зачастую очень редкими, но уникальными свидетелями событий.

Во время большого пожара 1879 года в Иркутске сгорел губернский архив, в связи с чем, в Государственном архиве Иркутской области практически отсутствуют документы Иркутской городской думы за период с 1848 по 1872 год. Тем более важное значение представляют крупницы архивных материалов, чудом сохранившиеся в частных фондах.

Большую роль в сохранении историко-культурного архивного наследия имеет личный архив Нита Степановича Романова, известного исследователя и летописца города Иркутска. Практически все виды документов рассматривались им как ценный, очень хрупкий и самый уязвимый информационный исторический памятник, свидетельствующий и рассказывающий о времени и эпохе, в которую он был создан. Понимая важность документального исторического источника Нит Степанович собирал и сохранял архивные документы в своей коллекции, очень разнообразной по своей тематике, видовому документальному составу и хронологическим рамкам. Однако стоит отметить, что документы включались в коллекцию, главным образом, с целью сохранения ценных исторических сведений, исходя исключительно из краеведческих интересов Нита Степановича. Иногда архивные документы жертвовались их бывшими владельцами Н. С. Романову, как это было в случае с книжными коллекциями, которые он также собирал.

Архивные документы, входящие в собрание Н. С. Романова, исследователями, условно подразделяются на два больших блока, первый из которых составляют архивные документы государственных учреждений, так называемая управленческая документация; и второй блок, содержащий документы из личных архивов граждан и являются документами личного происхождения. Те и другие дополняют друг друга, позволяя составить четкую единую картину,

2 Гундеревич Г. А., Латышева Е. В. О правовом регулировании архивного документа как культурно-исторической ценности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 1. С. 9 – 14

3 Латышева Е. В. К вопросу о культурной ценности архивного документа. // Управление документацией: прошлое, настоящее, будущее. Сборник материалов III-ей международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Т. В. Кузнецовой. 2017. С. 105 – 111.

как отдельных событий, так и общую историко-культурную канву эпохи⁴.

Так, находящиеся в архивном собрании Н. С. Романова указы существуют в виде отдельных императорских и правительственных печатных манифестов, указов и объявлений⁵, рукописных копий указов, а также ряда указов и предписаний местной администрации за 1724–1798 гг.⁶

В период с 1890 по 1934 год Н. С. Романовым была собрана большая подборка законодательных и распорядительных административных документов. Несмотря на то, что, как уже упоминалось выше, коллекция составлялась в основном не по тематическому принципу, а по видовому, отдельные российские указы отложились в коллекции неслучайно.

Одним из постоянных источников пополнения коллекции для Н. С. Романова являлись рынки, книжные «развалы», где в широком доступе находились всевозможные документы государственных учреждений, активно скупавшиеся торговцами и являвшиеся постоянным источником бумажной упаковки.

В 1863 году был организован Иркутский губернский статистический комитет, в течение 57 лет занимавшийся сбором, проверкой и систематизацией статистических сведений на территории Иркутской губернии. После его ликвидации в 1920 году архив учреждения был практически уничтожен. Были утрачены ценные информационные исторические источники об экономической, социальной и культурной жизни населения Иркутской губернии второй половины XIX — начала XX вв. Что позволяет отнести редкие, сохранившиеся благодаря инициативе частных лиц, документы к безусловным редкостям, что и определяет их культурную и историческую ценность.

В 1927 году Н. С. Романовым были у торговца на «толкучке» приобретены три дела Иркутского губернского статистического комитета⁷, а немного позже дело губернского комитета

за 1868 год со статистическими сведениями, полученными с мест по обязательной таблице № 2 по форме «О числе жителей по вероисповеданиям»: православие, единоверие, раскольниковство, армян-григорианство, католицизм, протестантизм, магометанство, иудаизм, караимы, буддизм, шаманство и огнепоклонство.

Среди «статистических казенных дел» в личной собственности Н. С. Романова также имелось «Дело о разработке Центральным статистическим комитетом сведений о земельной собственности в населенных местах за 1877–1882 гг.», содержащее переписку губернского статистического комитета о порядке проведения подворной переписи на примере Алзайской волости⁸.

В течение ряда лет происходило расхищение крупнейшего регионального хранилища — архива Иркутского общего губернского управления. Пять дел, в числе которых «Донесение Братского волостного правления адъютанту военного губернатора города Иркутска и Иркутского гражданского губернатора с описанием порогов на реках Ангара и Ока» были спасены Н. С. Романовым⁹.

Большую ценность представляет собой дело, озаглавленное «Переписка Иркутского губернского по воинским делам присутствия с Министерством Внутренних Дел, Главным Управлением Восточной Сибири и Окружным по воинской повинности присутствием о проведении призывной кампании»¹⁰. В нем содержатся документы за 1882 год, и эти сведения чрезвычайно важны, так как в самом архивном учреждении документов за этот год не сохранилось.

Приобретенные Н. С. Романовым материалы по рассмотрению сметы расходов Иркутского губернского статистического комитета на трехлетний период развития 1887–1890 гг.¹¹ представляют интерес при изучении как истории самого учреждения, так и организации статистического дела в Иркутской губернии, Дело, содержащее ведомости о числе арестантов¹²

4 2. Обзор личного архивного фонда Нита Степановича Романова. Иркутск : Оттиск, 2012.

5 ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 325. Д. 333. Д. 359

6 ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 326. Д. 327. Д. 328. Д. 337. Д. 340

7 ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 343. Д. 350. Д. 352

8 ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 353

9 ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 351

10 ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 354

11 ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 355

12 ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 357

включает ценные статистические данные о количестве арестантов на Николаевском железоделательном заводе, в Верхоленской окружной тюрьме, Нижнеудинском тюремном замке за январь — декабрь 1888 года и в Александровской центральной тюрьме за сентябрь того же года.

Революции и гражданская война причинили огромный ущерб документальному архивному наследию. С 1917 года по 30-е гг. XX века состояние архивного дела в Иркутской губернии было катастрофическим, на рынках продавались не только отдельные документы, но и целые архивные дела местных органов управления, относящихся ко времени двух великих исторических эпох — Русского государства и Российской империи.

Помимо официальных архивных документов, в коллекции Н. С. Романова находятся большое количество личных фондов известных российских и региональных деятелей, включающих в себя разнообразные и уникальные документы.

Среди них, например, имеется редкий документ — светский альбом семинариста Федора Федоровича Верномудров¹³, который принадлежал одному из образованнейших и просвещенных представителей иркутского духовенства. Альбомная культура являлась заметным и значимым явлением в культурной жизни нашей страны. И, хотя, ведение альбомов было присуще, главным образом, молодым девушкам и женщинам, однако, имели распространение и семейные альбомы, не обошла данная традиция и мужчин. Основные функции альбомов сводились к творчеству, и по сути, представляя собой некую форму личного дневника, в то же время, будучи открыты для запечатления чужого творчества. Поскольку в альбомах присутствовали не только авторские зарисовки и мысли его владельца, но и образчики творчества тех, избранных гостей, которым доверялась такая честь, они по праву могут считаться памятниками историко-культурного наследия, ведь среди рисунков, стихов и прочих творческих зарисовок встречаются, принадлежавшие известным людям. В связи с тем, что образцов альбомной культуры, особенно в регионах, сохранилось не так много, наличие подобного документа, к тому же при-

надлежавшего духовной особе, крайне ценный артефакт коллекции Н. С. Романова.

В Иркутске, являвшемся городом торговым, купеческая среда формировала основной пласт региональной дореволюционной культуры. В архивной коллекции Н. С. Романова особое внимание обращают на себя документы из личных архивов купцов. После революции Нит Степанович стал собирать так называемые «деловые архивы», утилизовавшиеся родственниками бывших владельцев.

В сентябре 1934 года Н. С. Романовым был приобретен архив торгового дома братьев Бережных, развернувших свою деятельность в Приленском крае с 1870-х гг.¹⁴

В сентябре 1935 года Нит Степанович приобрел библиотеку С. Н. Пежемского — дальнего родственника летописца П. И. Пежемского, проданную в связи с отъездом. Вероятно, вместе с книгами он приобрел и документы из архива купцов Пежемских — одного из самых известных сибирских купеческих родов, выходцев из первых поселенцев Илимского края.

В коллекции Н. С. Романова также находятся четыре дела с документами по истории семьи Родионовых. Купцы братья Родионовы: Василий Львович, Николай Львович и Андрей Львович занимались торговлей китайским чаем.

В плеяду знаменитых купеческих фамилий Иркутска входит старинный род Трапезниковых, один из самых могущественных купеческих кланов Иркутска XVIII — начала XX вв., внёсший большой вклад в развитие экономики и культуры Сибири, славившийся меценатством и не чуждого инновационной мысли. В составе коллекции Н. С. Романова находятся четыре дела, относящиеся к истории этого купеческого рода, сыгравшего очень важную роль в истории региона.

Важность трудов Н. С. Романова по сохранению документов, свидетельствующих о деятельности представителей иркутского городского общества, трудно переоценить. Стоит учитывать и тот факт, подчеркивающий ценность проделанной им работы, что осуществлялась она в условиях разрушения экономических, политических, культурных устоев Иркутска.

13 ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 371

14 ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 242. Л. 76об

В итоге, комплекс документов из архивов государственных и общественных деятелей в коллекции Н. С. Романова весьма внушительен. В описи фонда они включены в самостоятельный раздел: дела с 459 по 590 включительно. Внутри каждого раздела все дела сгруппированы по фамилиям авторов архивов, расположенным в алфавитном порядке. В фонде представлены архивы таких личностей как: В. И. Вагин — публицист, историк, географ, общественный деятель, прозаик, мемуарист, литератор, редактор и издатель газеты «Сибирь»; Н. И. Витковский — археолог-самоучка, внесший большой вклад в развитие археологической науки, обнаруживший захоронение каменного века — Китойский могильник; М. В. Загоскин — писатель, журналист и общественный деятель, создатель первых частных газет Сибири, коллежский советник, гласный Иркутской городской думы; П. К. Казаринов — русский и советский библиограф, библиотечный деятель, краевед и преподаватель; Д. П. Першин — гласный Иркутской городской думы, приобретший, кроме того, известность как краевед, журналист, активный член ВСОРГО, он оставил уникальное научное наследие; Г. Н. Потанин — знаменитый исследователь, занимавшийся комплексными исследованиями Северной и Центральной Азии, известный также как один из идеологов и основателей сибирского областничества; И. И. Серебренников — учёный (этнограф, статистик, работы по статистике и этнографии Сибири), писатель, журналист, сибирский областник, деятель Сибирского отдела Русского географического общества и многих других. Все эти люди составляли культурную элиту г. Иркутска и каждый из них внес свой неопределимый вклад в историко-культурное развитие региона.

Также в разделе представлено незначительное количество документов таких деятелей как: Ф. А. Кудрявцев — историк-архивист, доктор исторических наук, профессор, один из основателей иркутской исторической школы; П. И. Макушин — видный деятель народного просвещения в Сибири, основатель первой в Томске публичной библиотеки, первого в Сибири книжного магазина, один из инициаторов создания первого в Сибири университета; П. П. Сукачев — иркутский городской голова, почётный гражданин города Иркутска, известный меценат, попечитель, основатель картинной галереи; А. М. Григорьева (урожденная

Останина, в первом браке Корбут-Караффа) — педагог, основательница Ремесленно-Слободской воскресной школы и многих других.

Документы таких известных личностей как Н. М. Ядринцев — публицист, писатель и общественный деятель, исследователь Сибири и Центральной Азии, один из основоположников сибирского областничества и В. С. Ефремов — секретарь, а затем один из редакторов газеты «Восточное обозрение» относятся к архиву редакции газеты «Восточное обозрение» в силу специфики их профессиональной деятельности.

В настоящее время документы из его архивной коллекции дополняют малообъемные и достаточно скудные архивные фонды ряда местных органов волостного и губернского уровней государственного управления и активно используются региональными исследователями.

Благодаря усилиям Нита Степановича Романова были сохранены для истории ценные архивные документальные первоисточники как государственных учреждений, так и частных лиц, деятельность которых имела большое значение для развития региона. Материалы, представленные в коллекции исследователя, играют большую роль в изучении исторического и культурного прошлого, поскольку содержат в себе ценные, хотя и зачастую разрозненные сведения практически о всех аспектах деятельности. Стоит отметить, что достаточно большое количество архивных документов поистине уникальны и информацией, имеющейся в них, не только дополняют уцелевшие и официальные источники, но также и заполняют существующие «белые пятна» в различных сферах жизни.

Таким образом, значимость архивов как объектов исторического и культурного наследия бесспорна, поскольку документы, их составляющие позволяют воссоздать не только сухие скрупулезные официальные данные, но и реконструировать «лицо» эпохи, к которой они относятся, как беспристрастные свидетели и накопители ценной информации.

Список источников и литературы

1. ГАИО. Ф. 480. Оп. 1., Д. 234, Д. 240, Д. 241, Д. 242, Д. 243, Д. 247, Д. 326, Д. 327, Д. 328, Д. 333, Д. 337, Д. 340, Д. 343, Д. 350, Д. 351, Д. 352, Д. 353, Д. 355, Д. 359, Д. 366, Д. 463, Д. 464, Д. 465, Д. 481, Д. 482, Д. 516, Д. 517, Д. 518, Д. 519, Д. 520, Д. 521, Д. 544, Д. 547, Д. 536, Д. 554, Д. 556, Д. 580, Д. 581, Д. 588, Д. 2424.

2. Обзор личного архивного фонда Нита Степановича Романова. Иркутск : Оттиск, 2012. 269 с.

3. Романов, Н. С. Сибирские архивы // Труды Иркутской ученой архивной комиссии. Иркутск, 1913. Вып. 1. С. 219.

4. Гундериц Г. А., Латышева Е. В. О правовом регулировании архивного документа как культурно-исторической ценности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 1. С. 9—14.

5. Латышева Е. В. Архивный документ: проблемы культурной ценности и культурного наследия. // Документация в информационном обществе: архивоведение и документоведение в современном мире. Доклады и сообщения на XXIII Международной научно-практической

конференции, посвященной 50-летию ВНИИ-ДАД. 2017. С. 109—115.

6. Латышева Е.В. К вопросу о культурной ценности архивного документа. // Управление документацией: прошлое, настоящее, будущее. Сборник материалов III-ей международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Т. В. Кузнецовой. 2017. С. 105—111.

7. Федеральный закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/8aa9478dba49e6a5c251a3332d51e78e4839a9d8/ (дата обращения: 11.10.22).

ARCHIVES AS OBJECTS OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE (ON THE MATERIALS OF THE PERSONAL FUND OF N.S. ROMANOV)

Sayaparova Ekaterina Vladimirovna,

PhD, Associate Professor of the Department of Political Science,
History and Regional Studies,
Faculty of History Irkutsk State University
st. Karl Marx, 1, Irkutsk 664003,
ignis_klio@mail.ru

Abstract

Archives are a source of inexhaustible knowledge and act as one of the main keepers of historical and cultural memory. The preservation of the documentary fund of a personal and business nature not only allows you to restore events, facts, but also prevents the distortion of historical reality, which leads to the loss of human qualities and the creation of global conflicts. The role of archives as documentary sources is traditional, but their significance as full-fledged monuments of history and culture is not considered by researchers closely enough. Meanwhile, archival documents in themselves are historical and cultural monuments of cultural value. In this context, archival sources are practically not considered by researchers.

Keywords

Archives, cultural heritage, historical heritage, cultural value, heritage of the regions.

ИМЕНА И СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО

PER
УДК 930
ББК 63.3
DOI 10.34685/NI.2023.40.1.004

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ РАССТРЕЛЯННОГО СВЯЩЕННИКА МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА АЛЬБОВА

Федорченко Наталья Витальевна,
ст. преподаватель,
Факультет управления и общественных отношений
НГУ им. П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург,
natalia.usenko@gmail.com

Аннотация

На основе уникальных источников представлен подвиг исповедничества настоятеля Николо-Пятницкого Храма с. Ильеши Ленинградской области протоиерея Михаила Николаевича Альбова, расстрелянного за антисоветскую пропаганду в 1938 году. Детали жизни репрессированного священника удалось восстановить по материалам уголовного дела из Архива ФСБ России и архивных дел его ближайших родственников.

Ключевые слова

Николо-Пятницкая Церковь села Ильеши, священник Михаил Альбов, новомученики и исповедники, гонения на Церковь, «Русская Голгофа», увековечение памяти жертв политических репрессий.

Процесс увековечения памяти жертв политических репрессий в России активно ведется с начала 1990-х годов по настоящее время. Значительная роль в этой деятельности принадлежит трудам Русской Православной Церкви, что объяснимо — потери клира и активных православных мирян были огромны. Как отмечает Т.Ю. Юренева, во многих городах России сооружены мемориальные комплексы, посвященные памяти невинноубиенных¹, однако, далеко не все имена еще открыты и обнародованы.

Данная публикация обобщает сведения о расстрелянном в 1938 году настоятеле Николо-Пятницкой Церкви села Ильеши — протоиерее Михаиле Николаевиче Альбове. Исторический поиск начался с единственной, случайно обнаруженной записи в мартирологе². Ранее исследование его жизни не осуществлялось, материалы его биографии публикуются впервые.

ветской России // Культурное наследие России. 2022. №4. С. 104–114.

1 Юренева Т. Ю. Мемориальный комплекс как форма увековечения памяти жертв политич. репрессий в постсо-

2 Ленинградский мартиролог т.10 [электронный ресурс], URL: <https://visz.nlr.ru/person/book/t10/1/80> (дата обращения: 31.01.2023).

Село «Ильеши» находится в Волосовском районе Ленинградской области. В населенном пункте расположен красивейший Никольский Пятницкий Храм 1854 года (Илл. 1), построенный по проекту архитекторов К. И. Брандта и К. Е. Егорова.

Илл. 1. Николо-Пятницкий Храм с. Ильеши. Фото 2006 г.

До 60-х годов XX века южнее Ильешей на расстоянии двух километров располагалась часовня (Илл. 2) в честь чудесного явления иконы Св. Вмч. Параскевы Пятницы. Ныне икона хранится постоянно в Санкт-Петербургской Свято-Троицкой Александро-Невской Лавре. По приказанию властей часовня была разрушена в 1961 году.

С момента открытия службы в Ильешском Храме прерывались лишь на несколько лет перед Великой Отечественной Войной. До сегодняшнего времени обстоятельства закрытия Храма оставались неизвестными, однако теперь, они начинают проясняться.

С 1924 года по май 1938 года настоятелем Николо-Пятницкой Ильешской церкви являлся протоиерей Михаил Николаевич Альбов, уроженец Петербурга 20 сентября 1876 года рождения.

Отец Михаил происходил из семьи духовенства, являлся потомственным почетным гражданином Санкт-Петербурга, окончил духовное учи-

Илл. 2. Часовня Св. Вмч. Параскевы-Пятницы.

лице. В течение 15-ти с половиной лет, с 1 марта 1899 года по 1 сентября 1915 года, Михаил Николаевич Альбов являлся псаломщиком церкви при Городской барачной больнице, ныне это Клиническая инфекционная больница им. С. П. Боткина», Санкт-Петербург (Илл. 3).

В связи с отсутствием постоянного причта, псаломщик был вольнонаемным, поэтому, обратившись в 1915 году к Больничной комиссии Городского общественного управления с прошением о назначении ему пособия за долговременную службу в размере 100 рублей, Михаил Альбов получил отказ³.

Одновременно со служением в храме барачной больницы, Михаил Альбов был принят по вольному найму с 18 февраля 1903 года псаломщиком в Церковь Св. Благоверного Великого

3 Дело по Барачной больнице о назначении пособия псаломщику М. Н. Альбову. Центральный гос. исторический архив Санкт-Петербурга. ЦГИА СПб. Ф.211. Оп. 2. Д. 34. С. 1–7.

* Николо-Пятницкий храм села Ильеши // [электронный ресурс] URL: <http://ilieshi.cerkov.ru/> (дата обращения 06.02.2023).

Илл.3. Неизвестная часовня при Александровской городской барачной больнице памяти С.П. Боткина*.

Князя Александра Невского при Общине сестер милосердия Св. Евгении, находившейся в доме 3 по Старорусской улице⁴.

Во время Первой Мировой Войны Михаил Николаевич служил псаломщиком в Красном Кресте, был награжден памятной медалью «За усердную службу».

Уже в качестве священника, в 1924 году о. Михаил был определён в село Ильеши Кингисеппского уезда (ныне Волосовского района

Ленинградской области) по благословию Владыки Арсентия⁵. Предполагаем, что речь идет о Владыке Арсении (Стадницком), Епископе Новгородском и Старорусском, освобожденном в январе 1924 года из заключения на короткое время и вскоре вновь арестованном.

Весной 1938 года протоиерей Михаил Николаевич Альбов был арестован, Ильешский храм закрыт.

Основанием для ареста послужила Справка № 156 от 30 апреля, выданная Кингисеппским Окружным районным отделом Управления НКВД⁶ следующего содержания:

«АЛЬБОВ Михаил Николаевич является членом контрреволюционной, повстанческой группы, созданной бывшим белобандитом АНДРЕЕВЫМ. Проводит среди местного населения контрреволюционную пораженческого характера агитацию. Распространяет контрреволюционную клевету на советскую власть и ее руководителей. Высказывал террористические намерения в отношении советско-колхозного актива. В доме АЛЬБОВА происходят нелегальные собрания контрреволюционной группы, на которых обсуждают вопросы борьбы с Советской властью. Подлежит аресту и преданию суду».

В качестве свидетелей по делу выступили председатель сельского совета и местный девятнадцатилетний комсомолец.

Ордер на арест г-на Альбова М. Н. № 966 был выписан 3 мая 1938 года Кингисеппским окружным отделом НКВД⁷, арест и обыск состоялись через 3 дня. При задержании были изъяты немногочисленные личные вещи и религиозные предметы батюшки, а именно — паспорт, «Крест митрополический» (вероятно, наградной), «Крест и Евангелие», как написано сотрудником НКВД, проводившим обыск, также изъя-

4 Церковь Св. Благоверного Великого Князя Александра Невского при Общине сестер милосердия св. Евгении // Сайт Бовкало А. А. Соборы и церкви (обновление 9 января 2021 года) (клир) [электронный ресурс] <http://petergen.com/bovkalo/kl/spburgobsvevg.html> (дата обращения 31.01.2023).

* Соборы ру. Народный каталог православной архитектуры [электронный ресурс] URL: <https://sobory.ru/photo/253867> (дата обращения: 31.01.2023)..

5 Анкета арестованного // Следственное дело 1938 г. – Следственное дело № 89223-38г. По обвинению Альбова Михаила Николаевича. Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленингр. области. Начато 5 мая 1938г. Кончено 9 мая 1938г. Учтено в 1962г. № П-71784. лист 9.

6 Справка № 156 на арест Альбова Михаила Николаевича от 30 апр. 1938г. // там же, лист 1.

7 Ордер № 966 от 3 мая 1938г. на арест Альбова Михаила Николаевича // Следственное дело 1938 г. – Следств. дело № 89223-38г. По обвинению Альбова Михаила Николаевича, лист 2.

ли «Крест перламутровый», эпитрахиль, кадило, подризник, дарохранильницу⁸.

Отец Михаил допрашивался дважды 05 мая и дополнительно 09 мая 1938 года. Примечательно, что протокол второго допроса написан очень красивым каллиграфическим, будто женским, подчерком. По этому поводу историк М.В. Шкаровский, известный исследователь жизни священномучеников и исповедников XX века, с которым мы консультировались в ходе поиска материалов (в 2020 году), заметил, что в 1937–38 годах имела практика привлечения школьных учительниц к составлению протоколов допроса в НКВД, поэтому, возможно, протокол написан такой учительницей. Кроме того, историк обратил наше внимание на то, что протоколы допроса писались по одному шаблону, содержали стандартные фразы и обороты о контрреволюционной пропаганде и враждебной настроенности против колхозного строительства, которые обвиняемый мог и не произносить. В связи с этим, наиболее важным для понимания подвига новомучеников, является факт сообщения в ходе допроса имен людей, поддерживающих контрреволюционную пропаганду.

Протоиерей Михаил Альбов таких имен не назвал, упомянув только родственников (своих детей и сестру Елену Елизарову с мужем Владимиром Александровичем Елизаровым), а также старосту храма, с которым общение касалось хозяйственных дел храма. В протоколе указано⁹: «По своим служебным церковным делам имею связь с председателем церковной двадцатки Степановым Николаем Васильевичем из деревни Голятицы, бываю изредка у него на квартире, но никаких разговоров на политические темы у нас с ним не было»¹⁰.

Начальные обвинения, по которым был арестован о. Михаил, касающиеся членства в «контрреволюционной, повстанческой группе бывшего белобандита Андреева», где участвуют «Степанов Григорий Дмитриевич, Степанов

Николай Васильевич, Синицин Гавриил Григорьевич и др.»¹¹, рассыпались в ходе следствия — о. Михаил все обвинения взял на себя.

Уголовное дело священника представляет из себя тонкую папку, включающую всего 17 листов, поскольку он не дал оснований для фабрикования коллективного дела с привлечением других обвиняемых. На вопросы о проведении в его доме «сборищ» для обсуждения контрреволюционных вопросов, о членстве в «контрреволюционной повстанческой группе, существовавшей на территории ильешского сельского совета» и об именах лиц, от которых допрашиваемый получал задания на контрреволюционную агитацию, следователи получили категорические отрицательные ответы¹². Позволим себе привести прямую цитату из протокола допроса:

«Вопрос: Вы не все рассказали о своей контрреволюционной деятельности. Требуем полных и правдивых показаний.

Ответ: Я от следствия ничего не скрывал и больше показать ни чего не могу.

Вопрос: Нам известно, что Вы у себя на квартире собирали сборища, где обсуждали контрреволюционные вопросы. Вы это подтверждаете?

Ответ: Я это категорически отрицаю.

Вопрос: Нам известно, что Вы являетесь членом контрреволюционной-повстанческой группы, существовавшей на территории ильешского с/совета. Вы это подтверждаете?

Ответ: Я это категорически отрицаю.

Вопрос: По заданию кого Вы проводили контрреволюционную агитацию?

Ответ: Заданий я ни у кого не получал и проводил агитацию в силу своих враждебных убеждений к Советской власти.

Протокол записан с моих слов правильно и мною прочитан. Подпись Альбов»¹³.

Обвинительное заключение было вынесено 10 мая 1938 года, дело было передано на рассмотрение «Тройки НКВД». Характерно, что

8 Протокол обыска от 6 мая 1938г. // там же. Лист 3.

9 Пунктуация сохранена в соответствии с архивным документом.

10 Протокол допроса, показания обвиняемого дополнительные от 5 мая 1938 года, с.4 // Следственное дело 1938 г. – Следственное дело № 89223-38г. По обвинению Альбова Михаила Николаевича, листы 8, 9.

11 Протокол допроса свидетеля Еронен Андрей Матвеевич //там же, листы 10–12.

12 Протокол допроса, показания обвиняемого дополнительные от 9 мая 1938 года, с.4 // Следственное дело 1938 г. – Следственное дело № 89223-38г. По обвинению Альбова Михаила Николаевича, листы 6–9.

13 Там же.

обвинительное заключение и постановление о назначении высшей меры наказания от 08 июня 1938 года не содержат ссылки на какую-либо статью Закона. Ниже приводим текст обвинения: «священник АЛЬБОВ враждебно настроен к Советской власти и в силу своих враждебных убеждений систематически среди населения Волосовского пограничного района проводил контрреволюционную пропаганду, использовал при этом религиозные чувства верующих, призывал население к организованному выходу из колхозов, клеветал на руководителей Советского Правительства, восхвалял политический строй в России существующий при царской власти, распространял провокационные слухи от войне, поражении Красной Армии и гибели Советской власти, выступал в защиту осужденных врагов народа Рыкова, Бухарина и др., одобрително отзывался о их террористической деятельности и высказывал намерение о расправе над местным Советским активом в частности над комсомольцами. Виновным себя признал полностью, а также изобличается показаниями свидетелей: Еронен А.М. и Алексеева Ф.И.»¹⁴.

Протоиерей Михаил Николаевич Альбов был расстрелян 18 июня 1938 года, место его захоронения неизвестно. Акт о состоявшемся расстреле заверен подписью Коменданта УНКВД Ленинградской области, старшего лейтенанта Госбезопасности Поликарпова¹⁵. Можем предполагать, что приговор был приведен в исполнение на полигоне п. Левашово Ленинградской области, именно там проводились расстрелы политзаключенных в 1937–38 гг.

Из воспоминаний старшей жительницы с. Ильеши, Ольги Ивановны Старовой (1925 года рождения) мы узнали, что священник в одиночестве проживал в крайнем маленьком домике в конце деревни в сторону д. Голятицы, справа. Полагаем, что дом священника, был конфискован, как лично принадлежащее имущество на основании обвинительного заключения Особой Тройки УНКВД Ленинградской области от 08 июня 1938 года. К настоящему времени дом

не сохранился, точное место его расположения определить не представляется возможным.

К 1938 году отцу Михаилу было 63 года, он овдовел, поскольку его супруга Серафима Ивановна (в девичестве — Иванова), умерла от рака в 1926 году¹⁶.

Ольга Семеновна Старова, бывшая на момент ареста о. Михаила тринадцатилетней девочкой, вспоминает, что о. Михаил имел троих детей, однако, к моменту ареста дети проживали в Ленинграде, а мама Ольги Семеновны Евфросинья Афанасьевна Александрова, забирала и стирала белье у священника. Также, старейшая жительница д. Ильеши указала, что протоиерей на проповедях никогда не говорил о Советской власти.

Уголовное дело отца Михаила, изученное нами в Архиве УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, подтверждает сведения о троих его детях — сыне Альбове Николае 27 л. дочери Марии, 20 лет и сыне Павле 17 лет.

К настоящему моменту удалось выяснить сведения о жизни дочери протоиерея — Марии Михайловны Альбовой (Илл. 4).

Илл. 4. Альбова Мария Михайловна (1918 г. рождения), дочь убиенного прот. Михаила Альбова*.

14 Обвинительное заключение. Выписка 42 из протокола заседания Особой Тройки УНКВД ЛО № 348 от 08.VI.1938г. // Следственное дело 1938 г. – Следственное дело № 89223-38г. По обвинению Альбова Михаила Николаевича, лист 15.

15 Конверт с актом... // Там же. Лист 17.

16 Дело № 429/3 Альбовой Марии Михайловны. ЦГАЛИ СПб. Ф. 337. Оп. 2. Д. 421. С. 1–30.

* Там же. Л. 2.

После смерти матери в 1926 году девочка была взята на воспитание сестрой священника, Еленой Николаевной Елизаровой. Благодаря тому, что Елена Николаевна была замужем за скрипачом Михайловского Театра Владимиром Александровичем Елизаровым¹⁷, с 8 лет Мария Альбова получала профессиональное музыкальное образование в школе-интернате при Санкт-Петербургской Академической Капелле. Далее Мария доучилась до 3 курса Санкт-Петербургской Консерватории, впоследствии работала флейтисткой в оркестре «Ленгоркино». В годы Великой Отечественной Войны Мария Альбова с дочерью пребывали в эвакуации (1942 по 1944 гг.). В это время флейтистка работала в оркестре Саранского Театра драмы, оперы и балета, далее, по возвращении — с 1944 года в оркестре Театра оперы и балета им. С.М. Кирова, где трудилась до 70-х годов¹⁸.

Обстоятельства жизни дочери Марии удалось восстановить по документам, хранящимся в Центральном Государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб), где имеются дела музыкантов Елизарова В.А. и самой Марии Михайловны. Кроме того, в архиве удалось ознакомиться с делом скрипача Льва Менделевича Маргулиса с которым Мария Михайловна состояла в браке с 1936 года и имела совместную дочь Серафиму Маргулис (в замужестве — Катаеву) 1938 года рождения.

Родственники прот. Михаила были незаурядными музыкантами — 9 августа 1942 года Лев Маргулис в качестве первой скрипки за вторым пультом и Владимир Александрович Елизаров, игравший на альте, участвовали в исполнении Седьмой «Ленинградской» Симфонии Д.Д. Шостаковича в Большом Зале Ленинградской Филармонии, о чем свидетельствует программа мероприятия.

К сожалению, дальнейший путь семьи и здравствующих потомков расстрелянного протоиерея Михаила Николаевича Альбова, обнаружить к настоящему моменту не удалось.

Михаил Николаевич Альбов был реабилитирован Заключением Прокуратуры Ленинградской обл. от 31.08.1989 г.19.

Исследование биографии протоиерея Михаила Николаевича Альбова еще не завершено, мы надеемся найти сведения о родителях священника, отец которого был потомственным Почетным гражданином Санкт-Петербурга. Возможно, нам удастся узнать о его служении в Красном кресте в период Первой мировой войны. Более всего мы чаем отыскать потомков протоиерея и его фото, однако и имеющихся сведений, по нашему мнению, достаточно для утверждения подвига исповедничества священника, который следует помнить.

Список литературы

1. Воспоминания Ольги Семеновны Старовой 1925 г.р. Записи из архива автора.
2. Дело № 429/3 Альбовой Марии Михайловны. ЦГАЛИ СПб. Ф. 337. Оп. 2. Д. 421. С. 1–30.
3. Дело № 52 Елизаров Владимир Александрович артист оркестра. Михайловский театр. ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 3. Д. 1092. Начато 27 сентября 1920. Кончено 8 октября 1926. С. 1–2.
4. Дело по Барачной больнице о назначении пособия псаломщику М.Н. Альбову. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. ЦГИА СПб. Ф.211. Оп. 2. Д. 34. С. 1–7.
5. Ленинградский мартиролог т.10 [электронный ресурс], URL: <https://visz.nlr.ru/person/book/t10/1/80> (дата обращения: 31.01.2023).
6. Николо-Пятницкий храм села Ильешы // [электронный ресурс] URL: <http://ilieshi.cerkov.ru/> (дата обращения 06.02.2023).
7. Следственное дело 1938 г. — Следственное дело № 89223–38г. По обвинению Альбова Михаила Николаевича. Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Начато 5 мая 1938г. Кончено 9 мая 1938г. Учтено в 1962г. № П-71784. На 17 листах.
8. Соборы ру. Народный каталог православной архитектуры [электронный ресурс] URL: <https://sobory.ru/photo/253867> (дата обращения: 31.01.2023).

17 Дело № 52 Елизаров Владимир Александрович артист оркестра. Михайловский театр. ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 3. Д. 1092. Нач. 27 сентября 1920. Кончено 8 октября 1926. С. 1–2.

18 Дело № 429/3 Альбовой Марии Михайловны. ЦГАЛИ СПб. Ф. 337. Оп. 2. Д. 421. С. 1–30.

19 Заключение о реабилитации Прокуратуры Ленинградской обл. от 31.08.1989г. // Следственное дело 1938 г. – Следственное дело № 89223-38г. По обвинению Альбова Михаила Николаевича, лист 18

9. Церковь Св. Благоверного Великого Князя Александра Невского при Общине сестер милосердия св. Евгении // Сайт А.А. Бовкало. Соборы и церкви (обновление 9 января 2021 года) (клип) [электронный ресурс] <http://petergen.com/bovkalokl/spburgobsvevg.html> (дата обращения 31.01.2023)

10. Юренева Т.Ю. Мемориальный комплекс как форма увековечения памяти жертв политических репрессий в постсоветской России // Культурное наследие России. 2022. №4. С. 104 –114.

BIOGRAPHY OF THE EXECUTED PRIEST MIKHAIL NIKOLAEVICH ALBOV

Fedorchenko Natalia Vitalievna,

Senior Lecturer Faculty of Management and Public Relations
Lesgaft National State University of Physical Education,
Sport and Health, St. Petersburg,
natalia.usenko@gmail.com

Abstract

The main point of the publication is the feat of the rector of the Nikolo-Pyatninsky Church in Ilyesha village, Volosovsky district, Leningrad region, Archpriest Mikhail Nikolaevich Albov. He was born in 1876 in Saint-Petersburg, in 1938 was executed for anti-Soviet propaganda. The details of the life of the repressed priest were restored based on the materials of the criminal case from the Archive of the FSB of Russia and archival files of his closest relatives. The biography of priest Mikhail Nikolaevich Albov has not been studied, the information is published for the first time.

Keywords

Nikolo-Pyatnitskaya Church in Ilyesha village, priest Mikhail Albov, New Martyrs and Confessors, persecution of the Church, "Russian Golgotha", perpetuating the memory of victims of political repression.

RAR
УДК 930.85
ББК 71
DOI 10.34685/ИИ.2023.40.1.005

«ЗАБЫТЫЙ САКВОЯЖ», ИЛИ КАК И.Д. ПОПКО ПОЗНАКОМИЛСЯ С Н.К. ШТРАУСОМ

Иванцов Игорь Григорьевич,
доктор исторических наук, профессор 1 кафедры,
Краснодарское высшее военное училище
ул. Грибоедова, 12, г. Краснодар, 350005
IG23@yandex.ru

Дубинин Игорь Владимирович,
библиотекарь Динского механико- технологического техникума.
Председатель Динского районного отделения
«Российского общества историков-архивистов.
ул. Красная, 152, станица Динская, 353204 Краснодарский край
titlo@mail.ru

Аннотация

В хранилищах Государственного архива Ставропольского края в различных фондах хранятся сотни писем, написанных или полученных генералом казачьих войск, этнографом, писателем, библиофилом и просветителем Иваном Диомидовичем Попко. Есть среди них письма достаточно известных персонажей второй половины XIX в., близких, друзей, знакомых и просто случайных людей. Одному из таких посланий, появившемуся по случайной оплошности старшего пастора лютеранской церкви города Таганрога, Николая Карловича Штрауса, и посвящена статья.

Ключевые слова

Иван Диомидович Попко, личные послания, Николай Карлович Штраус, оплошность, саквояж.

Статья посвящена одному из событий в биографии историка казачества Северного Кавказа второй половины XIX века, военного и государственного деятеля, генерал — лейтенанта казачьих войск, предводителя дворянства Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областей, начальника Карской области, просветителя, краеведа и библиофила — Ивана Диомидовича Попко.

Научная и личная жизнь генерала рано стала объектом изучения исследователей. Разные стороны творчества и повседневности бытия стали темой работы С.В. Фарфоровского, который в начале XX века опубликовал его биографию¹.

1 Фарфоровский С.В. Биографические сведения о И.Д. Попко / Русский архив. – Москва : Синодальная типография, 1910. №1. С.93–95.

Историческим изысканиям летописца кавказского казачества, сведениям об архивных источниках по изучению Северного Кавказа российскими офицерами в период Кавказской войны посвящены работы Т.А. Колосовской². Она же является одним из составителей обширного библиографического словаря "Военные кавказоведы Российской империи", где, в том числе опубликованы биографические данные и самый подробный на данный момент библиографический указатель работ И.Д. Попко³.

Подробные и малоизвестные факты из жизни генерала были изучены и введены в научный оборот Б.А. Трехбратовым⁴ и др.

Для отечественной историографии эти работы важны, поскольку предоставляют исследователям и любителям истории новые сведения о бытовании и взаимоотношениях людей прошедшей эпохи, о самом И.Д. Попко, его постоянном и случайном окружении.

За свою долгую жизнь Иван Диомидович написал и получил не мало писем. Точное количество отправленных и полученных посланий определить невозможно по ряду причин. Часть архива была уничтожена, кое-что украдено, да и время не пощадило многие документы.

Все хартии можно разделить на две большие части: официальные и личные. Трудно сказать каких больше, а каких меньше. Но, как кажется авторам, именно личная переписка позволяет судить о человеке, как личности, именно в личных посланиях отправитель и получатель раскрывают

свои истинные человеческие качества, свое отношение к окружающим и миру, в целом.

Нельзя не упомянуть о трепетном отношении генерала к личным письмам, о котором он упоминал в посланиях к другу детства Василию Федоровичу Золотаренко, говоря, что «письма — это хартия, остающаяся при кресте и после того как человек уже дотащил его до вершины и сошел оттуда в долину. Не только предосудительно, но даже вредно истреблять письма...», «я храню все вообще письма, в которых не пишут мне «имею честь быть Вашим, Милостивый государь...»⁵.

Существуют личные письма, которые в глобальном плане не представляют интереса, но в контексте истории конкретного региона, в нашем случае Северного Кавказа, они привлекают пристальное внимание провинциальных исследователей. В первую очередь они любопытны в плане личных взаимоотношений между Иваном Диомидовичем Попко и людьми, окружающими его.

С некоторыми историк дружил с детства, с другими познакомился позже, но сохранил приятельские отношения до конца жизни. Кое с кем общался какое-то время, а затем они исчезли из круга его общения. Кроме этого, были люди с которыми он сталкивался мимоходом, единственный раз в жизни. Но тем не менее даже эти письма представляют интерес для исследователей, потому что позволяют судить об отдельных нюансах взаимоотношений историка с окружающим миром. А о некоторых отправителях осталось настолько мало информации, что о их существовании мы можем узнать, только из единственного сохранившегося послания.

Некоторые письма появляются и обретают свое место в истории независимо от желания отправителя или адресата. Часто на их появление оказывают влияния посторонние, и даже странные, события и факты, которые могли бы и совершенно не произойти, но происходят по ряду независимых от людей причин.

В конце апреля — начале мая 1883 г. И.Д. Попко выехал из Ставрополя в Москву на коронацию императора Александра III, как предводитель (представитель) дворянства от Ставропольской,

2 Колосовская, Т. А. Архивные источники об изучении Северного Кавказа российскими офицерами в период Кавказской войны // Вестник архивиста. 2017. № 2. С. 10–24; Она же: «Пока архивы не сделались добычей пожара или тления». Историко-исследовательская деятельность генерал-лейтенанта И. Д. Попко / Военно-исторический журнал. Москва : Министерство обороны РФ, 2014. № 4. С.53–58.

3 Колосовская, Т. А., Ткаченко, Д. С. Военные кавказоведы Российской империи : Биобиблиографический словарь; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Северо-Кавказский федеральный университет. – Ставрополь : Издательство "Дизайн-студия Б", 2021. 334 с. С.198–204.

4 Трехбратов Б. А. Чтобы память была долгой и доброй: общий обзор биографии писателя, историка и воина / Судьба кубанского офицера в контексте общей истории края. Краснодар : Традиция, 2021. 207 с. С.10–41.

5 ГАСК (Государственный архив Ставропольского края). Ф.377. Оп.1. Д.7. Л.67 об-68.

Кубанской и Терской областей. Кроме прочего, свободное от официальных представительских обязанностей время, Иван Диомидович посвящал своим научным изысканиям, по истории Терского казачьего войска и посещал московские архивы для сбора фактов и различного рода информации.

В дороге ему пришлось ехать в купе 1-го класса с пробстом (старший пастор) лютеранской церкви в Таганроге, обрусевшим немцем Николаем Карловичем Штраусом. Вот так, вольно или невольно, и познакомились Иван Диомидович Попко и Николай Карлович Штраус.

Если биография И. Д. Попко — историка, этнографа, библиографа, просветителя, писателя и генерала кавказских войск — относительно хорошо изучена, то о Н. К. Штраусе сведений очень мало. Известно, что он с 1879 г. служил в лютеранской церкви г. Таганрога, окормлял не только жителей города, но и его окрестностей, т.к. церковь была одна на всю округу⁶ и был «наиболее запомнившейся личностью» на этом посту⁷. Кроме этого, он преподавал лютеранский закон божий в Мариинской женской гимназии г. Таганрога⁸.

При расставании в Таганроге произошло досадное недоразумение, приведшее к цепочке событий и в итоге ставшее поводом появления в архиве историка любопытного письма, сохранившегося в фондах Государственного архива Ставропольского края — единственного послания от Н. К. Штрауса И. Д. Попко.

Приехавший встретить пастора церковный староста, по оплошности прихватил саквояж Ивана Диомидовича. Пробст заметил его, когда уже добрался домой. Это досадное недоразумение выбило из колеи рационально мыслящего немца.

Заметив непростительную оплошность Николай Карлович приступил к ее исправлению. В начале письма, написанного 2 мая 1883 г. из г.

Таганрога он объясняет произошедшую ситуацию ошибкой старосты: «Отправивши сегодня телеграмму за Вашим адресом позволяю себе и письменно несколько строками обратиться к Вашему Превосходительству для объяснения для меня может быть не менее чем для Вас неприятного события с Вашим саквояжем.

Приехавши на станцию Успенскую церковный староста, ожидавший меня, пришел ко мне с лошадьми, чтобы вынести мой багаж. Сам я взял мой плед и подушку и сказал ему, что бы он взял мой, должно быть ему уже знакомый чемодан, и вышел не обращая больше внимания на него. На вокзале я был немного задержан, между тем староста уложил мои вещи на бричку, и я сел и уехал.

Приехавши в колонию в крайней испуге я заметил, что староста внес в комнату не только мои вещи, но и Ваш саквояж который в вагоне стоял близ моего багажа. Староста извинился тем, что он думал, что и саквояж этот мой»⁹.

Н. К. Шмидту, судя по дальнейшему тону письма, испытал стеснение чувств за причиненные Ивану Диомидовичу Попко неудобства, поэтому в свое оправдание он сообщает: «Я сейчас велел запрячь лошадей и послал другого старосту с поручением, что бы прежде всего телеграфировали Начальнику станции Славянск с тем, чтобы он известил Генерала в вагоне 1-го класса, что багаж ошибкою захвачен старостою и следующим поездом отправлен будет в Харьков Начальнику станции, для передачи Вашему Превосходительству. Староста возвратился и дал мне ответ, что все хорошо будет устроено и что Вы вечером уже будете вне заботы ради Вашего багажа. Но все-таки мысль о этом нечаянном случае беспокоила меня день и ночь»¹⁰.

Но как всегда, что-то пошло не так. Включились бюрократические законы и страх перед вышестоящими особами. Когда на следующий день, 3 мая, Николай Карлович Штраус приехал на станцию, чтобы продолжить путь, то к своему ужасу узнал, что вещи не отправлены. В свое оправдание он пишет: «Когда я сегодня утром на возвратном пути опять прибыл на станцию, я сей час обратился к Начальнику с вопросом, отправил ли он телеграмму и саквояж? К досаде

6 Шмульян, Г. Т. Мини-словарь немецких фамилий // Вехи Таганрога. Таганрог, 2005. 80 с. [4] л. ил. — № 26 (Декабрь). С.39.

7 Булах О. К истории лютеранской церкви в Таганроге // Вехи Таганрога. Таганрог, 2005. 80 с. [4] л. ил. — № 26 (Декабрь). С.16.

8 Филевский П. П. История города Таганрога. Москва : Типо. — лит. К. Ф. Александрова, 1898. 385 с. С.308.

9 ГАСК. Ф.377. Оп.1. Д.34. Л.38–38 об.

10 ГАСК. Ф.377. Оп.1. Д.34. Л.38–38 об.

моей я узнал, что телеграмма не подана хоть она была заплочена мною /по какой причине не помню/ и что саквояж еще на станции, потому что Начальник от жандармского капитана фон Бреверн, узнал что Ваш багаж должен быть отправлен в Москву за адресом Господина Московского Коменданта с передачею Вашему Превосходительству, и что он хотел ожидать, пока я сам возвращусь из колонии, что по моему мнению очень не надо было. Вследствие того я вручил Начальнику Васильеву требуемые им 3 рубля для отправления Вашего багажа с нынешним почтовым поездом, с большою скоростью, за Вашим теперь нам известным адресом» и выражает надежду, «что Ваше Превосходительство вместе с этим письмом, или даже раньше, получите Ваши вещи»¹¹.

Еще раз просит прощения и объясняет сколько это мимолетное событие причинило ему моральных страданий: «Не могу Вам сказать, сколько беспокойствия это событие мне причинило. Тысяча раз прошу Вас, не сердиться на меня, так как я невинная причина этого неприятного происшествия»¹².

И в то же время выражает недоумение: «Только то не понимаю, что Ваше Превосходительство не заметили, что упомянутый староста, вместе с моим чемоданом нес Ваш саквояж, так как Вы шли за ним, и как он мне говорил, его спросили, хватит ли врем на этой станции чаю напиться»¹³.

Заканчивается послание просьбой Н.К. Штрауса: «Наконец смею, Ваше Превосходительство, покорнейше просить, уведомить меня, хоть двумя строками, что Вы получили Ваши вещи целыми...» и добавляет, что надеется, «что Вы меня прощаете; я иначе не мог бы успокоится о этом деле»¹⁴. Письмо просит адресовать: «Пропсту 2го округа Евангелическо-Лютеранской церкви Южной России Н. К. Штраус в гор. Таганрог»¹⁵.

Конечно, было бы интересно узнать, что в ответ написал Иван Диомидович Попко — Николаю Карловичу Штраусу. К сожалению, это

вряд ли получится, судя по всему, ответное послание было вычеркнуто из истории получателем — оно не сохранилось. Но оно существовало, о том свидетельствует приписка, сделанная рукой генерала на первом листе: «Отписано в успокоительном тоне 22 мая, из Москвы»¹⁶.

Казалось бы, столь незначительное событие — перепутали багаж. Но сколько персонажей, совершенно разных по положению в обществе, оказалось задействовано в нем: автор письма и получатель — генерал, два старосты, начальники трех железнодорожных станций — Успенской, Славянска и Харькова и, даже, московский комендант и это далеко не все участники данного действия.

Из таких совершенно обыденных посланий и складывается мозаика жизни человека конца XIX века. До этого момента все что было известно о Николае Карловиче Штраусе было подчерпнуто из официальных источников, из которых невозможно понять, каким он был человеком. Теперь же его личность, пусть не на много, но начала раскрываться. Мы уже можем сказать точно, что это был ответственный и благородный человек.

Список литературы и источников

1. Фарфоровский, С. В. Биографические сведения о И. Д. Попко / Русский архив. Москва : Синодальная типография, 1910. №1. С. 93–95.

2. Колосовская, Т. А. Архивные источники об изучении Северного Кавказа российскими офицерами в период Кавказской войны // Вестник архивиста. 2017. № 2. С. 10–24; Она же: «Пока архивы не сделались добычей пожара или тления». Историко-исследовательская деятельность генерал-лейтенанта И. Д. Попко / Военно-исторический журнал. М. : Министерство обороны РФ, 2014. № 4. С.53–58.

3. Колосовская, Т. А., Ткаченко, Д. С. Военные кавказоведы Российской империи : Библиографический словарь ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Северо-Кавказский федеральный университет. Ставрополь : Издательство "Дизайн-студия Б", 2021. 334 с.

4. Трехбратов, Б. А. Чтобы память была долгой и доброй: общий обзор биографии писателя, историка и воина / Судьба кубанского офице-

11 ГАСК. Ф.377. Оп.1. Д.34. Л.38 об-39.

12 ГАСК. Ф.377. Оп.1. Д.34. Л.39-39 об.

13 ГАСК. Ф.377. Оп.1. Д.34. Л.39 об.

14 ГАСК. Ф.377. Оп.1. Д.34. Л.39 об.

15 ГАСК. Ф.377. Оп.1. Д.34. Л.39 об.

16 ГАСК. Ф.377. Оп.1. Д.34. Л.38.

ра в контексте общей истории края. Краснодар: Традиция, 2021. 207 с.

5. ГАСК (Государственный архив Ставропольского края). Ф.377. Оп.1. Д.7.

6. Шмутьян, Г. Т. Мини-словарь немецких фамилий // Вехи Таганрога. Таганрог, 2005. 80 с. [4] л. ил. № 26 (Декабрь).

7. Булах, О. К истории лютеранской церкви в Таганроге // Вехи Таганрога. Таганрог, 2005. 80 с. [4] л. ил. № 26 (Декабрь).

8. Филевский, П. П. История города Таганрога. Москва: Типо.-лит. К. Ф. Александрова, 1898. 385 с.

9. ГАСК. Ф.377. Оп.1. Д.34.

"THE FORGOTTEN VALISE", OR AS I.D. POPKO MET N.K. STRAUSS

Ivantsov Igor Grigorievich,

DSc, Professor of the 1st Department,
Krasnodar Higher Military School,
Griboyedov str., 12, Krasnodar, 350005,
IIG23@yandex.ru

Dubinin Igor Vladimirovich,

librarian of the Dean Mechanics and Technology College.
Chairman of the Dean District Office
"Russian Society of Historians and Archivists.
152 Krasnaya str., Dinskaya stanitsa, 353204 Krasnodar Krai,
titlo@mail.ru

Abstract

In the storage facilities of the State Archive of the Stavropol Territory, hundreds of letters written or received by General of the Cossack troops, an ethnographer, writer, bibliophil and enlightener Ivan Diomidovich Popko are stored in various funds. Among them, there are letters of rather famous characters of the second half of the 19th century, close, friends, acquaintances and just random people. One of these messages, which appeared due to the random oversight of the senior pastor of the Lutheran Church of the city of Taganrog, Nikolai Karlovich Strauss, and the article is devoted to.

Keywords

Ivan Diomidovich Popko, Personal Messages, Nikolai Karlovich Strauss, oversight, bag.

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

RAR
УДК 008
ББК 71
DOI 10.34685/NI.2023.40.1.006

СТУДЕНЧЕСКОЕ ВОЛОНТЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК СУБЪЕКТ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Цраева Фатимат Владимировна,
заслуженный работник культуры Республики Южная Осетия,
проректор по творческой и воспитательной работе,
Северо-Кавказский государственный институт искусств,
пр. Ленина, д. 1, г. Нальчик, КБР, Россия, 360000,
fatimatcraeva@gmail.com

Аннотация

На примере разработанной и апробированной модели пилотного опроса предлагается форма самодиагностики студенческого волонтерского движения для внедрения в воспитательную практику вузов с целью мониторинга субъектности студенческого волонтерского движения в реализации государственной культурной политики. Выявлены и рассмотрены условия, при которых студенческое волонтерское движения вузов Кабардино-Балкарии способно выступать субъектом государственной культурной политики.

Ключевые слова

Культурная политика, волонтерское движение, студент-волонтер, субъект политики, приоритеты студенческого волонтерского движения, мониторинг, опросная модель, авторизованный метод.

Современную модель государственной культурной политики Российской Федерации от модели советского времени, когда государство выступало единственно возможным политическим субъектом, отличает признание многосубъектных реалий культурной и политической жизни¹. И бо-

лее того: «Важнейшим условием обеспечения эффективности культурной политики является формирование условий для постепенного увеличения внебюджетных источников финансирования»²

---

ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf

1 Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. С. 16. URL: [http://static.government.](http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf)

2 Там же... С. 18.

за счет привлечения «к реализации государственной культурной политики иных субъектов культурной политики»³, содействующих культурному и гуманитарному развитию. Поэтому одним из приоритетных направлений социокультурного развития в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года устанавливается «повышение роли институтов гражданского общества как субъектов культурной политики»⁴. Учитывая, что студенческое волонтерское движение в значительной степени влияет на перспективы развития институтов гражданского общества, его изучение в контексте государственной культурной политики представляется важной и своевременной научной задачей.

Проблему исследования составляет принципиальный вопрос: способно ли студенчество как авангард молодежного волонтерского движения быть субъектом государственной культурной политики и при каких условиях это возможно?

Ответ предполагает решение одной методической и двух научно-практических задач:

В свете установленной модели государственной культурной политики необходимо уточнить понятие её субъекта;

Необходимо установить степень соответствия деятельности студентов-волонтеров стратегическим целям и задачам государственной культурной политики;

Необходимо установить условия деятельности студентов-волонтеров, влияющие на её соответствие стратегическим целям и задачам государственной культурной политики.

Решение первой (методической задачи) требует обращения к Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г., остальные (научно-практические) задачи решаются путем анализа данных, собранных в ходе пилотного опроса «Потенциал волонтерского движения студентов вузов Кабардино-Балкарии» в ведущих вузах Кабардино-Балкарии (КБР): Северо-Кавказского государственного института искусств (СКГИИ), Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова (КБГУ) и Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В. М. Коко-

ва (КБГАУ)⁵. На примере разработанной и апробированной модели пилотного опроса предлагается форма самодиагностики студенческого волонтерского движения для внедрения в воспитательную практику вузов с целью мониторинга субъектности студенческого волонтерского движения.

Законодательно в России волонтерство определяется как добровольная деятельность граждан с общественно-полезными целями⁶. Хотя следует учитывать, что специфику и существенные характеристики этого социального феномена теоретики продолжают изучать, корректируя базовое понятие, в том числе, с учетом региональной специфики⁷.

Решение обозначенной выше методической задачи вытекает из перечисленных в государственном стратегическом документе функций государства как ключевого субъекта культурной политики, обеспечивающего адресные инвестиции в человеческий капитал, культуру и культурную инфраструктуру⁸. Исходя из этих функций, к субъектам государственной культурной политики можно причислить:

— субъектов культурной деятельности, выступающих в качестве её инвесторов, контролирующих эффективность своих инвестиций

3 Там же... С. 22.

4 Там же... С. 27.

5 Цраева Ф.В., Рахаев А.И. Приоритеты студента-волонтера в культуре региона: на примере опроса студентов Кабардино-Балкарии // Культурная жизнь Юга России. 2021. № 2 (81). С. 125–143; Они же... Экспериментальная модель самодиагностики управления вузом волонтерской работы студентов // Актуальные вопросы организации волонтерской деятельности в рамках подготовки к крупным международным мероприятиям: лингвопереводческий, психолого-педагогический, организационно-управленческий и социальный аспекты. Красноярск, 2022. С. 71–76; Цраева Ф.В. Диагностика культуры студента-волонтера // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 9 (101). С. 46–52.

6 Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11.08.1995 N 135-ФЗ (последняя редакция) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/

7 Ермилова А.В., Исакова И.А. Специфика волонтерской деятельности в современной России: региональные практики // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 4. С. 48–57.

8 Там же... С. 16–17.

и соответствие их результатов стратегическим целям культурной политики;

— меценатов культурной деятельности, соответствующей стратегическим целям культурной политики, не ожидающих экономической отдачи от затраченных на неё средств;

— соинвесторов культурных мероприятий на территории субъектов Российской Федерации, контролирующими показатели эффективности и целевой характер расходов и признающих государство в качестве стратегического партнера, стимулирующего приток инвестиций в важную для государства и общества сферу;

— общественные институты, которым государство делегирует осуществление инвестиций в область культуры в виде субсидий на осуществление программ и проектов, соответствующих стратегическим целям культурной политики.

Таким образом, субъектами государственной культурной политики России могут выступать люди, организации или общественные институты, целенаправленно осуществляющие деятельность, соответствующую стратегическим целям государственной культурной политики или обеспечивающие (финансово или организационно) такую деятельность. Вполне резонно можно заключить, что студенческое волонтерское движение при определенных условиях может принимать участие в такой деятельности, а в отдельных случаях может выступать инвестором, соинвестором и/или меценатом, а также агентом и/или контрагентом обусловленной стратегическими интересами государства и общества культурной деятельности, т. е. являться субъектом государственной культурной политики, осуществляя деятельность в обозначенных стратегическим документом интересах. Более того, учитывая исключительно добровольный и в большинстве случаев безвозмездный характер волонтерской деятельности студентов, такая деятельность, соответствуя стратегическим целям государственной культурной политики, является формой прямых инвестиций общественно-полезного труда в область культуры.

Труд волонтеров в целом экономистами и социологами рассматривается в качестве базового ресурса «третьего сектора» экономики, существенно влияющего на социально-экономическую и политическую жизнь большин-

ства стран мира⁹. Существенной проблемой социального мониторинга волонтерской деятельности являются исследования мотиваций к ней, поскольку какая-либо личная выгода волонтера остается неочевидной¹⁰. Знание мотивирующих волонтерскую деятельность факторов позволяет прогнозировать её влия-

9 Руководство по некоммерческим организациям в Системе национальных счетов. Нью-Йорк, 2006.

10 Зборовский Г.Е., Певная М.В., Ведерников А.А. Волонтерство в пространстве регионального управления (кейс Свердловской области) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 4. С. 10–25; Кисиленко А.В. Волонтерство: потенциал самоорганизации российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. №1. С. 63–71; Кудринская Л.А. Добровольческий труд: сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2006. № 5. С. 15–22.; Кузнецова А.А., Соловьева Н.А. Динамика психологических характеристик личности студента в процессе профессионально-ориентированной волонтерской деятельности // Образование и наука. 2018. №7. С. 128–146; Кузьминчук А.А., Певная М.В., Тимиршина Е.Р. Направления молодежного добровольчества: специфика и перспективы развития // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (53). С. 68–77; Нежина Т.Г., Петухова К.А., Четкина Н.И., Миндарова И.С. Мотивация участия молодежи в волонтерском движении // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 3. С. 49–71; Певная М.В., Кузьминчук А.А. Динамика студенческого волонтерства в Свердловской области // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2016. № 4. С. 135–148; Проказина Н.В., Бобылева Н.Ю., Хатнюк Н.Н. Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала в России // Научный результат. Социология и управление. 2019. №2. С. 47–56; Семенова О.А. Особенности волонтерской деятельности в медицинском университете // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 9–2 (87). С. 24–27; Стегний В.Н., Никонов М.В. Мотивация волонтерской деятельности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 146–156; Russi A.E. Impact of an Education-Centered Medical Home on Quality at a Student-Volunteer Free Clinic / A. E. Russi, S. Bhaumik, J. J. Herzog [and etc.] // Medical Education Online/ 2018. Vol. 23. Is. 1. Article 1505401; Holmes K. A Continuum of University Student Volunteer Programme Models / K. Holmes, M. Paull, D. Haski-Leventhal [and etc.] // Journal of Higher Education Policy and Management. 2021. Vol. 43. Is. 3. P. 281–297; Alexander A. A Student Volunteer Program Takes Patient Satisfaction to the Next Level // Oncology Issues. 2017. Vol. 32. Is. 5. P. 14–19 и др.

ние на развитие социокультурной ситуации. Это побуждает эксплицировать накопленный опыт исследования мотиваций к волонтерской деятельности в область методической поддержки государственной культурной политики и адаптировать существующие методики¹¹ для ответа на обозначенный выше принципиальный вопрос при решении научно-практических задач.

Устанавливая степень соответствия деятельности студентов-волонтеров стратегическим целям и задачам государственной культурной политики, обратимся к оценкам студентами доли своей занятости волонтерской деятельностью по отраслям в прошлом месяце (Рисунок 1) и в прошлом году (Рисунок 2). Представленные данные собраны в ходе опроса студентов КБР.

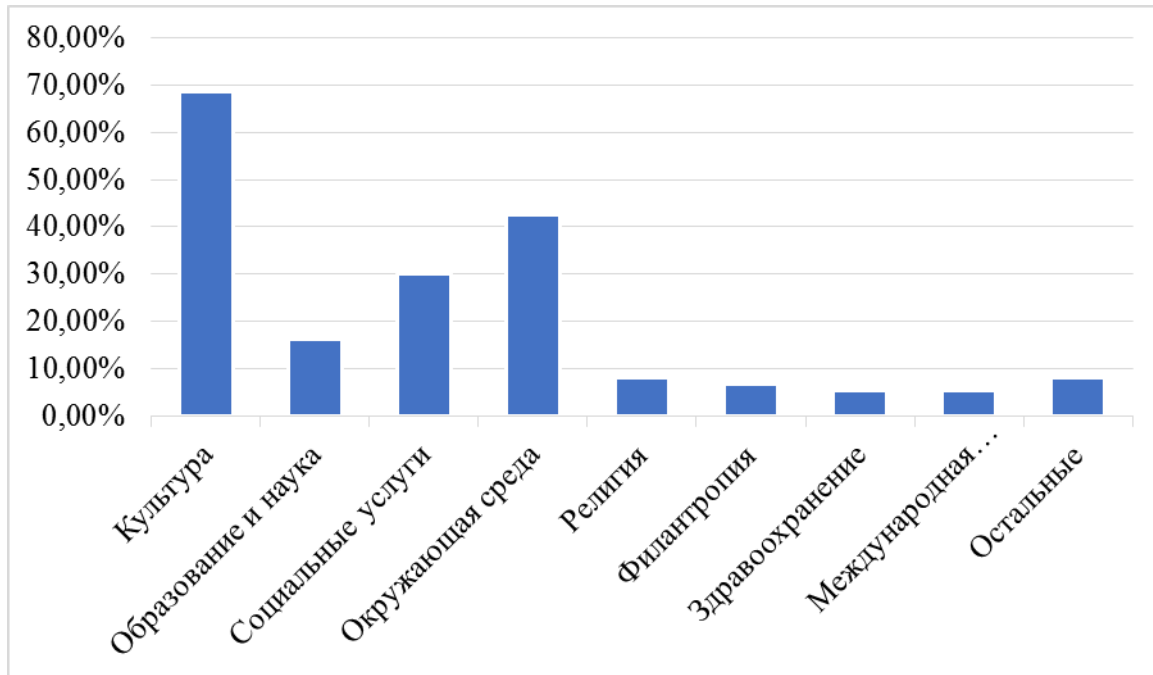

Рисунок 1. — Оценка студентами доли своей занятости волонтерской деятельностью в прошлом месяце по отраслям.

Как наглядно представлено на диаграммах, деятельность в сфере культуры значительно превалирует в волонтерской работе студентов.

Оценивая свою деятельность в прошлом месяце, 68,5 % опрошенных студентов-волонтеров выделили свою занятость в сфере культуры, в то время как следующий по популярности ответ (отрасль окружающей среды) отметили 42,5 % респондентов.

Оценивая свою деятельность в прошлом году, уже 72,4 % опрошенных отметили сферу культуры, в то время как следующий по популярности ответ (отрасль окружающей среды) набрал 51,7 % голосов респондентов.

Можно сделать вывод, что студенты-волонтеры КБР преимущественно инвестируют свой труд в область культуры, из которой по методике опроса исключена отрасль религии (деятельность в религиозных общинах). Вполне очевидно, таким образом, что именно светская культура является преимущественной отраслью приложения добровольного труда студентов. Как показывают исследования из истории волонтерского движения в России, культура всегда оставалась доминирующей областью энтузиазма

11 mith J.D. Volunteering Impact Assessment Toolkit: A Practical Guide for Assessing the Difference That Volunteering Makes / J. D. Smith, A. Ellis, K. Gaskin [and etc.]. London, 2015.; Gaskin K., Smith J.D. A new civic Europe? London, 1997; Salamon L.M., Anheier H.K. The Emerging Nonprofit Sector: An Overview. Manchester, 1996; Salamon L.M. Dimensions of the Non-profit Sector / L. M. Salamon, H. K. Anheier, R. List [and etc.]. Baltimore, 1999.

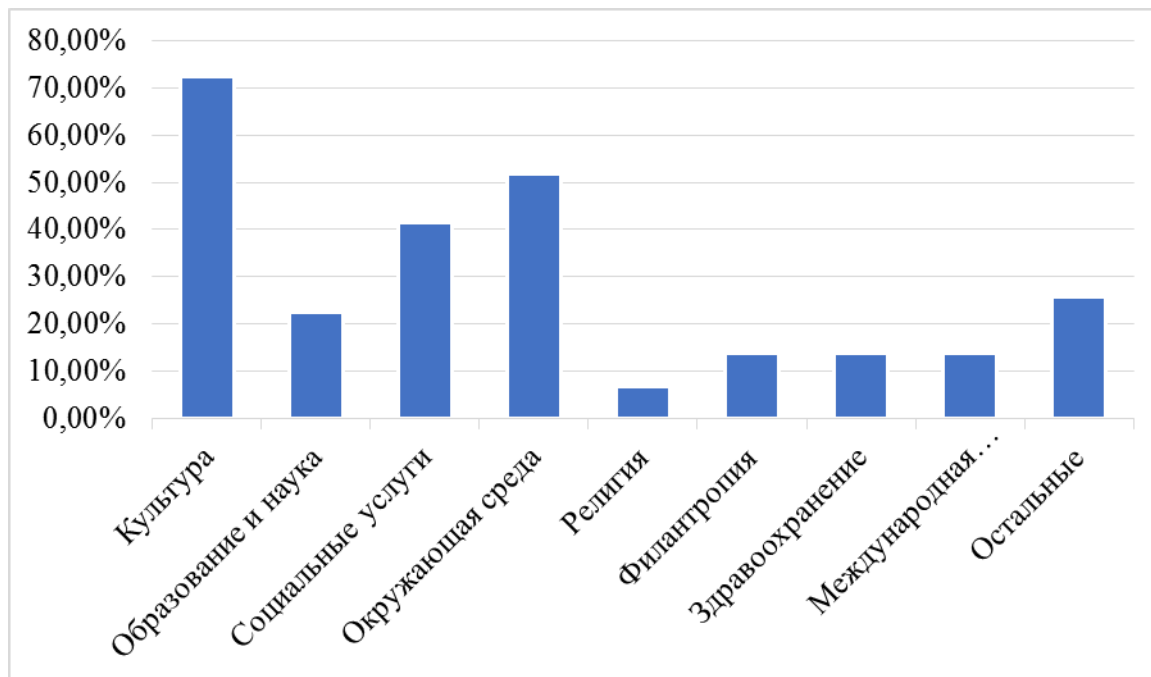

Рисунок 2. — Оценка студентами доли своей занятости волонтерской деятельностью в прошлом году по отраслям.

добровольцев¹². Опрос студентов КБР демонстрирует в данном случае соответствие ценностных приоритетов молодежи региона общероссийским тенденциям.

Из чего следует, что студенческое волонтерское движение представляет собой ценный ресурс обеспечения решения задач государственной культурной политики. Остается определить, при каких условиях этот ресурс может быть задействован и реализован.

Опрос показал неоднородность отношения студентов КБР к волонтерской деятельности. Для уточнения особенностей мотивации к волонтерской деятельности студентов КБР методика Гаскин — Смита, в которой учитываются внешние (социально-психологические) и внутренние (субъективные) мотивирующие факторы¹³, была нами авторизована: 1) введено десятибалльное шкалирование 18 критериев оценки мотивации участия/неучастия в волон-

терской деятельности; 2) эти критерии разбиты на 9 пар положительных и отрицательных мотиваций: аргументов и соответствующих контраргументов участия/неучастия в волонтерской деятельности; 3) применена дифференциация опрошенных студентов по году обучения в вузе.

Благодаря усовершенствованию методики выявлен кризис жизненного мира студента-волонтера, который выражается в смене ценностных приоритетов волонтерской деятельности на третьем году обучения в вузе¹⁴. Если второкурсники много времени тратят на добровольный труд вообще, не выделяя приоритетных направлений волонтерской деятельности, то студенты третьего курса предпочитают область образования и науки (50,0 % опрошенных третьекурсников отводят этому направлению до 10 ч/м, 28,6 % — до 30 ч/м и 21,4 % — более 30 ч/м). Студенты третьего курса ставят в при-

12 Горлова Н.И. Страницы истории волонтерства в сфере сохранения материального культурного наследия в советской России: по материалам Государственного архива Российской Федерации // Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 193–204. DOI: 10.28995/2073-0101-2021-1-193-204

13 Gaskin K., Smith J.D. A new civic Europe? London, 1997.

14 Цраева Ф.В. Диагностика культуры студента-волонтера // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 9 (101). С. 46–52; Цраева Ф.В., Кондратьева Л.Н. Проблема кризиса жизненного мира студента-волонтера // Культура и время перемен. 2022. № 1 (36). URL: timekguki.esrae.ru/52-728 (дата обращения: 04.12.2022).

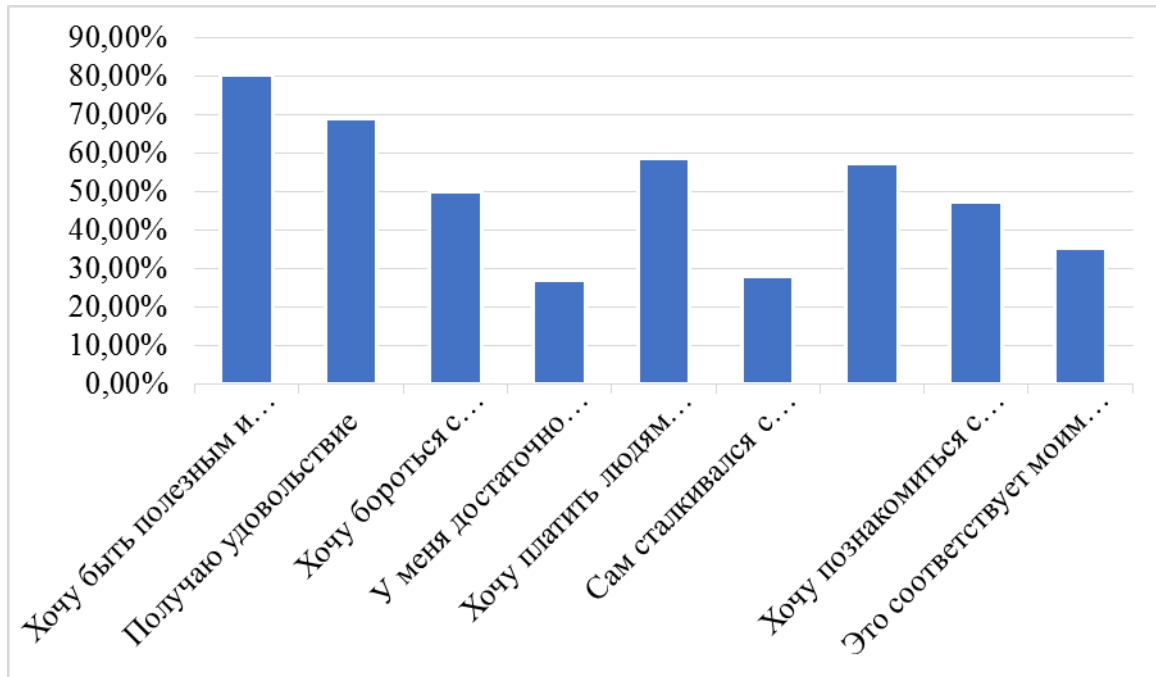

Рисунок 3. — Максимальные показатели ответов студентов на вопрос «Я волонтер, потому что...?»

оритет профессиональную самореализацию. Синтез образовательных и волонтерских интересов третьекурсников повлиял на высвобождение времени для добровольной деятельности и усиление её соответствия личным интересам и убеждениям. При этом деятельность в области культуры сохраняет свои лидерствующие позиции по затратам времени студентами-волонтерами, происходит снижение интереса к труду в сферах охраны окружающей среды и социальной работы¹⁵.

Проблемы культуры, таким образом, продолжают интересовать студентов-волонтеров, несмотря на кризис жизненного мира, обусловленный, с одной стороны возрастными факторами, с другой — фактором усиления влияния общества на субъективную сферу культуры индивида.

Следующие данные (Рисунки 3, 4, Таблица 1) обобщены и публикуются в полном объеме впервые.

Как наглядно представлено в таблице и на диаграммах, в большинстве случаев (5 из 9-ти)

аргументы в пользу волонтерской деятельности преобладают над контраргументами, что отражает в целом ценностные приоритеты студенчества: и волонтеров, и студентов, сторонящихся волонтерской нагрузки. Это говорит о том, что большинство опрошенных студентов заняты волонтерской деятельностью, при чем преимущественно, как рассмотрено выше, в сфере культуры.

Как видно из таблицы, значительно влияют на отказ студентов от волонтерской деятельности следующие факторы:

- безразличие к другим людям;
- сомнение, что волонтеры реально решают какие-либо проблемы;
- замкнутость от новых знакомств и стороннего внимания;
- не соответствие задач волонтеров религиозным (или политическим) убеждениям студентов.

Благодаря дифференциации респондентов по годам обучения в вузе и шкалированию ответов, можно наблюдать, что первокурсники на 10 баллов (по десятибалльной шкале) оценивают контраргументы: «Никто не обращался ко мне с таким предложением», «Не вижу необходимости», «Никогда не задумывался об этом»; 76,92 % студентов второго курса проигнорирова-

15 Праева Ф.В. Диагностика культуры студента-волонтера // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 9 (101). С. 49–50.

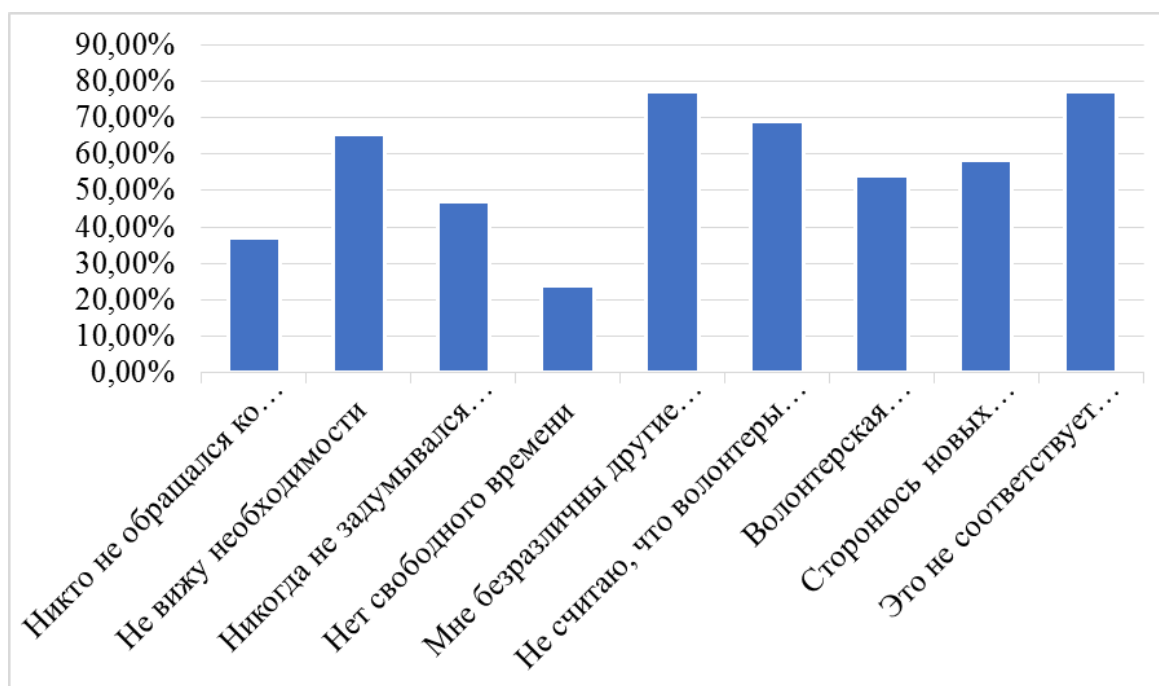

Рисунок 4. — Максимальные показатели ответов студентов на вопрос «Я не волонтер, потому что...?»

Таблица 1. — Сопоставление показателей аргументов и контраргументов в пользу волонтерской деятельности студентов КБР

	Аргумент (А)	Показатель (А)	Показатель (В)	Контраргумент (В)
1	Хочу быть полезным и помочь нуждающимся	80,30%	37,00%	Никто не обращался ко мне с таким предложением
2	Получаю удовольствие	69,00%	65,30%	Не вижу необходимости
3	Хочу бороться с определенной проблемой	50,00%	46,90%	Никогда не задумывался об этом
4	У меня достаточно свободного времени	26,90%	24,00%	Нет свободного времени
5	Хочу платить людям добром за добро	58,60%	77,10%	Мне безразличны другие люди
6	Сам сталкивался с подобной проблемой	27,90%	68,80%	Не считаю, что волонтеры реально решают какие-либо проблемы
7	Хочу получить полезные навыки, нужный мне опыт	57,40%	54,20%	Волонтерская деятельность мешает учебе
8	Хочу познакомиться с новыми людьми, с единомышленниками	47,10%	58,30%	Сторонюсь новых знакомств, избыток внимания мне только мешает
9	Это соответствует моим религиозным (или политическим) убеждениям	35,30%	77,10%	Это не соответствует моим религиозным (или политическим) убеждениям

ли большинство контраргументов (оценка 0 баллов), хотя 7,69 % из их числа оценили контраргумент «Это не соответствует моим религиозным (или политическим) убеждениям» на 10 баллов; из числа студентов третьего курса на 10 баллов 6,67 % респондентов оценили контраргумент «Никто не обращался ко мне с таким предложением» и 10 % — «Нет свободного времени»; среди четверокурсников 50 % респондентов на 10 баллов оценили контраргументы «Нет свободного времени» и «Волонтерская деятельность мешает учебе», а 25 % — на 10 баллов оценили контраргументы «Мне безразличны другие люди» и «Не считаю, что волонтеры реально решают какие-либо проблемы».

Таким образом, очевидно, что при соответствии в целом студенческой волонтерской деятельности в КБР стратегическим целям государственной культурной политики:

- первокурсники далеко не все вовлечены в неё ввиду слабой осведомленности;
- некоторые второкурсники считают, что волонтерская деятельность не соответствует их религиозным (или политическим) убеждениям;
- среди третьекурсников есть студенты, к которым никто не обращался за помощью или которым некогда заниматься волонтерской деятельностью;
- половина же четверокурсников не находит времени для волонтерской деятельности, считая, что она мешает учебе, а четверть — серьезно разочарованы в её рациональности.

Напрашивается вывод, что усиление социального влияния на жизненный мир студента-волонтера ведущих вузов КБР, резко снижает потенциал студенческого волонтерского движения. А это, в свою очередь, не соответствует стратегическим целям государственной культурной политики в плане развития частно-государственного партнерства и участия в нем подрастающего поколения специалистов с высшим образованием. Иными словами, в КБР пока не созданы достаточные условия для обеспечения субъектности студенческого волонтерского движения в государственной культурной политике, следовательно, имеющийся потенциал студенческого волонтерского движения для развития региональной культуры слабо востребован и реализован.

Для изменения ситуации в необходимом направлении в первую очередь видится необходи-

мым обеспечение следующих условий волонтерской деятельности студентов:

Необходима организация на постоянной основе диагностики и мониторинга волонтерского движения студентов вузов КБР, для чего может быть использована апробированная опросная модель «Потенциал волонтерского движения студентов вузов Кабардино-Балкарии» или её усовершенствованный аналог;

Необходимо усиление координации работы региональных ведомств, обеспечивающих культурную, молодежную и образовательную политику, для чего может быть использован анализ данных диагностики и мониторинга волонтерского движения студентов вузов КБР при принятии скоординированных решений;

Необходимо дальнейшее усиление институционализации гражданского общества КБР путем поддержки молодежных некоммерческих организаций и проектного финансирования их социальной деятельности в сфере культуры.

Проведенный анализ свидетельствует, что при соблюдении перечисленных условий студенческое волонтерское движение в КБР способно:

— быть субъектом культурной деятельности, выступая инвестором ресурса добровольного труда в сферу культуры, контролирующим эффективность своих инвестиций и соответствие их результатов стратегическим целям культурной политики (примеров подобных инициатив множество, важно, чтобы они находили поддержку со стороны вузов и научного сообщества¹⁶);

— выступать коллективным меценатом культурной деятельности, соответствующей стратегическим целям культурной политики, не ожидающим экономической отдачи от затраченных на неё средств, организовывая сбор целевых средств;

— выступать коллективным соинвестором культурных мероприятий на территории КБР и других субъектов Российской Федерации, контролирующим показатели эффективности и целевой характер расходов и признающим государство в качестве стратегического партнера, стимулирующего приток инвестиций в важную для государства и общества сферу;

— наконец, выступать активным общественным институтом, которому государство сможет делегировать осуществление инвестиций в область культуры в виде субсидий на осуществление программ и проектов, соответствующих стратегическим целям культурной политики.

Реализация обозначенных выше условий возможна путем организации регионального молодежного фонда поддержки волонтерских инициатив, который бы специализировался на сопровождении студенческих социальных программ и проектов, включая деятельность в сфере культуры. Безусловно, такое решение может быть принято исключительно политической волей региональной власти. Оно требует выделения на постоянной основе субсидий из регионального бюджета и контроля качества инвестиций в сферу региональной культуры посредством поддержки молодежных волонтерских инициатив. Технологии контроля и управления качеством также основываются на опросных и статистических методиках. Поэтому представляются весьма перспективными дальнейшие совершенствования предложенных авторизованных методических приемов и продолжение исследований студенческого волонтерского движения КБР на долгосрочной финансируемой из регионального бюджета основе.

Список литературы

1. Ермилова А. В., Исакова И. А. Специфика волонтерской деятельности в современной России: региональные практики // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 4. С. 48–57. DOI: 10.15593/2224–9354/2017.4.4

2. Зборовский Г. Е., Певная М. В., Ведерников А. А. Волонтерство в пространстве регионального управления (кейс Свердловской области) //

Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 4. С. 10–25. DOI: 10.15593/2224–9354/2018.4.1

3. Кисиленко А. В. Волонтерство: потенциал самоорганизации российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. №1. С. 63–71. DOI: 10.18413/2408–9338–2018–4–1–63–71

4. Кудринская Л. А. Добровольческий труд: сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2006. № 5. С. 15–22.

5. Кузнецова А. А., Соловьева Н. А. Динамика психологических характеристик личности студента в процессе профессионально-ориентированной волонтерской деятельности // Образование и наука. 2018. №7. С. 128–146. DOI: 10.17853/1994–5639–2018–7–128–146

6. Кузьминчук А. А., Певная М. В., Тимиршина Е. Р. Направления молодежного добровольчества: специфика и перспективы развития // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (53). С. 68–77.

7. Нежина Т. Г., Петухова К. А., Четчикова Н. И., Миндарова И. С. Мотивация участия молодежи в волонтерском движении // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 3. С. 49–71.

8. Певная М. В., Кузьминчук А. А. Динамика студенческого волонтерства в Свердловской области // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2016. № 4. С. 135–148.

9. Проказина Н. В., Бобылева Н. Ю., Хатнюк Н. Н. Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала в России // Научный результат. Социология и управление. 2019. №2. С. 47–56. DOI: 10.18413/2408–9338–2019–5–2–0–5

STUDENT VOLUNTEER MOVEMENT AS A SUBJECT OF CULTURAL POLICY

Tsrayeva Fatimat Vladimirovna,
Honored Worker of Culture of the Republic of South Ossetia,
Vice-Rector for Creative and Educational Work,
North Caucasian State Institute of Arts,
Lenin Ave., 1, Nalchik, KBR, Russia, 360000,
fatimatcraeva@gmail.com

Abstract

On the example of the developed and tested pilot survey model, a form of self-diagnosis of the student volunteer movement is proposed for implementation in the educational practice of universities in order to monitor the subjectivity of the student volunteer movement in the implementation of state cultural policy. The conditions under which the student volunteer movement of universities of Kabardino-Balkaria is able to act as a subject of state cultural policy are identified and considered.

Keywords

Cultural policy, volunteer movement, student volunteer, policy subject, student volunteer movement priorities, monitoring, survey model, authorized method.

RAR
УДК 008
ББК 71
DOI 10.34685/NI.2023.40.1.007

ПРИРОДА ОБРАЗОВАНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КУЛЬТУРЫ

Лидань Ма,
доцент Хэйхэского института города Хэйхэ, провинции Хэйлунцзян Китая,
докторант Северо-восточного педагогического университета,
Институт марксизма, Хэйхэский институт,
1, Улица Сюэюань, Район Айхуэй, Город Хэйхэ, Провинция Хэйлунцзян,
164300, Китай,
ORCID : 0000-0001-7835-3736, mld0509@163.com,
lidan.ma@yandex.ru

Бин Хэ,
магистр юридических наук, доцент Хэйхэского института города Хэйхэ,
провинции Хэйлунцзян Китая. Институт марксизма, Хэйхэский институт.
ORCID : 0000-0003-2527-0771,
hebing-123@163.com)

Аннотация

В данной работе с точки зрения философии культуры изучается сущность образования. Работа расширяет теоретическое представление о сущности образования, стремится к более глубокому пониманию и интерпретации сущности образования в контексте «макрокультуры». В философии культуры, культура является «приобретенной». Это реальное существование жизни человека и форма цивилизации, проявленная после долгого улучшения в реке времени. Она воплощает в себе силу человека и его уникальную ценность. Культура — одно из коренных отличий человека от животных. Это «макрокультура», а не «микрокультура» в контексте духовной культуры. Именно в процессе последовательной смены «макрокультур» человечество посредством определенных методов осуществляло «передачу» и «наследование» культуры. Такая практика, отражающая культурную сознательность человечества, и называется образованием. Как способ выживания человека культура имеет одинаково важное утилитарное и ценностное значение. Образование, сутью которого является передача и наследование культуры, не только является проявлением утилитарной роли культуры, но и ее обладает культурной ценностью. Если мы объясним передачу и наследование культуры с точки зрения времени, пространства и развития, мы заметим, что продолжение культуры — это понимание проблемы культурного наследия во временном измерении. Передача культуры — это анализ проблемы наследования культуры во временном измерении. Инновации в культуре — это трактование проблемы передачи и наследования культуры с точки зрения развития. Общим и эффективным способом продолжения, передачи культуры и культурных инноваций является «образование». В целом, с культурной точки зрения, суть «образования» заключается в «передаче» и «наследовании» человеческой культуры и цивилизации. Это — феномен самовоспроизводства человечества, продолжение и улучшение жизни людей.

Ключевые слова

Сущность образования; культурное наследие; философия культуры.

В современном обществе образование является важным вопросом, имеющим всеобщее значение и необходимым для общественной жизни. Это связано с выживанием и развитием человека, оптимизацией и расширением личного жизненного опыта. Как целенаправленная социальная практика воспитания людей определение образования имеет широкое и узкое значение. Принято считать, что под образованием в широком смысле понимаются все виды деятельности, повышающие уровень знаний и навыков людей и влияющие на идеологию и нравственность людей. Образование в узком смысле относится к школьному образованию. При исследовании сущности образования следует использовать широкое определение образования. Понимание сущности образования будет иметь разные ответы с разных точек зрения. Китайский традиционный взгляд на образование определяет образование с точки зрения человеческой природы. Западный взгляд на образование в основном объясняет образование с точки зрения потребностей общественного развития. Марксистский взгляд на образование понимает образование с точки зрения природы человека, то есть свободного и всестороннего развития человека. Его общим моментом является то, что образование есть деятельность по целенаправленному развитию человека. Интерпретация сущности образования с точки зрения культуры, помещению образования в более широкие исторические временные рамки и рассмотрение образования как динамического кругового исторического процесса наследования, развития, продолжения и обновления человеческой культуры и цивилизации — часто игнорируемая исследовательская перспектива в понимании природы образования, которая заслуживает внимания.

Культура является реальностью существования человеческой жизни и форма цивилизации, представляемая после непрерывной оптимизации с течением длительного периода времени. Она отражает сущностную силу и уникальную ценность человека, одну из фундаментальных характеристик, отличающих людей от животных. Будто существование человеческой жизни или процесс и результат жизни, культура не только отражает экономику и политику, но также динамично

и творчески отражает социальную реальность. Творчество — это душа культуры. При воспроизводстве человека из поколения в поколение естественной потребностью жизненного существования и основой продолжения человеческой цивилизации является «передача» культуры предшественниками, являющимися носителями культуры, будущим поколениям. Конечность человеческой жизни определяет, что люди хотят продолжать и оптимизировать существующую культуру, то есть «продолжать» продвигать культурные начинания и «реализовывать» идеал высших культурных ценностей, им необходимо «передавать» следующему поколению, что также является основным культурным намерением существования человеческой жизни.

Подрастающее поколение в смысле культуры является «приемником» культуры предшествующего периода и субъектом культурного развития, то есть оптимизации жизненного существования. Через признание культурной связи поколений человечество продолжает, развивает и сублимирует свое конечное существование в бесконечное культурное жизненное существование. На самом деле, с точки зрения преимущества человеческой жизни, наследование культуры наших предков является основным условием выживания будущих поколений. С момента своего рождения подрастающее поколение находится в культурной среде, созданной их предшественниками. Они поддерживают и развивают собственное жизненное существование в сложившейся культурной эпохе, принимают учения своих предшественников, принимают ценности, смыслы и идеалы культурных фактов, культурных условий, культурной среды и культурного духа. Предположим, человек, родившийся в этом мире, отказывается от того, чтобы его кормили и воспитывали его предшественники. Если мы не наследуем культуру наших предков и не можем участвовать в какой-либо культурной деятельности с другими, мы можем стать только «пришельцами» без какого-либо культурного воспитания, вне культурного мира тех, кто живет культурно, и им трудно выжить в обществе, не говоря уже о том, чтобы внести свой вклад в его развитие.

В культурной жизни реального мира «передача» и «наследование» человеческой культуры и цивилизации часто осуществляются бессознательно и неявно через образование. «Передача» выражается в неограниченной «передаче» «всем поколениям в будущем», а «наследование» показывает неограниченное «наследование» «всех поколений в прошлом». Конечно, этот процесс передачи и наследования не является «механическим движением». На содержание передачи и наследования могут влиять времена, окружающая среда и индивидуальные факторы, которые будут добавлять или уменьшать некоторые элементы культурного наследия. Существует не только бессознательный пассив, но и сознательный выбор, трансформация и новаторство. Как структура внутреннего напряжения, в которой существуют свобода и ограничение, культура коренится в уникальной классовой сущностной деятельности людей (практической деятельности людей) и продолжает превосходить, улучшать и вводить новшества на относительно стабильной основе.

Культура имеет фундаментальное значение для того, «что делает образование образованием». Статус образования свидетельствует о плавности процесса культурного наследования, о гармоничности отношений между наследником (предшественниками) и наследником (преемниками) культуры, а также о возможностях и перспективах дальнейшего существования культуры (например, культуры определенной нации). В этом смысле кризис образования является прямым выражением кризиса необходимости культурного существования, который является также корнем кризиса выживания значимости современных людей в современном обществе. Сталкиваясь с различными проблемами в реальном мире, люди должны задуматься о своих отношениях с миром и отношениях между людьми и самими собой, находить и определять общую «мудрость выживания» в современном понимании, а также использовать образование как средство передачи культуры, инновации мысли, размышления над проблемами и самоанализа людей.

Культура представляет собой способ человеческого бытия, а культурное самосознание является духовной мотивацией для практики человеческого субъекта. Энгельс в свое время указывал: «Первобытный человек, оторванный от животного мира, не свободен, как и сами жи-

вотные, во всех существенных сторонах, но всякое продвижение в культуре есть шаг к свободе»¹. С точки зрения значимости оптимизации индивидуальной жизни культурное сознание — это пробуждение и появление индивидуального самосознания культурной жизни людей, дающего людям «культурную жизнь» и может проявляться в культурном наследии от одного поколения к другому. Исходя из анализа двух направлений «внутреннего» и «внешнего» внутреннее направление культурного сознания рождается из духовных исканий человека и способствует его свободному и всестороннему развитию, что является более высоким уровнем духовного направления. Направленное вовне культурное самосознание — это культурное производство, воздействующее на реальный жизненный мир, которое отражается в таких культурных образах, как культурная идентичность, критика, распространение и творчество. Внешнее проявление культурного сознания имеет не только рациональное познание законов культурного развития, но и предприимчивость и новаторство на этой основе.

Культурное сознание человека и цивилизационное сознание реализуются различными путями, и сознательным способом, которым человек повсеместно реализует его, является образовательная деятельность, выступающая в качестве внутренней движущей силы культурных традиций, причем образование — это процесс передачи человеческой культуры и знаний, а также неотъемлемый внутренний механизм культурного развития. Образование отвечает за передачу и развитие культуры, а культура передается и обновляется через образование, тем самым способствуя развитию культуры и социальному прогрессу². На самом деле образование в смысле культурного наследия также сталкивается с проблемой культурного выбора, то есть с вопросом о том, чему учить в образовании, который является реальным вопросом человеческого существования. Изначально образование представлялось как передача одной техники труда. С непрерывной эволюцией человека и углублением общественно-

1 Избранные произведения Маркса и Энгельса, Том III [М] Пекин: издательство «Жэньминь чубаньшэ», 2012 г. (На кит.).

2 Ма Яньсян Культура — основа образования [J] Вестник Ланьчжоуского университета путей сообщения, 2010, 29 (02): 131–134. (На кит.).

го развития содержание и формы образования также характеризуются обогащением, усложнением, разнообразием и множественностью. По мере развития образования, унаследованная культура также постоянно отбирается, обрабатывается, обновляется и передается в образовательной деятельности. Она наследуется, принимается, понимается и усваивается подрастающим поколением, которое становится «новой» составляющей их знаний и опыта и может взять за отправную точку опыт старшего поколения, продолжает пониматься и обобщаться, формировать новые познавательные достижения и записывать их, чтобы продолжить цикл культуры. Таким образом, становится ясно, что образование обладает двойственными атрибутами культурной трансмиссии и культурной онтологической композиции. Суть образования заключается в передаче и приобретении человеческой культуры, то есть в наследовании культуры и в практике культурного самосознания человека.

Как образ существования человека культура играет важную роль в объединении инструментального и ценностного аспектов культуры. Образование, суть которого заключается в передаче культуры, является одновременно и осуществлением инструментальной деятельности, и проявлением ценности культуры. При интерпретации культурного наследия в его различных измерениях времени, пространства и развития легко увидеть, что образование является наиболее активным и эффективным способом и методом культурной преемственности, передачи и инноваций.

Культурная преемственность заключается в понимании наследования культуры с точки зрения временного аспекта. Образование изначально использовалось как средство сохранения и передачи человеческой культуры. Марксизм считает, что труд обеспечивает основные условия для возникновения образования. С точки зрения философии культуры сам труд также является процессом «передачи» и «наследования» культуры. Именно в труде люди старшего поколения воспитывают и обучают молодежь. Это позволяет им приобрести опыт изготовления и использования орудий труда, знания об участии в общественном производстве, сформировать идеологические взгляды и поведенческие привычки, адаптироваться к сложным социальным отношениям и быть способными успешно воспроизводиться в обществе.

С развитием и изменением общественного производства и жизни образовательная деятельность все более усложняется, становится осознанной и целенаправленной общественной практикой воспитания людей, и уникальным социальным явлением человечества.

Культура «приобретается». Это «жизненное существование», создаваемое людьми в деятельности и передаваемое будущим поколениям через образование. Она приобретается индивидом, носит негенетический характер и продолжает развиваться путем передачи от одного поколения к другому. Социальным механизмом межпоколенческой трансмиссии культуры является образование. Люди воспроизводят и воссоздают человеческую сущность через передачу культуры, особенно духовную культуру, такую как моральная концепция, ценностная ориентация и способ мышления, которые являются ядром человеческой культуры, должны быть сохранены и увековечены в сознании каждого человека каждого посредством человеческого совершенствования.

Образование — это процесс передачи культурной преемственности, которую можно понять в двух измерениях: культурная избирательность и практическая динамика. Во-первых, с позиции культурной избирательности содержание образования, то есть культура человека, передаваемая через образование, систематизируется, упрощается и психологизируется, что способствует эффективному восприятию и наследованию существующей культуры молодым поколением. Выбор непрерывной культуры является основной образования, а его сущностью является фундаментальная проблема «чему должно учить» образование. В образовательной деятельности по фактической культурной трансляции сущностью человеческой культуры является культура, которая выбрана для образования. В процессе этого выбора она упорядочивает и реконструирует внутреннюю сущность и внешнюю форму культуры, формирует ту форму, которую образованный человек наиболее может принять и понять. Чтобы культура могла передаваться, а культурная система нации, государства и общества могла передаваться из поколения в поколение.

Во-вторых, с динамического измерения практики образование есть осознанная практика человеческой культуры, что определяет образование как единство практичности и преемственности, как особый вид социальной практической

деятельности. Марксизм считает, что практика является самой основной деятельностью существования и развития человека, обладающей объективной реальностью, сознательной динамизмом и общественно-историческим характером. Практический характер образования отражается в динамическом процессе культурного отбора, культурной передачи и культурных инноваций, включая объективную реальность содержания образования, то есть культурный отбор, сознательный динамизм методов образования, то есть передачу культуры, и социально-исторический характер результатов образования, то есть культурную преемственность.

Кроме того, передача культурной преемственности часто «фильтруется» в реальном мире из-за потребностей классового правления. Дьюи утверждал, что сложность культуры определяет то, что, когда культура продолжается, ее необходимо «упростить» с помощью образования, чтобы усвоить основное содержание. Уродливые явления в культурной среде необходимо «очищать» посредством образования для устранения негативных влияний, а ограничения, накладываемые социальным сообществом на личность, должны быть «сбалансированы» посредством образования для установления культурных связей. В этом процессе необходимо учитывать влияние социальных потребностей, уровень психологического развития обучаемых и другие факторы, постоянно исследовать и корректировать образовательные подходы.

Культурная диффузия заключается в анализе проблемы культурной передачи в пространственном измерении. Именно распространение и поток культуры в разных регионах, включая двустороннюю или многомерную диффузию, представляет собой обмен и столкновение культур и способствует развитию культуры. Новые идеи, взгляды и теории возникают в результате обмена и столкновения различных культур в разных пространственных регионах, что позволяет обеспечить культурную интеграцию, развитие и инновации. В этом смысле культурная диффузия является важным направлением культурного развития. В реальном мире существует множество способов культурной диффузии. С точки зрения субъекта коммуникации существует два типа коммуникации: «активная» и «пассивная». С точки зрения эффективности коммуникации существуют «положительные» и «отрицательные» эффекты.

С точки зрения сферы коммуникации, она делится на множество категорий, таких как экономика, образование, военное дело, спорт и литература, среди которых образование является самым основным и эффективным способом.

Образование как фундаментальное средство культурной диффузии может быть проанализировано на четырех уровнях образовательных элементов. Во-первых, с точки зрения сущности образования, сутью образования является передача культуры, в которой «передача» означает и «передачу», и «распространение». В процессе культурной передачи от предыдущих поколений к будущим поколениям образование, несомненно, является активным видом культурной диффузии, которая может помочь улучшить понимание и принятие культуры будущими поколениями и способствовать достижению цели образования культурной передачи. Во-вторых, с точки зрения роли образования образование обеспечивает основной духовный импульс для культурной диффузии. Основным субъектом культурной диффузии являются люди, а их образование и культурные качества определяют эффективность культурной диффузии. В целом, чем выше образовательный уровень и культурная состоятельность людей, тем больше они стремятся к новой культуре, приносимой культурным общением, и тем сильнее их духовная сила. В этом смысле образование дает духовный импульс для субъекта культурной диффузии. В-третьих, на уровне содержания образования, содержание культурной диффузии в образовании следует законам общественного развития и прошло научный отбор, особенно духовная культура, такая как ценности, образ мышления, эстетический вкус и теория академического мышления. Напротив, пассивные, инодоменные формы культурной диффузии, как правило, передают поверхностную, материализованную культуру. Важно понимать, что развитие нации и социальные изменения происходят под влиянием глубокой духовной культуры и не могут быть достигнуты без активной роли образования. В-четвертых, на уровне объекта образования сущностью образования в смысле культуры является передача культуры, а культурная диффузия есть звено культурной передачи, которое реализуется через воспитываемые образованием таланты. С точки зрения культурной диффузии люди являются «конденсатом» культуры, обра-

зуют в обществе точку наподобие «культурной сети», которые затем объединяются в «культурный источник» из слоев или объектов. С точки зрения культурной диффузии люди являются «конденсатом» культуры, образуют «культурную сеть» из точек в обществе, а затем объединяются в «культурный источник» из слоев или объектов³. Одним словом, важная роль образования заключается в дальнейшей популяризации культуры путем ее диффузии и превращения в общую культуру для людей.

Культурные инновации являются подходом к проблеме культурного наследия с точки зрения развития. Развитие культуры заключается не только в ее сохранении и накоплении, но и в ее постоянном обновлении и создании, что и является жизненной силой культуры. Как особый вид социальной практики, образование создает новую культуру в продолжении и передаче, интернализируя существующее духовное богатство людей в духовное богатство образованных, такое как их идеология, культура и ценности, и воспитывая людей с инновационным духом и творческими способностями.

Образование является основным способом культурных инноваций, что может быть объяснено с точки зрения, как практического, так и конечного значения образования. Во-первых, с точки зрения своей актуальности, образование не является воспроизводством культуры. Фактически, функция образования в отборе, передаче и увековечивании культуры получила новый культурный смысл, на который влияют историческая ситуация времени, условия социальной реальности, физическое и психическое состояние воспитуемых и различия в ценностях самих воспитателей. В столкновении культурных обменов, встреч и смешений оригинальные культурные традиции претерпевают определенные изменения через критику и поглощение, рождая новые культурные элементы, которые являются ростками культурных инноваций. Образование — это наследие культуры, а не ее воспроизводство.

Во-вторых, в конечном счете, образование есть формирование цивилизованных людей. Образование — это социальная практика человека.

Субъект и объект воспитания — это самосознующие и субъективные человеческие существа с множеством ролей, как в качестве исполнителей и получателей культуры, так и в качестве ее создателей. Образование осуществляет передачу культуры, оказывая влияние на людей и формируя их личность с помощью культуры. Через постижение сущности культуры и законов культуры, осмысление культурных ценностей и критику культурных кризисов осуществляется культурное творчество и развитие личности субъекта, благодаря чему человек из невежественного варвара становится просвещенным и цивилизованным человеком. В этом смысле культурная критика в современном обществе лучше для культурного творчества. Образование выполняет сущность передачи культуры, развивая потенциал людей в создании культуры, укрепляя силу людей в создании культуры, чтобы культура продолжала развиваться, а жизнь людей продолжала оптимизироваться.

Социолог Алекс Инкелес считает, что образование является мощным фактором улучшения всеобъемлющей современности людей и одной из основных сил формирования современности. Без новаторских талантов культура не может быть инновационной. Рассматривая историческую картину роста достижений крупнейших мировых держав, легко заметить, что идеологическая культура каждой крупной страны, основным средством которой является образование, сыграла важную роль, и что образование подготовило большое количество талантов и оказало важную поддержку развитию страны. В трех успешных опытах прошлого века: «Соединенные Штаты догоняют Великобританию в 1900 году, Япония догоняет Соединенные Штаты в 1950 году, и Южная Корея догоняет Европу в 1960 году», ученые обнаружили общую закономерность в реализации стратегического решения «приоритет таланта». Так называемая стратегия «приоритет таланта» была в то время приоритетным и опережающим вложением догоняющих стран в развитие собственных талантов. Обязательным условием реализации этой стратегии является уделение внимания образованию и рассмотрение развития образования как важного средства социально-экономического развития и национальной силы. По мнению экономиста Фридриха Листа «большая часть потребления страны должна использоваться для образования

3 Ван Цзиньсин, Чэнь Чжидань Теоретическая интерпретация и ценностная реализация образовательной экономики [J], издательство Дуннань Сюэшу, 2009 (03): 80–84. (На кит.).

следующего поколения, а также для продвижения и развития будущей производительности страны»⁴.

Культура — это духовный подтекст, образ темперамента и символ развития страны и нации. Он играет важную роль в духовной поддержке национального развития и национального подъема. Как сумма духовного богатства, созданного исторической практикой человеческого общества, культура воплощает в себе сущностную силу человека, его уникальную ценность, а также способность и мудрость человека изменять мир и творить чудеса. Образование — это не только «передача» и «наследство» культуры, но и эффективный путь к культурным инновациям и развитию, воспроизводству самих людей, чтобы жизнь человека постоянно оптимизировалась и расширялась. В настоящем исследовании раскрывается сущностный смысл «передачи» и «объединения» образования человеческой культуре в контексте современной философии культуры. Возвращение образования к культурной природе и культур-

номусознанию современных цивилизованных людей имеет огромное значение для выживания и развития человечества. Продолжение и обновление человеческой реальности, изменения и инновации в способах образования людей, несомненно, носят более позитивный характер.

Список литературы

1. Избранные произведения Маркса и Энгельса, Том III [М] Пекин: издательство «Жэньминь чубаньшэ», 2012 г. (На кит.).
2. Ма Яньсян Культура — основа образования [J] Вестник Ланьчжоуского университета путей сообщения, 2010, 29 (02): 131–134. (На кит.).
3. Ван Цзиньсин, Чэнь Чжидань Теоретическая интерпретация и ценностная реализация образовательной экономики [J], издательство Дуннань Сюэшу, 2009 (03): 80–84. (На кит.).
4. Ма Яньсян, Цай Чжунхун Образование: внутренний механизм культурного развития [J] Вестник Северо-Западного университета национальных меньшинств (философия и общественные науки), 2010 (01): 40–48. (На кит.).

---

4 Ма Яньсян, Цай Чжунхун Образование: внутренний механизм культурного развития [J] Вестник Северо-Западного университета национальных меньшинств (философия и общественные науки), 2010 (01): 40–48. (На кит.).

ANALYSIS ON EDUCATION ESSENCE FROM THE PERSPECTIVE OF CULTURE

Lidan Ma,

Associate Professor in Heihe University, Heihe, Heilongjiang Province, China. Ph.D student in Northeast Normal University. Research direction: Marxist theory and practical problems, mld0509@163.com ORCID : 0000-0001-7835-3736.

College of Marxism, Heihe University,
No. 1 Xueyuan Road, Aihui District, Heihe City, Heilongjiang Province, 164300, China,
lidan.ma@yandex.ru

Bing He,

Master of Laws, Associate Professor in Heihe University, Heilongjiang Province, China. Research direction: Chinese higher education. ORCID : 0000-0003-2527-0771,
hebing-123@163.com

Abstract

This paper is a theoretical vision extension of education essence cognition through the exploration of education essence from the perspective of cultural philosophy, and it seeks to have a more profound understanding and interpretation of education essence in the sense of "macro culture". In the context of cultural philosophy, culture is "acquired", is the real life existence of human beings and the civilized form after continuous optimization over time, and it reflects the essential power and unique value of human beings. Also, it is one of the fundamental characteristics that distinguishes human beings from animals, and is a "macro culture" rather than a "micro culture" in the sense of spiritual culture. It is in the midst of the iterative changes of the 'macro culture' that mankind has accomplished the 'transmission' and 'inheritance' of culture in a certain way, and this way of human cultural self-consciousness is called Education. As a way of life for human beings, culture plays an important role in the unification of instrumentality and value, and education, with cultural inheritance as its essence, is both the exercise of the instrumental and the manifestation of the value of culture. If we explain cultural heritage by looking at different dimensions of time, space and development, we will find the following three points: cultural continuity is to understand cultural heritage issues in terms of time, cultural dissemination is to analyze cultural heritage issues from the spatial dimension, and cultural innovation is to explain cultural heritage issues from the dimension of development. The common and effective way of cultural continuity, dissemination and innovation is "education". In short, interpreted from a cultural perspective, the essence of education is the "transmission" and "inheritance" of human culture and civilization, also is a phenomenon of human reproduction, and the continuation and renewal of human life.

Keywords

Education Essence, culture inheritance, cultural philosophy.

RAR
УДК 008
ББК 71
DOI 10.34685/ИИ.2023.40.1.014

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Коренной Александр Сергеевич,
аспирант Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева
ул. Космонавтов, 2, Москва, Россия, 129366
akorennoy@mail.ru

Аннотация

В центре внимания статьи неоднородные процессы формирования и развития инновационных социокультурных практик. Методология исследования базируется на передовых подходах отечественной культурологии в сфере теоретико-методического обеспечения культурной политики и национальной безопасности. Установлено, что процессы формирования и развития инновационных практик не являются тождественными. Их подвижная граница пролегает между неотрефлексированным опытом и методически просчитанным эффектом рациональной социокультурной деятельности.

Ключевые слова

Социальные практики, социокультурные практики, традиция, инновация, инновационные социокультурные практики, процесс формирования, процесс развития.

Внимание к формированию и развитию инновационных социокультурных практик обусловлено стремлением современного российского общества к сохранению и усилению общенационального единства перед лицом общих вызовов и угроз, связанных с нарастанием глобального гуманитарного кризиса. Как обозначено в Стратегии государственной культурной политики его приметами являются:

- снижение интеллектуального и культурного уровня общества;
- девальвация общепризнанных ценностей и искажение ценностных ориентиров;
- рост агрессии и нетерпимости, проявления асоциального поведения;
- деформация исторической памяти, негативная оценка значительных периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости Российской Федерации;

атомизация общества — разрыв социальных связей (дружеских, семейных, соседских), рост индивидуализма и пренебрежения к правам других¹.

Государственная стратегия предполагает три сценария развития перспективной ситуации: инерционный, базовый и инновационный. Инерционный сценарий, рассчитанный на значительное инвестиционное участие государства в отрасли культуры, в целом не ухудшит положение, хотя и снижения перспективных рисков он не гарантирует. Инновационный сценарий предполагает расширение участия в реализации задач культурной политики различных институтов общества, которое возможно за счет

---

1 Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420340006> (дата обращения 25.10.2022).

снижения патерналистских ожиданий. Базовый (расчетный) сценарий предполагает неоднородность процесса перехода регионов России на инновационные рельсы в управлении культурой, поэтому учитывает как оптимистический, так и пессимистический прогнозы. Оптимизм вселяет формирование и развитие инновационных социокультурных практик в современном российском обществе, поэтому изучение этих процессов представляется крайне актуальной и своевременной задачей.

Социокультурные практики в современном российском обществе представляют собой активно изучаемую социальными и гуманитарными науками область жизнедеятельности общества. Эта область исследуется нами в качестве объекта. Акцент же в данном исследовании делается на неоднородных процессах формирования и развития инновационных социокультурных практик.

Цель исследования — раскрыть фундаментальные основания разграничения процессов формирования и развития инновационных социокультурных практик.

Поставленная цель потребовала решения комплекса теоретических и научно-практических задач:

- уточнить понятие «социокультурные практики»;
- уточнить понятие «инновационные социокультурные практики»;
- дифференцировать процессы формирования и развития инновационных социокультурных практик.

Методология исследования базируется на системном, структурно-функциональном и ценностно-нормативном подходах отечественной культурологии в сфере теоретико-методического обеспечения культурной политики и национальной безопасности². Помимо общетеоретических методов сравнения, обобщения и типологии, для ре-

шения поставленных задач потребовались методы культурологической типологизации и атрибуции³.

Культурологическая атрибуция была использована при уточнении основных понятий, поскольку потребовалось установить распространенность функциональных свойств атрибутируемых терминов в системах сразу нескольких культурных порядков, к которым Г. В. Бакуменко вслед за Р. Т. Крэйгом относит разные теоретические традиции⁴. Метатеоретические возможности культурологической атрибуции были применены для сравнения и установления соотношений феноменального (практики) и ноуменального (термины) в социальной реальности инновационных практик, что, в свою очередь, позволило типологизировать инновационные практики и дифференцировать процессы их формирования и развития.

Несмотря на то, что термин «социокультурная практика / социокультурные практики» вошел в широкое теоретическое употребление, в зависимости от контекста, целей и задач каждого конкретного исследования он трактуется достаточно вариативно, т. е. остается в классическом понимании теоретической метафорой, а с постнеклассических системных позиций может рассматриваться в качестве социокультурного фронта⁵, раскрывающего динамику и изменчивость описываемой с его помощью части социальной реальности.

Ряд исследователей к социокультурной практике относят выделенную одну практику или некоторую их совокупность утверждая наивысшую степень устойчивости практики, позволяющую с её (устойчивости) помощью характеризовать определенный локус культуры (регион, часть общества или область его культурно обусловленной

2 Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / ред. И.А. Копылов и др. М., 2021; Региональная культурная политика: методология, институты, практики (ценностно-нормативный подход) / И.И. Горлова и др. М., 2019; Горлова И.И., Зорин А.Л., Коваленко Т.В. Современные вызовы и угрозы национальной безопасности России в сфере культуры // Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации. М., 2021. С. 219–229.

3 Флиер А.Я. Культурная атрибуция как метод исследования // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 4. С. 139–144.; Он же... Культурная атрибуция как метод исследования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 6 (68). С. 24–30.; Бакуменко Г.В. Междисциплинарный потенциал культурологической атрибуции // Культурология в теориях и практиках: к 30-летию кафедры культурологии МПГУ. М., 2022. С. 50–61.

4 Бакуменко Г.В. Междисциплинарный потенциал культурологической атрибуции... С. 56.

5 Бакуменко Г.В., Лугинина А.Г. Виртуализация социокультурного фронта «Tertius Romae» // Журнал фронтирных исследований. 2022. Т. 7. № 1 (25). С. 265–293.

деятельности)⁶. Культурологическая атрибуция в междисциплинарном поле исследований культуры позволяет установить, что подобное терминологическое употребление восходит к категории социальной практики структурно-функциональной социологической школы (П. А. Сорокин, Р. Мертон, Т. Парсонс и др.), где под социальной практикой понимается устойчивая форма социального действия, свойственная части общества (семье, группе, социальному институту и т. д.). Культурное различие схожих практик (социализация молодежи, строительство жилищ, матримонические отношения и пр.) ведет к появлению и закреплению в теоретическом дискурсе понятия «социокультурная практика», обозначающего имеющую культурные особенности социальную практику. В отдельных случаях, когда заходит речь о сохранении или перенесении в чужеродную культурную среду некоторой социокультурной практики, опорное понятие почти синонимично «традиции»⁷, но не тождественно ей. «Традиция» (как термин, описывающий определенную форму культуры) в исконном значении, восходящем к культурной антропологии (Э. Тайлор, Б. Малиновский, А. Крёбер, К. Клакхон и др.), связана с сохранением устойчивых (традиционных) ценностно-смысловых связей социального действия с реальностью. Она обуславливает сохранение консервативного мировоззрения, базирующегося на неизменных ценностных приоритетах, и значительно влияет на восприятие индивидом, обществом или его частью социальной реальности. Обратим внимание, что традиция или традиционная социальная практика по определению не может быть инновационной, в то время как сохранение

в новых условиях или перенесение в новую культурную среду некоторой социокультурной практики представляет собой как раз инновацию.

Близкое по значению употребление термина «социокультурная практика», но имеющее собственные корни и иную смысловую нагрузку, синонимично связано с термином «культурная практика».

Примечательно, что синонимичное употребление термина «социокультурная / культурная практика» прочно вошло в педагогический специальный тезаурус, где четко по функциям демаркированы теория и практика⁸. Культурологическая атрибуция такого употребления в междисциплинарном поле исследований культуры позволяет установить, что оно восходит к культурно-исторической теории психологии (Л. С. Выготский, К. Левин, А. Н. Леонтьев и др.). Под культурной / социокультурной практикой подразумевается непосредственное воздействие на социальный объект (личность, общество или его часть) с целью установления в его жизнедеятельности теоретически запланированных (педагогическое творчество) или интуитивно сложившихся (художественное творчество) систем ценностей. В этом смысле культурная / социокультурная практика — есть творческий процесс созидания культуры личности, общества или его части, т. е. процесс исключительно инновационный, для которого традиция становится материалом и инструментом изменения социальной реальности. В некоторых случаях педагоги условно разграничивают культурные / социокультурные практики по принципу самодетерминации процесса созидания (самообразование — культурная практика) и социальной детерминации процесса⁹. Т. е. к культурным практикам относят

6 Город плюс имидж: теория, социокультурная практика, региональные проекты / Е. Бурлина и др. Самара, 2010.; Бренное и вечное. человек в пространстве российской государственности : мифология, идеология, социокультурная практика. Великий Новгород, 2012.; Джеенбаева К.А. Заманбап үйлөнүү үлпөтү социалдык жана маданий практика катары: салттар жана инновациялар // Вестник Ошского государственного университета. 2020. № 2–4. С. 40–49.; Черемных Л.Г., Турова Е.И., Шорикова Е.С. Понимание свободы в современной социокультурной практике // Великая победа: наследие и наследники. Тюмень, 2019. С. 83–84. и др.

7 Ivashinenko N.N. Socio-Cultural Transnational Practices in Saturday Russian Schools in Scotland // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. № 4. С. 443–459.

8 Социокультурное образование и развитие личности будущего специалиста: теория и практика / Р. А. Литвак, М. Е. Дуранов, И. И. Дуранов. М., 2009.; Вовк Т.В., Яковлева И.П. Фотографирование в социокультурных практиках современной молодежи: на примере студентов КубГУ // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования. Краснодар, 2021. С. 1153–1159.; Габова М. В. Визуальная культура и социокультурные практики Республики Коми // Социально-экономические, политические и исторические аспекты развития северных и арктических регионов России. Ч. 2. Сыктывкар, 2018. С. 63–67. и др.

9 Ярлова М. С. Кураторское образование как социокультурная практика: две концептуальные рамки // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культу-

индивидуальный творческий процесс, а к социокультурным — опосредованный социальными связями. Подчеркнем исключительно методическую условность подобной градации, поскольку индивид (личность) даже в максимально автономных условиях к саморазвитию и творчеству оказывается способен лишь в социальной / культурной среде, формирующей базовые предпосылки, условия и факторы творческой деятельности.

Оставаясь на системных позициях, можно предполагать, что терминологическая разногласия по-разному с различных сторон описывает некоторый объект, феномен социальной реальности, связанный со способностью индивида и общества к коллективной деятельности для адаптации к меняющимся условиям окружающей среды или освоения и адаптации среды под индивидуальные и коллективные нужды. Метатеоретические возможности культурологии позволяют область теоретического дискурса включить в совокупность социальных практик и описать эту практику как самореферентную систему социальных отношений. Учитывая обусловленность социального действия культурными детерминантами (М. Вебер, П. А. Сорокин, Р. Мертон, Дж. Александер и др.) под социальной практикой следует понимать некоторый паттерн (модель) социального поведения, который в каждом конкретном случае оказывается культурно обусловлен и, сохраняя базовые механизмы и функции общей модели, реализуется в действительности как уникальный процесс с различной степенью схожести с универсальной моделью. Соответственно, понятие «социальная практика» охватывает универсальные характеристики социального феномена в то время, как понятие «социокультурная практика» позволяет описать отдельные уникальные характеристики того же феномена.

Для дифференциации процессов формирования и развития инновационных социокультурных практик разграничения понятий «социальная /

социокультурная практика» недостаточно: необходима общая типологизация социокультурных практик по различным основаниям.

В частности, Г. В. Бакуменко, оттолкнувшись от понимания социальной практики П. Бурдьё, анализирует духовные практики как область нематериального производства¹⁰. Он обращает внимание, что в современном обществе традиция и новация сосуществует. Традиционные духовные практики отличаются сроками их формирования, охватывающими не менее трех поколений. Они складываются на длительном промежутке исторического времени путем опытного отбора обществом тех практик, которые создают преимущества в освоении среды жизнедеятельности. Основной тезис Г. В. Бакуменко сводится к утверждению, что в условиях интенсивного культурного обмена, сопровождающегося обострением кризисов культурной травмы, времени на подобный отбор конструктивных практик просто нет: «... ускорение течения социального времени в инновационной культуре усиливает риски скатывания в инверсионную ловушку, в которой общество не преодолевает культурную травму, а продолжает усиливать её последствия»¹¹. Из чего следует, что «от культурологической атрибуции происходящих в современных культурах изменений на различных уровнях (индивидуальный, организационный, институциональный, национальный, межнациональный) и в различных сферах деятельности зависит скорость социокультурного развития общества: с одной стороны, — скорость его адаптации к изменениям, а с другой — способность, сохраняя и усиливая свою системную сложность, созидать новое и обуславливать посредством инноваций процессы, поддающиеся контролю и управлению»¹².

Отмеченные на примере духовных практик характеристики традиции позволяют эксплицировать примененную типологизацию к социокультурным практикам в целом. Традиция (традиционные социокультурные практики) не исключает инноваций, — она формируется путем неотреф-

рология. 2020. № 8. С. 24–34.; Самохвалова С.Ю., Мурадян К.А. Технология организации социокультурных и просветительских практик в условиях поликультурного образования и преподавания иностранного языка // Культура. Наука. Интеграция. 2013. № 1(21). С. 31–40.; Гребенникова В.М., Игнатович В.К., Игнатович С.С. Принцип событийности в организации социокультурных практик учащихся как проектных единиц их индивидуальных образовательных маршрутов // ИСОМ. 2015. №5–1. С. 207–213.

10 Бакуменко Г.В. Традиция и новация в символизации успеха духовных практик // Социальные смыслы спортивной духовности. Армавир, 2021. С. 8–14.

11 Бакуменко Г.В. Там же... С. 13.

12 Он же... Междисциплинарный потенциал культурологической атрибуции... С. 57.

лексированного опытного отбора обществом тех инноваций, которые создают преимущественные условия для освоения реальности. При этом перманентный конфликт традиции и инновации отражает исторически сложившийся механизм отбора нового. Общество в целом более адаптировано к традиции нежели к нововведениям, поэтому инициативы перемен, исходящие от индивида или части общества, сталкиваются с серьезным социальным сопротивлением, но именно они играют управленческую роль в развитии общества. Традиционные социокультурные практики, таким образом, также подвержены изменениям, но эти изменения ограничены протяженностью между поколениями, т. е. не происходят быстро, а растянут во времени. Соответственно, оценивая традиционные социокультурные практики можно говорить только об их развитии, формирование же новых традиций может быть оценено только по прошествии исторического времени, в результате смены как минимум трех поколений. Обратим внимание, что динамика смены художественного стиля непосредственно привязана к смене поколений¹³. Закономерности развития художественного стиля отражают закономерности развития социокультурных практик, поскольку художественное творчество является одной из таких практик.

Учитывая, что традиция и инновация являются нетождественными взаимоопределяемыми категориями, можно выделить три общих фактора развития традиционных социокультурных практик: естественные, обусловленные изменениями естественной среды обитания; социогенные, обусловленные изменением численности общества; культурные, обусловленные столкновением и интеграцией культур.

Формирование инновационных практик является закономерным следствием происходящих в обществе и среде его жизнедеятельности изменений. Изменения эти могут быть различной интенсивности: одни — периодические (например, смена времен года), — периодические изменения попадают в категорию процессов, которые предугадываются, а следовательно, могут быть спланированы и управляемы; дру-

гие — непериодические, не попадающие в запланированные расчёты. Соответственно, и те и другие могут быть различной интенсивности, но только высокая интенсивность непериодических и непредсказуемых изменений представляет угрозу социальному развитию. Отсюда следует, что инновационные практики, провоцирующие изменения, могут носить как конструктивный (предсказуемый), так и деструктивный (непредсказуемый) характер. Поэтому следует согласиться с Г. В. Бакуменко, когда он утверждает, что от способности к рациональной рефлексии зависит скорость социокультурного развития общества, — «скорость его адаптации к изменениям» и «способность, сохраняя и усиливая свою системную сложность, созидать новое»¹⁴.

В современной инновационной культуре формирование конструктивных инновационных социокультурных практик возможно исключительно на базе теоретически отрефлексированных (изученных) явлений социальной жизни. Неоправданный волюнтаризм в социокультурной деятельности представляет сегодня серьезный риск. Поэтому крайне важно предложить классификацию конструктивных и деструктивных инновационных социокультурных практик, в основание которой может быть положена Стратегия государственной культурной политики России, нацеленная на сохранение и усиление общественного единства.

К деструктивным практикам следует отнести те, что провоцируют, предполагают или отрицают таких возможных своих последствий, как:

- снижение интеллектуального и культурного уровня общества;
- девальвация общепризнанных ценностей и искажение ценностных ориентиров;
- рост агрессии и нетерпимости, проявления асоциального поведения;
- деформация исторической памяти, негативная оценка значительных периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости Российской Федерации;
- атомизация общества — разрыв социальных связей (дружеских, семейных, соседских), рост индивидуализма и пренебрежения к правам других.

13 Kharuto A.V., Kovalenko T.V., Kulichkin P.A., Petrov V.M. Intensity of Artistic Creativity: Periodical Waves in the Evolution of European Music, Painting, and Theatre // Rivista di Psicologia dell'Arte. 2007. № 18. С. 59–87.

14 Бакуменко Г.В. Междисциплинарный потенциал культурологической атрибуции ... С. 57.

Конструктивные же инновационные социокультурные практики должны быть теоретически рассчитаны на:

- усиление интеллектуального и культурного уровня общества;
- усиление общепризнанных ценностей и ценностных ориентиров;
- снижение агрессии и нетерпимости, асоциального поведения;
- сохранение исторической памяти, объективную оценку значительных периодов отечественной истории, распространение положительного опыта российского общества на пути исторического развития;
- снижение атомизации общества — усиление социальных связей (дружеских, семейных, соседских), отрицание индивидуализма и пренебрежения к правам других.

Из выше сказанного следует, что процессы формирования и развития инновационных практик в современном российском обществе не являются тождественными. Их подвижная граница (фронт) пролегает между имплицитным (неотрефлексированным) опытом развития традиций и методически просчитанным эффектом от воздействия на социокультурную среду путем осуществления рациональной социокультурной деятельности. Соответственно, разрыв между теорией и практикой социокультурной деятельности, по нашему мнению, может характеризовать степень готовности общества к осуществлению инноваций: чем он меньше, тем интенсивнее общество способно развиваться и сильнее влиять посредством инноваций на процессы, поддающиеся контролю и управлению. Анализ процессов формирования и развития инновационных социокультурных практик позволил установить, что истоками их разнообразия в современном российском обществе являются традиции культур народов Российской Федерации и положительный опыт отечественной теории и практики социокультурной деятельности.

Список литературы

1. Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / ред. И. А. Копылов, А. С. Коржевский, В. В. Толстых; А. Ф. Андреев, И. В. Бернацких, А. С. Богданов и др. М.: РГГУ, 2021. 604 с.
2. Региональная культурная политика: методология, институты, практики (ценностно-

нормативный подход) / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, А. В. Крюков и др. М.: Институт Наследия, 2019. 206 с.

3. Горлова И. И., Зорин А. Л., Коваленко Т. В. Современные вызовы и угрозы национальной безопасности России в сфере культуры // Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации. Сборник материалов круглого стола. М.: РГГУ, 2021. С. 219–229.

4. Флиер А. Я. Культурная атрибуция как метод исследования // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 4. С. 139–144.

5. Флиер А. Я. Культурная атрибуция как метод исследования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 6 (68). С. 24–30.

6. Бакуменко Г. В. Междисциплинарный потенциал культурологической атрибуции // Культурология в теориях и практиках: к 30-летию кафедры культурологии МПГУ : материалы международной научно-практической конференции (Москва, 25–26 ноября 2021 г.) / сост. И. Б. Пржиленская, И. А. Купцова; под ред. А. А. Шевцовой, Е. М. Шемякиной. [Электронное издание сетевого распространения]. М.: МПГУ, 2022. С. 50–61.

7. Бакуменко Г. В., Лугинина А. Г. Виртуализация социокультурного фронта «Tertius Romae» // Журнал фронтальных исследований. 2022. Т. 7. № 1 (25). С. 265–293.

8. Город плюс имидж: теория, социокультурная практика, региональные проекты / Е. Бурлина и др.; Самарский гос. мед. ун-т Росздрава, Управление инновационных технологий, Каф. философии и культурологии. Самара: Книга, 2010. 162 с.

9. Бренное и вечное. Человек в пространстве российской государственности: мифология, идеология, социокультурная практика : мат. Всерос. науч. конф. / ред. А. П. Донченко; Министерство образования и науки Российской Федерации, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Философский факультет НовГУ (Великий Новгород, 13–14 декабря 2011 г.). Великий Новгород: Издательско-полиграфический НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2012. 384 с.

10. Джеенбаева К. А. Заманбап үйлөнүү үлпөтү социалдык жана маданий практика катары: салттар жана инновациялар // Вестник Ошского государственного университета. 2020. № 2–4. С. 40–49.

11. Черемных Л. Г., Турова Е. И., Шорикова Е. С. Понимание свободы в современной социо-куль-

турной практике // Великая победа: наследие и наследники : Всерос. науч.-практ. конф. XVIII Философские образовательные чтения (Тюмень, 22 октября 2019 г.). Тюмень: Издательско-информационный отдел Тобольской митрополии, 2019. С. 83–84.

12. Ivashinenko N.N. Socio-Cultural Transnational Practices in Saturday Russian Schools in Scotland // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. № 4. С. 443–459.

13. Социокультурное образование и развитие личности будущего специалиста: теория и практика / Р.А. Литвак, М.Е. Дуранов, И.И. Дуранов. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2009. 242 с.

14. Вовк Т.В., Яковлева И.П. Фотографирование в социокультурных практиках современной молодежи : на примере студентов КубГТУ // Философические и социокультурные вопросы науки и образования : сб. мат. VI Междунар. науч.-практ. очно-заочной конф. (Краснодар, 28 октября 2021 г.). Краснодар: КубГТУ, 2021. С. 1153–1159.

15. Габова М.В. Визуальная культура и социокультурные практики Республики Коми // Социально-экономические, политические и исторические аспекты развития северных и арктических регионов России : мат. Всерос. науч. конф. (с международным участием) (Сыктывкар, 17–18 октября 2018 г.). Ч. 2. Сыктывкар: СГУ им. Питирима Сорокина, 2018. С. 63–67.

16. Яралова М.С. Кураторское образование как социокультурная практика: две концептуальные рамки // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. № 8. С. 24–34.

17. Самохвалова С.Ю., Мурадян К.А. Технология организации социокультурных и просветительских практик в условиях поликультурного образования и преподавания иностранного языка // Культура. Наука. Интеграция. 2013. № 1(21). С. 31–40.

18. Гребенникова В.М., Игнатович В.К., Игнатович С.С. Принцип событийности в организации социокультурных практик учащихся как проектных единиц их индивидуальных образовательных маршрутов // ИСОМ. 2015. № 5–1. С. 207–213.

19. Бакуменко Г.В. Традиция и новация в символизации успеха духовных практик // Социальные смыслы спортивной духовности : Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Армавир, 13–14 ноября 2020 г.) Армавир: АГПУ, 2021. С. 8–14.

20. Kharuto A.V., Kovalenko T.V., Kulichkin P.A., Petrov V.M. Intensity of Artistic Creativity: Periodical Waves in the Evolution of European Music, Painting, and Theatre // Rivista di Psicologia dell'Arte. 2007. № 18. С. 59–87.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF INNOVATIVE SOCIO-CULTURAL PRACTICES IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Korennoi Alexander Sergeevich,
postgraduate student of the Russian Research Institute
of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev
st. Kosmonavtov, 2, Moscow, Russia, 129366
akoreny@mail.ru

Abstract

The article focuses on heterogeneous processes of formation and development of innovative socio-cultural practices. The research methodology is based on the advanced approaches of Russian cultural studies in the field of theoretical and methodological support of cultural policy and national security. It has been established that the processes of formation and development of innovative practices are not identical. Their moving border lies between unreflected experience and the methodically calculated effect of rational socio-cultural activity.

Keywords

Social practices, sociocultural practices, tradition, innovation, innovative sociocultural practices, formation process, development process.

ИСКУССТВО, ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА

RAR
УДК 008
ББК 71.11
DOI 10.34685/NI.2023.40.1.008

ОДНОДВОРЦЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ XVIII—XIX ВЕКОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Попов Михаил Александрович,
преподаватель истории,
Автономная некоммерческая организация высшего образования
"Русский университет метатехнологий",
424000, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Вознесенская, 110,
popovmicle@yandex.ru

Аннотация

Однодворцы неоднократно становились предметом научного интереса историков различных стран, в том числе и России. При этом авторы из различных стран изучают различные стороны однодворческого вопроса, расставляют различные акценты и используют различный набор источников.

Ключевые слова

Однодворцы, историография, Черноземье, крестьяне, Российская империя, законы, реформы.

Однодворческий вопрос всегда стоял несколько в стороне от научных интересов большинства исследователей, изучавших социально-экономическую историю России в XIX—XXI веках. Сословие однодворцев было не столь велико относительно государственных и помещичьих крестьян, обладало своими особенностями, а потому не подходило для описания масштабных картин социально-экономического развития Российской империи.

В то же время, именно уникальность однодворцев, занявших промежуточное положение между государственными крестьянами и мелкопоместными дворянами, привлекала внимание тех учёных, которые обращались к этому вопросу.

Первые работы, изучающие данную социальную группу, появились уже в середине XIX века и несли более прикладной характер, связанный с переселенческим движением

в Российской империи (Я. Соловьёв¹, Г. Германов²). В дальнейшем такие исследователи, как В. М. Важинский³, М. Д. Рабинович⁴, М. Т. Белявский⁵ обращались к происхождению однодворцев, их положению в социальной структуре общества Российской империи, характерным особенностям сословия.

Чтобы не повторяться в этой статье, мы рассмотрим обобщающие работы других авторов, изучавших однодворческое сословие, и ознакомимся с трудами некоторых исследователей, которые не были рассмотрены в обобщающих работах.

Первая работа, в которой изучались написанные к тому моменту труды про однодворцев, была опубликована Н. К. Ткачевой в 1975 году. Статья под названием «Однодворцы XVIII века в отечественной историографии»⁶ вышла в печать в журнале «История и историки: историографический ежегодник» Института истории СССР Академии наук.

В работе прослеживается эволюция интереса к однодворческому сословию от середины XIX века до 1970-х годов. Автор проводит подробный анализ затрагивающих тем или иным образом сословие однодворцев трудов, преимущественно, в контексте социально-экономической истории России.

Эпоха, в которую была написана статья, накладывает свои особенности: из 18 страниц текста 2 посвящены тому, что писал о крестьян-

ском вопросе создатель СССР Владимир Ленин, из 82 подстрочных ссылок 13 (15% всех ссылок) ссылаются на полное собрание сочинений политика. По сути однодворческого вопроса у Ленина высказываний не было, поэтому данная вставка воспринимается и является по факту лишней и бесполезной, представляя, однако, артефакт своей эпохи.

Тем не менее, несмотря на недостатки в виде давления марксистской идеологии на содержание аналитической части работы, труд Н.К. Ткачевой был первым и наиболее полным собранием историографии однодворческого вопроса и остаётся одной из наиболее полных работ на эту тему по сей день.

Следующую попытку объединения историографии однодворческого вопроса в рамках одной статьи уже в XXI веке предпринял Михаил Константинович Чуркин, д. и. н., профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета.

В работе «Российские однодворцы в отечественной историографии второй половины XIX — начала XXI вв.: социально-экономический статус, сословная идентичность, миграционная мобильность»⁷ М.К. Чуркин характеризует как работы, уже представленные у Н.К. Ткачевой, так и те работы, которые изучают переселения русских крестьян (к числу которых относили и однодворцев) в Сибирь, вводя в научный дискурс аспекты особенностей локальной культуры однодворцев в контексте ассимиляционных процессов русского населения в Западной Сибири, дополняя общую историографию вопроса новым измерением. В работах приведённых М.К. Чуркиным авторов (А.А. Крих⁸, И.В. Чер-

1 Соловьёв Я. Об однодворцах // Отечественные записки. 1850. № 69. Отд. 2. С. 81–100.

2 Германов Г. Постепенное распространение однодворческого населения в Воронежском крае // Западное географическое общество. 1857.

3 Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в. — Воронеж, 1974.

4 Рабинович М.Д. Судьбы «служилых людей старых служб» в период формирования регулярной русской армии в начале XVIII века : дис. канд. ... ист. наук. М., 1953.

5 Белявский М.Т. Однодворцы Черноземья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.). М. : Изд-во МГУ, 1984. 269 с.

6 Ткачева, Н.К. Однодворцы XVIII века в отечественной историографии // История и историки : Историографический ежегодник / АН СССР, Научный совет по проблеме "История исторической науки" при Отделении истории АН СССР, Институт истории СССР. Москва, 1978. С. 281–299.

7 Чуркин, М.К. Российские однодворцы в отечественной историографии второй половины XIX — начала XXI вв.: социально-экономический статус, сословная идентичность, миграционная мобильность // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 171–175.

8 Крих, А.А. Переселение однодворцев в Омское Прииртышье В первой половине XIX в.: практика и планы // Третьи Ядринцевские чтения : материалы III Всероссийской научно-практич. конференции, посвящённой 300-летию Омска, Омск, 26–28 ноября 2015 года. Омск: Бюджетное учреждение культуры Омской области "Омский гос. историко-краеведческий музей", 2015. С. 342–344.

нова⁹, М. К. Чуркин¹⁰¹¹) изучаются аспекты переселения однодворцев губерний Центрального Черноземья (в первую очередь, Курской и Воронежской) в Сибирь в первой половине XIX века. Среди рассматриваемых авторами аспектов можно выделить вопросы адаптации переселенцев на местах поселения, вероятность их закрепления по новому месту проживания, а также факторы сохранения особой однодворческой культуры. На основании изученных источников авторы делают вывод, что в отдельных случаях условия нового места проживания не подходили переселенцам и провоцировали их возвращение к прежнему месту проживания. Кроме того, особенности однодворческой культуры в среде переселенцев также сохранялись редко по той причине, что переселенцев-однодворцев включали в состав иных сословий — государственных крестьян и казаков.

Особенности правового статуса однодворцев в период юридического оформления сословия изучает Г. М. Давидян в статье «Правовое оформление крестьянского сословия в первой половине XVIII в.»¹². Автор описывает принципы землевладения в однодворческой общине и выясняет, каким образом государство контролировало землевладение в среде однодворцев при помощи законодательных актов. Указав, что земельный надел передавался наследникам однодворца по жребию, автор задаёт и оставляет без ответа вопрос о том, что было с наследниками, которые надел не получили. По Г. М. Давидяну, законотворческая политика Российской империи в отношении крестьян (в том числе однодворцев) в рассматриваемый период была направлена на окончательное закрепощение и юридическое оформление данного состояния подданных императора.

А. Н. Долгих в работе «О судьбе однодворцев в России в конце XVIII — первой четверти XIX вв.»¹³ изучает эволюцию законодательства Российской империи в отношении однодворцев, продолжая работу, начатую Г. М. Давидяном.

Свой вклад в изучение однодворцев сделал Д. А. Ляпин, изучив заселение южного пограничья России в статье «Специфика распределения пограничных земель на юге России во второй половине XVII в. (на примере Елецкого и Землянского уездов)» в соавторстве с К. Ю. Гайтеровой¹⁴ и других работах¹⁵. В этих трудах изучается заселение южного пограничья Русского царства и формирование служилого сословия на данной территории. На основании работ делается вывод, что именно служилые люди стали предками однодворцев Центрального Черноземья.

Об эволюции однодворческого сословия в контексте официальных документов сообщается в статье «Преодоление социальной специфики населения южнорусского фронта в конце XVIII — первой половине XIX вв. (по материалам Тамбовской губернии)»¹⁶ В. В. Канищева. Отслеживая социальный состав Тамбовской губернии на материалах ревизий податного населения Российской империи, автор делает вывод, что

в контексте официальных документов сообщается в статье «Преодоление социальной специфики населения южнорусского фронта в конце XVIII — первой половине XIX вв. (по материалам Тамбовской губернии)»¹⁶ В. В. Канищева. Отслеживая социальный состав Тамбовской губернии на материалах ревизий податного населения Российской империи, автор делает вывод, что

9 Чернова, И. В. О семье однодворцев-переселенцев XIX века по архивным материалам // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2016. № 1(9). С. 32–35.

10 Чуркин, М. К. Однодворцы центральных и западных губерний России: факторы этнокультурной идентичности и миграционный потенциал (XIX – начало XX вв.) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. № 3(12). С. 34–38.

11 Чуркин, М. К. Сословная и этнокультурная идентичность российских однодворцев в переселениях второй половины XIX – начала XX вв. // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2015. № 5(9). С. 52–54.

12 Давидян, Г. М. Правовое оформление крестьянского сословия в первой половине XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2017. № 5. С. 48 – 60.

13 Долгих, А. Н. О судьбе однодворцев в России в конце XVIII – первой четверти XIX вв. // История: факты и символы. 2021. № 1(26). С. 150 – 155.

14 Ляпин, Д. А. Специфика распределения пограничных земель на Юге России во второй половине XVII в. (на примере Елецкого и Землянского уездов) / Д. А. Ляпин, К. Ю. Гайтерова // Гуманитарные исследования Центральной России. 2018. № 3(8). С. 9–20.

15 Ляпин, Д. А. Влияние военного фактора на хозяйственное освоение Юга России в XVII в. (на материалах Елецкого уезда) / Д. А. Ляпин, К. Ю. Гайтерова // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 2(36). С. 89 – 97.

16 Канищев, В. В. Преодоление социальной специфики населения южнорусского фронта в конце XVIII — первой половине XIX вв. (по материалам Тамбовской губернии) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2018. Т. 45. № 2. С. 318 – 325.

к середине XIX века регион перестал иметь специфику «фронттира», что подтверждается ростом сословия государственных крестьян и исчезновением более мелких сословных групп крестьянства.

К. Б. Кудланов в работе «Влияние комплектования и пополнения украинской ландмилиции на демографическое положение однодворцев Курского края с 1713 по 1770 гг.»¹⁷ изучает вопрос влияния набора однодворцев на службу на общую численность принадлежавших к сословию служилых людей. В статье делается вывод, что набор однодворцев Белгородской губернии в ландмилицию был наиболее значительным фактором, влияющим на демографию всего Курского края.

В статье «Формирование и развитие однодворческого сословия на территории Курского края»¹⁸ А. А. Колупаева изучается генезис и эволюция однодворческого сословия на территории Курской губернии, описываются некоторые характерные для однодворцев черты. Автор прослеживает историю сословия от заселения Черноземья во время строительства Засечных черт до конца XIX века, когда практически исчезли какие-либо сословные особенности однодворцев. А. А. Колупаев делает вывод, что окончательно какие-либо особенности сословия были уничтожены только в рамках масштабных преобразований общества в первой половине XX века.

В. В. Нечаев в статье «Непризнанное сословие (однодворцы Центрального Черноземья в XVIII — начале XIX вв.)» анализирует происхождение однодворцев и их положение в социальной структуре общества Российской империи¹⁹. С помощью исторических источников, в том числе юридических документов, Нечаев

последовательно доказывает тот факт, что однодворцы, не будучи отдельным сословием юридически, были им фактически. Также автор предлагает собственную классификацию признаков, на основе которых можно считать однодворцев отдельным сословием.

Также в 2022 году была опубликована работа К. Б. Кудланова «Расселение однодворцев от их городских очагов на территории Центрального Черноземья в XVII–XIX вв.»²⁰. Автор продолжает изучать особенности сословия однодворцев, и в рассматриваемой статье обращает внимание читателей на то, каким образом однодворцы расселялись вокруг городов-крепостей Белгородской черты, а также, какие факторы заставляли их отправляться на жительство в сельскую местность.

Если исследователи второй половины XX века обращались к однодворческому вопросу в контексте изучения масштабных социально-экономических процессов общества Российской империи, то современные авторы рассматривают однодворцев как самостоятельную сословную группу сельского населения Российской империи. Изучение факторов, определивших сословную изолированность, особые черты представителей сословия, а также политика государства в отношении однодворцев являются областью интересов современных учёных.

Ареал однодворцев включал и территории современной Украины. При этом, стоит отметить, на территории этого государства проживали две различные группы однодворцев с различным генезисом: однодворцы Левобережья, родственные однодворцам Черноземья, и однодворцы Правобережья, происходившие из мелкопоместной шляхты Речи Посполитой, переведённые в сословие однодворцев после включения части территории Польши в состав Российской империи.

Имеется корпус работ украинских авторов об однодворцах Правобережья (С. Дуб, С. Ис-

17 Кудланов, К.Б. Влияние комплектования и пополнения украинской ландмилиции на демографическое положение однодворцев Курского края с 1713 по 1770 гг. // История, теория, практика российского права. 2019. № 12. С. 15 – 29.

18 Колупаев, А.А. Формирование и развитие однодворческого сословия на территории Курского края // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10. № 3. С. 138 – 151.

19 Нечаев, В.В. Непризнанное сословие (однодворцы Центрального Черноземья в XVIII – начале XIX вв.) // История: факты и символы. 2022. № 2(31). С. 92–107.

20 Кудланов, К.Б. Расселение однодворцев от их городских очагов на территории Центрального Черноземья в XVII–XIX вв. // Региональные историко-культурные исследования / Российское общество историков-архивистов, Курское отделение ; Курский государственный университет, Научная библиотека. Курск : Общество с ограниченной ответственностью "Инвестсфера", 2022. С. 9–15.

кра и О. Верещагина-Белявская, Н. О. Щербак и В. О. Грукач), происхождение и история существования данной сословной группы существенно отличается от однодворцев Черноземья.

В объёмной работе «Становление Украинской ландмилиции (1713–1729)» Г. Г. Шпиталёва описывается история возведения и заселения Белгородской засечной черты и других укреплений пограничья Русского царства, впоследствии заселённых служилыми людьми, потомки которых были причислены к однодворцам. Автор приводит ряд документов, иллюстрирующих отношение государства к однодворцам в разные исторические эпохи. Кроме того, анализируется множество источников, описывающих службу однодворцев, её особенности и недостатки. Через официальные документы прослеживается отношение однодворцев к службе, а также отношение начальства к служащим Украинского ландмилицийского корпуса. В заключении делается вывод о том, что создание особого сословия однодворцев было следствием объективных потребностей в Русском царстве, но служащие Украинского ландмилицийского корпуса были государству полезны лишь с точки зрения военной службы, не имея возможности эффективно осуществлять колонизацию территорий бывшего Дикого поля.

В работе М. М. Шевердина «Механизм запровадження подушної системи оподаткування на території Лівобережної України в другій половині XVIII ст.» изучается вопрос юридического оформления налогообложения жителей современной Украины, территории которой последовательно интегрировались в состав России с 1654 года. Автор указывает, что в середине XVIII века была проведена унификация налогообложения украинских и российских дворян, в ходе которой бывшие казаки Запорожского войска были переведены в сословие однодворцев и обложены подушной податью.

В статье О. В. Горяги «Формування та діяльність української ландміліції» изучается вопрос формирования и деятельности Украинского ландмилицийского корпуса. Рассматривается историография вопроса, прослеживается юридическое обоснование формирования корпусов военной стражи, а также, что представляет интерес для нас, описывается участие однодворцев в этих процессах.

С. С. Нужный в работе «Правове положення колишніх державних селян українських губерній Російської імперії у пореформену добу» изучает эволюцию положения государственных крестьян в законах Российской империи и других юридических актах, включая в состав сословия государственных крестьян и однодворцев. В завершении автор делает вывод, что в результате реформ шла унификация различных категорий государственных крестьян в плане юридического статуса и прав владения на землю.

Авторы рассмотренных работ уделяют внимание юридическим и практическим аспектам жизни сословия однодворцев, входивших, преимущественно, в состав Украинского корпуса ландмилиции. Исследователи много ссылаются на отечественную источниковую базу и работы других авторов, изучавших схожие проблемы в досоветский, советский и постсоветский периоды.

Англоязычную иностранную историографию, посвящённую однодворцам, можно разделить на две группы: к первой относятся труды, написанные иностранными исследователями, носителями языка; во вторую же стоит включить работы, написанные отечественными авторами и переведённые ими на английский язык для ознакомления с ними учёных иных стран. Особый интерес представляет первая группа: работы, написанные иностранными авторами.

Томас Эспер в работе «The odnodvortsy and the Russian nobility» изучает вопрос генезиса и эволюции однодворческого сословия. Текст разбит на четыре части: в первой анализируется вопрос происхождения однодворцев, вторая посвящена юридическим аспектам формирования сословия и включению в него новых категорий населения Российской империи, в третьей описываются возможности однодворцев по переходу в сословие дворян, а четвёртая описывает решение однодворческого вопроса в правление Александра I. Особенность этой работы в том, что при её написании использовались источники и работы дореволюционного периода, из советских же исследователей упоминается только М. М. Дружинин с работой 1946 года «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева»²¹

21 Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М. ; Л., 1946. Т. I, II. 632 с.

(хотя к тому времени уже были написаны и опубликованы исследования В. А. Александрова²², М. Д. Рабиновича²³ и Ф. И. Лаппо²⁴).

В работе Дениса Дж. Б. Шоу «Landholding and Commune Origins among the Odnodvortsy» предпринята попытка описать происхождение и эволюцию однодворцев как социальной группы и исследовать некоторые отличительные черты в их моделях землевладения, и в развитии среди них общинной формы землевладения.

Брайан Дэвис в статье «Service, Landholding, and Dependent Labour in Kozlov District, 1675» изучает положение предков однодворцев — служилых людей Козловского уезда, описывает их численность, социальный состав, положение и политику в отношении них со стороны органов власти.

Однодворческий вопрос крайне редко становится объектом пристального внимания зарубежных исследователей. Как правило, однодворцы упоминаются в контексте изучения как общей структуры общества Российской империи, так и крестьянства, а также при изучении колониционных устремлений Российской империи. Отличительной чертой большинства работ до 1990 года является широкое использование опубликованных до 1917 года источников и исторических работ, и, напротив, почти полное игнорирование работ советских исследователей. В работах же, написанных после 1990 года, уже присутствуют упоминания работ отечественных исследователей, в том числе написанных исключительно на русском языке.

Большинство отечественных исследователей занимаются изучением юридических устремлений правителей Российской империи в отношении однодворцев, миграционными устремлениями однодворцев, изучают роль однодворцев в колониционных процессах на окраинах Русского царства и Российской империи. Украинские исследователи рассма-

тривают однодворцев в контексте общей политики русских императоров в отношении крестьян, а также с позиций роли однодворцев в этногенезе населения юго-восточных областей Украины. Зарубежные авторы редко обращаются к однодворческой проблематике, предпочитая фокусироваться либо на генезисе сословия и взаимоотношениями однодворцев с другими сословиями, либо рассматривая однодворческий вопрос в контексте общего крестьянского вопроса в Российской империи.

Для исследователей остаётся широкое пространство изучения культурных особенностей различных групп однодворцев, отслеживания влияния генезиса сословия на его судьбу в постреформенной Российской империи и Советском Союзе, а также представляет интерес вопрос, сохранились ли у современных потомков однодворцев какие-то специфические сословные черты характера и быта.

Список литературы

1. Горяга О. В. Формування та діяльність української ландміліції // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія: Юриспруденція. 2014. № 7. С. 14–18.
2. Дуб С. Міграційна політика царського уряду щодо «неблагонадійних верств» Правобережної України у ХІХ столітті // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. 2009.
3. Іскра С., Верещагіна-Білявська О. Освітня діяльність Римо-католицької Церкви на Поділлі в умовах опору російському царизму у ХІХ–на початку ХХ ст // Наукові записки [Вінницького державного педагогічного університету імені Михайла Коцюбинського]. Серія: Історія. 2018. № 26. С. 139–146.
4. Нужний С.С. Правове положення колишніх державних селян українських губерній Російської імперії у пореформену добу // Правничий часопис Донецького університету. 2013. № 2. С. 229–235.
5. Шевердін М. М. Механізм запровадження подушної системи оподаткування на території Лівобережної України в другій половині ХVІІІ ст. // Юридичний науковий електронний журнал–електронне наукове фахове.
6. Шпитальов Г. Становлення Української ланд-міліції (1713–1729) // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. 2011.

22 Александров В.А. К вопросу о происхождении государственных крестьян // Вопросы истории. 1950. № 10. С. 90–96.

23 Рабинович М.Д. Судьбы «служилых людей старых служб» в период формирования регулярной русской армии в начале ХVІІІ века : дис. канд. ... ист. наук. М., 1953.

24 Лаппо Ф. И. Наказы однодворцев как исторический источник // Исторические записки. 1950. Т. 35. С. 232–264.

7. Щербак Н.О., Грукач В.О. Процес позбавлення шляхетських прав у Київському генерал-губернаторстві у другій половині XIX ст. 2013.

8. Baron N. Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History. BASEES/Routledge series on Russian and East European Studies, 38 by Nicholas B. Breyfogle, Abby Schrader, Willard Sunderland //Slavonic and East European Review. 2010. T. 88. №. 3. C. 549—552.

9. Crisp O. The state peasants under Nicholas I //The Slavonic and East European Review. 1959. T. 37. №. 89. C. 387—412.

10. Davies B. Service, Landholding, and Dependent Labour in Kozlov District, 1675 // New Perspectives on Muscovite History. Palgrave Macmillan, London, 1993. C. 129—155.

11. Esper T. The odnodvortsy and the Russian nobility //The Slavonic and East European Review. 1967. T. 45. №. 104. C. 124—134.

12. Shaw D. J. B. Landholding and Commune Origins among the Odnodvortsy //Land Commune and Peasant Community in Russia. Palgrave Macmillan, London, 1990. C. 106—120.

ODNODVORETS OF THE CENTRAL CHERNOZEM REGION OF THE XVIII—XIX CENTURIES IN DOMESTIC AND FOREIGN HISTORIOGRAPHY

Popov Mikhail Alexandrovich,

History Teacher,

Autonomous noncommercial organization of higher education

"Russian University of Metatechnologies"

110, Voznesenskaya str., Yoshkar-Ola, Mari El Republic, 424000,

popovmicle@yandex.ru

Abstract

Odnodvoretts have repeatedly become the subject of scientific interest of historians of various countries, including Russia. At the same time, authors from different countries study different sides of the one-creation issue, place different accents and use a different set of sources.

Keywords

Odnodvoretts, historiography, Chernozem region, peasants, Russian Empire, laws, reforms.

PER
УДК 7.03
ББК 85.1
DOI 10.34685/ИИ.2023.40.1.009

ПЕТЕРБУРГСКИЕ «МЕТАМОРФОЗЫ» ЕВГЕНИЯ ЛАЗАРЕВИЧА БЛЮМКИНА

Будеева Мария Леонидовна,
соискатель,

Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина.
Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 17. 199034
ORCID: 0000-0002-8528-4684
budeeva_m@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена творчеству петербургского художника Евгения Лазаревича Блюмкина, которому в 2022 году исполнилось бы 75 лет. Рассматривается печатная графика мастера, в которой жанровое и тематическое разнообразие называется одной из характерных особенностей. Делается акцент на городском пейзаже, как ведущем жанре в творчестве художника.

Ключевые слова

Печатная графика; техники высокой печати; петербургское искусство XXI вв.; эстамп; ксилография; офорт; городской пейзаж.

75 лет исполнилось бы в 2022 году петербургскому художнику-графику Евгению Лазаревичу Блюмкину (1947–2019). Мастер станковой графики, экслибриса, член Санкт-Петербургского Союза художников работал во многих печатных техниках — в офорте, литографии, гравюре на дереве. Художник родился и прожил всю жизнь в Ленинграде — Санкт-Петербурге. Поэтому неслучайно образ этого города прошел сквозь все его творчество, и в разное время в разных техниках интерпретировался по-разному. Прослеживание своеобразных метаморфоз петербургского городского пространства в творчестве Е. Л. Блюмкина и стало основной целью статьи.

Художник-философ, художник-мыслитель в своих графических листах стремился показать окружающую его реальную жизнь во всех её проявлениях, создавая как большие пейзажные композиции, так и камерные повседневные сюжеты. Все творчество Е. Л. Блюмкина — это своего

рода размышления о взаимодействии собственного мира с окружающим. Сам мастер называл свою графику метаморфозами, вырастающими из индивидуального восприятия действительности¹. И на самом деле, за кажущейся простотой и даже некой обыденностью сюжетов и образов в графических листах художника скрываются глубокие философские размышления и рассуждения о простых истинах и вечных ценностях. Отсюда такое жанровое разнообразие, которое можно назвать одной из характерных особенностей его творчества — натюрморты («Мамина лампа» (1989, цв. офорт, акватинта, открытое травление), «Завтрак на троих» (2002, цв. меццотинто), «Пиковая дама» (2003, цв. меццотинто),

1 Блюмкин, Е. Л. METAMORPHOSIS — ЖИЗНЬ. Творчество Е. Л. Блюмкина / Е. Л. Блюмкин // Петербургские искусствоведческие тетради. СПб.: АИС, 2010. Вып. 18. С. 39

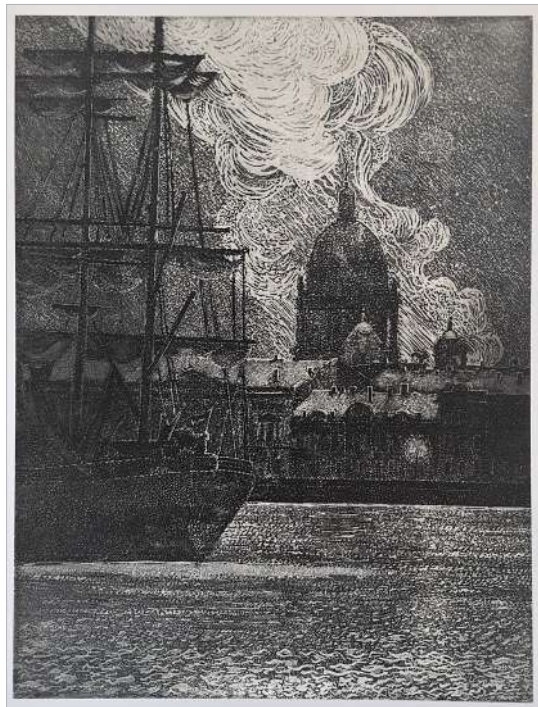
«Глазунья» (2007, торц. ксилография), «Счастливый билетик» (2011, торц. ксилография), «Ждите моряка» (2011, торц. ксилография); философские абстракции («Колеса времени» (2006, прод. ксилография), «Сгоревшее время» (2006, торц. ксилография)), абстрактные портреты («Гунн», «Демон», «Поэт» все 2014, прод. ксилография), «Портрет» 2018, прод. ксилография), городской и лирический пейзажи (серия «Непарадный Петербург» 2009–2011; «Двое у моря» 2013, торц. ксилография)).

Но среди всего жанрового и тематического разнообразия городской пейзаж занимает особое место в творчестве Е. Л. Блюмкина. Ленинград — Санкт-Петербург — родной и дорогой для художника город, где прошла вся его жизнь, где он сформировался как Человек, как Художник, как Личность. Родные улицы Васильевского острова, величественная Нева, парадные набережные и каналы или потаенные уголки непарадного города, дворы-колодцы и подворотни — все это нашло отражение в петербургских «метаморфозах» мастера.

К образу Ленинграда — Санкт-Петербурга художник обращался, работая в разных графических техниках. В более ранних листах, выполненных в офорте, он изображает классические виды города на Неве — набережные реки Мойки и канала Грибоедова («Банковский мостик» (1982, офорт) (Илл. 1), «Набережная реки Мойки» (1984, офорт)). Город предстает пустынным и тихим, в привычном своем облике — дождливого межсезонья.

Илл. 1. Е. Л. Блюмкин. «Банковский мостик». 1982. Б., офорт. Государственный музей городской скульптуры. Санкт-Петербург.

Илл. 2. Е. Л. Блюмкин. «Корабли на Неве». 1980-е. Б., цв. офорт, открытое травление. Публ. по: Евгений Блюмкин. Рисунки. Офорты. Акварели. Иллюстрации. Литографии. Меццо-тинто. Экслибрисы. Ксилографии: альбом. СПб. 2020. 256 с.

В другом листе, также выполненным в офорте, «Корабли на Неве» (сер. 1980-х, цв. офорт, открытое травление) (Илл. 2), художник передает романтический образ Петербурга, где на фоне набережной Невы и величественного Исаакиевского собора поднимаются мачты парусного судна. Высокие клубящиеся над собором облака, свет фонарей на набережной добавляют листу некоторой таинственности. Интересно, что, работая в офортных техниках, от травленного штриха и акватинты, мастер постепенно перешел в технику открытого травления, рисуя кистью лаком на металле. В гравюре «Корабли на Неве» этот прием позволил художнику более свободно передать объем и форму облаков, блики на поверхности воды, тем самым добавив легкой «живописности» эстампу.

В некоторых графических листах этого периода, обращаясь к теме города, Е. Л. Блюмкин объединяет в одной гравюре несколько жанров, где сквозь натюрморт проглядывает городской вид («Цветы на фоне Исаакиевского собора» (1998. Б. цв. меццо-тинто)). Эта жанровая ме-

таморфоза позволяет более глубоко раскрыть и передаваемый пейзаж, наполняя его дополнительными смыслами, и добавить самому натюрморту большую выразительность и глубину. Таковым можно назвать лист «Мамина лампа» (1989, цв. офорт, акватинта, открытое травление) (Илл. 3), в котором на фоне окна с весенним городским пейзажем изображен уютный натюрморт из окружающих художника предметов — старинной настольной лампы, книг, газет и бутылки с цветком.

Илл. 3. Е. Л. Блюмкин. «Мамина лампа». 1989. Б., цв. офорт, акватинта, открытое травление. Публ. по: Евгений Блюмкин. Рисунки. Офорты. Акварели. Иллюстрации. Литографии. Меццо-тинто. Экслибрисы. Ксилографии: альбом. СПб. 2020. 256 с.

Как и большинство эстампов мастера, лист «Мамина лампа» несет в себе более глубокий смысл, чем просто изображение предметов на фоне окна. Об этом же говорит и вписанный в композицию фрагмент газеты «Правда», чья дата указывает зрителю на время года за окном, а заголовок статьи «Служить истине» — на жизненные приоритеты художника.

К петербургским видам Е. Л. Блюмкин обращался, и работая в иллюстрации. Одна из таких работ — книга «Там у Невы наш первый сад» Л. Б. Добринской, над которой художник трудился в 1990-х г. В этот период он активно работал в литографии и иллюстрации выполнены в этой технике. Город предстает здесь и уз-

наваемым — набережные Невы, здание Адмиралтейства, Александровская колонна, и в то же время некой фантазией на тему «фантастического старого города»². Композиционно достаточно лаконичные листы, относящиеся к каждой из представленных в книге Л. Б. Добринской новелле, насыщены отсылками к историческим и культурным событиям Петербурга. Еще одна работа, своего рода, литературная интерпретация образа Петербурга — это цикл графических листов «Рассказы о Невском проспекте», выполненных в оригинальной графике, тушью и пером. В каждом листе художник объединил городские мотивы, литературные произведения и их авторов, связав все во единую композицию («Пушкин и Онегин» (1995, тушь, перо), «Александринский театр и Гоголь» (1995, тушь, перо) (Илл. 4), «Вольф и Беранже. Судьба Лермонтова» (1995, тушь, перо)). Работы этой серии отличаются высочайшим графическим мастерством. Е. Л. Блюмкин использует здесь характерный для всей своей графики прием — разнообразие штриховых вариаций (от длинных диагональных штрихов, до хаотично расположенных коротких штрихов, черточек и точек). Достаточно интересно в этих работах «использован мотив паспарту — рамки овальной формы изобретательно вписаны в прямоугольник, не повторяя каждый раз конструкции друг друга»³.

Художник постоянно экспериментировал и искал свой почерк в той или иной печатной технике. И каждая из техник добавляла городским видам Е. Л. Блюмкина свои художественно-выразительные особенности. Мягкость и некоторую приглушенность линий можно увидеть в работе «Зимний вечер на Петроградской стороне» (1996), выполненной в меццо-тинто. Кажется, что эта техника как нельзя лучше подходит для передачи настроения — тихого снежного вечера в одном из дворов Петроградской стороны. Тонкими, почти ажурными линиями художник работает в офорте, изображая «кружева» петербургских оград рек и каналов («Банковский мо-

2 Блюмкин, Е. Л. METAMORPHOSIS — ЖИЗНЬ. Творчество Е. Л. Блюмкина / Е. Л. Блюмкин // Петербургские искусствоведческие тетради. СПб.: АИС, 2010. Вып. 18. С. 39–43.

3 Левандовский С. Н. Главное — не опускаться до ремесла... / С. Н. Левандовский // Петербургские искусствоведческие тетради. СПб., 2020. Вып. 61. С. 20.

Илл. 4. Е. Л. Блюмкин. «Рассказы о Невском проспекте. Александрийский театр и Гоголь». Иллюстрация. 1995. Б., тушь, перо. Публ. по: Евгений Блюмкин. Рисунки. Офорты. Акварели. Иллюстрации. Литографии. Меццо-тинто. Эскиз-либрисы. Ксилографии: альбом. СПб. 2020. 256 с.

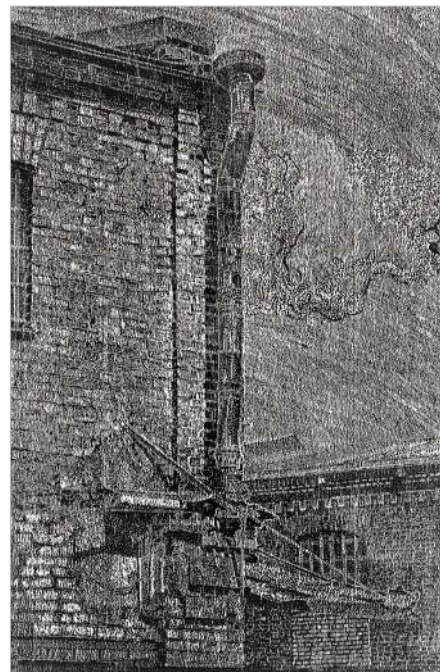
стик» (1982, офорт) «Набережная реки Мойки» (1984, офорт), а более «живописные» линии получают в технике открытого травления («Мамина лампа» (1989, цв. офорт, акватинта, открытое травление), «Корабли на Неве» 1980-е, цв. офорт, открытое травление).

Но больше всего в городском пейзаже мастер работал в гравюре на дереве, к которой перешел от офортных техник в середине 2000-х г. Также как и в литографии, и в глубокой печати, в ксилографии художник не шел уже проторенными путями. Он прокладывал свои маршруты и развивал свои методы работы как в продольной, так и в торцовой гравюре на дереве, постоянно совершенствуя свои навыки гравера-ксилографа, тем самым много сделал для развития петербургской ксилографии.

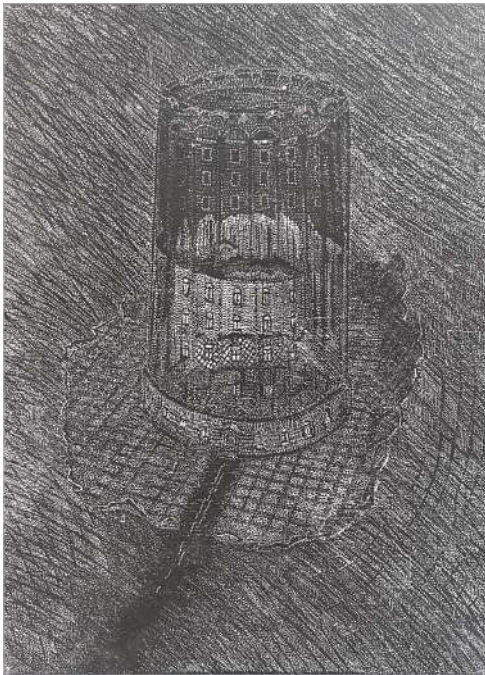
Город в его графических листах, исполненных в гравюре на дереве, многогранен. То он предстает лирическим и даже «волшебным», окутанным завесой дождя или снежной дымкой. Ксилографии «Зима на 14 линии Васильевского острова» (2010, прод. ксилография), «Зима на Малом проспекте В.О.» (2010, прод. ксилогра-

фия), яркий тому пример. Изображения тонких, ажурных заснеженных ветвей деревьев покрывает большую часть работ, словно кружевом. Характерная для продольной ксилографии фактура доски дополняет созданный художником эффект. В этом же ряду такие эстампы, как «Зимний куст» (2010), «Андреевский собор» (2011) «Зима на В.О.» (2012), выполненные в торцовой гравюре на дереве. Лирическим Петербург предстает и в листе «Белая ночь» (2012, прод. ксилография), где сквозь открытые оконные рамы зритель видит белую петербургскую ночь, темные окна и освещенную стену дома напротив.

В серии «Непарадный Петербург» художник обращается к уже ставшему хрестоматийным образом непарадному Петербургу. Ксилографии «Дворы Литейного» (2009, прод. ксилография), «Портрет водосточной трубы» (2011, прод. ксилография) (Илл. 5) не только отражают действительность, окружающую горожан и самого художника, но может быть в большей степени, наполнены некими философскими смыслами, размышлениями о бренности жизни, об одиночестве «маленького» человека в большом городе.

Илл. 5. Е. Л. Блюмкин. «Непарадный Петербург. Портрет водосточной трубы». 2011. Б., прод. ксилография. Публ. по: Евгений Блюмкин. Рисунки. Офорты. Акварели. Иллюстрации. Литографии. Меццо-тинто. Эскиз-либрисы. Ксилографии: альбом. СПб. 2020. 256 с..

Илл. 6. Е. Л. Блюмкин. «Стакан, наполовину полный». 2008. Б., торц. ксилография. Публ. по: Евгений Блюмкин. Рисунки. Офорты. Акварели. Иллюстрации. Литографии. Меццо-тинто. Эксилибрисы. Ксилографии: альбом. СПб. 2020. 256 с..

Илл. 7. Е. Л. Блюмкин. «Резка капусты». 2010. Б., прод. ксилография. Публ. по: Евгений Блюмкин. Рисунки. Офорты. Акварели. Иллюстрации. Литографии. Меццо-тинто. Эксилибрисы. Ксилографии: альбом. СПб. 2020. 256 с.

Вообще, тема города так или иначе затрагивается не только в пейзажных композициях. Очень часто городской мотив выступает у мастера частью его философских размышлений, претерпевая те или иные метаморфозы, будь то каменные городские стены в работе «Дорогу осилит идущий» (2008, торц. ксилография), или темный городской силуэт в композиции «Три ангела над старым пиджаком» (2008, торц. ксилография), город — как наполненный сосуд — «Стакан, наполовину полный» (2008, торц. ксилография) (Илл. 6), город, выступающий некой стихией, бескрайним морем в графическом листе «Звездочет» (2010, прод. ксилография). Город окружает мастера со всех сторон. Он видит его в окно, или вокруг себя, и тогда появляются ксилографии с узнаваемыми петербургскими видами, а может увидеть маленький фантастический городок на круглом срезе капустного кочана, где узкая улочка с тесно стоящими средневековыми домиками плотно закручивается в спираль («Резка капусты» 2010, прод. ксилография) (Илл. 7).

Говоря о работе художника в гравюре на дереве, важно заметить, что поверхность материала

в ксилографии для Е. Л. Блюмкина имеет большое значение. Существующие естественные изъяны торцовой или продольной доски, будь то различные трещины или неровности он органично вписывает в изображение. Сам он отмечал, что: «в ксилографии многое зависит от породы используемого дерева, его мягкости или твердости, которую приходится преодолевать с усилием. Иногда фактура помогает сюжету, делает его более энергичным, нестандартным. Но это надо увидеть изначально»⁴. Мастер очень трепетно относился к материалу для своих ксилографий, к истории бытования деревянной доски, впоследствии становившейся формой для печати. Дерево, будь то продольная доска или поперечный спил, он часто привозил из своих многочисленных поездок, стараясь запечатлеть на привезенном материале свои впечатления о стране, из которой дерево и было привезено.

Так, под впечатлением от творческих поездок по Италии (2005–2012) художником была создана серия гравюр на дереве «Итальянские сюжеты». Внимание мастера привлекают небольшие приморские городки и быт их простых жителей. Известные на весь мир архитектурные памятники и ансамбли художник оставляет в стороне. Работы «Берег» (2011), «Амальфи. Городок у моря» (2012), «Амальфитанское побережье» (2013)

4 Цит. по: Евгений Блюмкин. Рисунки. Офорты. Акварели. Иллюстрации. Литографии. Меццо-тинто. Эксилибрисы. Ксилографии: альбом / Сост.: М. Лобанова, Е. Большаков. Авторы статей: С. Левандовский, Е. Блюмкин, В. Ульянов. СПб. 2020. С. 152.

выполненные в торцовой ксилографии, наполнены светом и воздухом. Тонкая, почти филигранная работа штихеля по торцовому спилу дерева, передает все нюансы южного пейзажа.

Мастер оставил богатое художественное наследие. Многие его работы, выполненные в самых разнообразных техниках, были собраны в большом альбоме «Евгений Блюмкин. Рисунки. Офорты. Акварели. Иллюстрации. Литографии. Меццо-тинто. Эксилибрисы. Ксилографии» вышедшем в 2020 году. Во вступительном слове к альбому С. Н. Левандовский отметил, что сюжеты для своих эстампов и рисунков художник находил легко, ведь «сама жизнь становилась объектом его творчества»⁵. И это так. Для творчества Е. Л. Блюмкина свойственен постоянный поиск — поиск новых, порой незначительных, но таких важных для художника событий, которые впоследствии становились сюжетами его графических листов, поиск самого себя и своего внутреннего восприятия внешнего мира. Тщательная проработка композиционных решений,

в сочетании с мастерской техникой исполнения являются характерными особенностями графики Е. Л. Блюмкина.

Список литературы

1. Блюмкин, Е. Л. METAMORPHOSIS – ЖИЗНЬ. Творчество Е. Л. Блюмкина / Е. Л. Блюмкин // Петербургские искусствоведческие тетради. СПб.: АИС, 2010. Вып. 18. С. 39-43.

2. Добринская, Л. Б. Там у Невы наш первый сад: Петербургские сюжеты / Л. Б. Добринская; [Худ. Е. Блюмкин]. СПб.: Лицей, 1992. 219 с.

3. Евгений Блюмкин. Рисунки. Офорты. Акварели. Иллюстрации. Литографии. Меццо-тинто. Эксилибрисы. Ксилографии: альбом / Сост.: М. Лобанова, Е. Большаков. Авторы статей: С. Левандовский, Е. Блюмкин, В. Ульянов. СПб., 2020. 256 с.

4. Левандовский С. Н. Главное — не опустаться до ремесла... / С. Н. Левандовский // Петербургские искусствоведческие тетради. СПб., 2020. Вып. 61. С. 20-37.

PETERSBURG "METAMORPHOSIS" BY EVGENY LAZAREVICH BLYUMKIN

Budeeva Mariia Leonidovna,

PhD student.

St. Petersburg Repin Academy of Fine Arts,

Universitetskaia nab. 17, 1990034

Saint Petersburg, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-8528-4684

budeeva_m@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the work of the St. Petersburg artist Evgeniy Lazarevich Blyumkin, who would have turned 75 in 2022. The printed graphics of the master are considered, in which genre and thematic diversity is called one of the characteristic features. Emphasis is placed on the urban landscape as the leading genre in the artist's work.

Keywords

Printed graphics, letterpress techniques, Petersburg art of the XXI century, print, woodcut, etching, cityscape.

5 Евгений Блюмкин. Рисунки. Офорты. Акварели. Иллюстрации. Литографии. Меццо-тинто. Эксилибрисы. Ксилографии: альбом / Сост.: М. Лобанова, Е. Большаков. Авторы статей: С. Левандовский, Е. Блюмкин, В. Ульянов. СПб. 2020. С. 12.

RAR
УДК 069
ББК 85.1
DOI 10.34685/NI.2023.40.1.010

АТРИБУЦИЯ СКУЛЬПТУРЫ «ГОЛОВА БОГИНИ» ИЗ СОБРАНИЯ КАЛИНИНГРАДСКОГО ОБЛАСТНОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ

Лобская Анастасия Анатольевна,
специалист научно-экспозиционного отдела
ГБУК «Калининградский областной музей изобразительных искусств»
syntinen1@yandex.ru

Сыроватко Лада Викторовна,
ученый секретарь ГБУК «Калининградский областной
музей изобразительных искусств», кандидат педагогических наук
lvs68@mail.ru

Аннотация

Объектом изучения выступила мраморная скульптура, экспонировавшаяся в ГБУК «Калининградский областной музей изобразительных искусств». Перед авторами исследования стояла задача провести атрибуцию произведения, сведения о котором отсутствовали. Было установлено, что скульптура с высокой степенью вероятности происходит из собрания в имени Кляйн Байнунен (ныне Калининградская область) и представляет собой копию с гипсового слепка из коллекции А. Р. Менгса в Художественных собраниях Дрездена. Слепок Менгса, в свою очередь, является копией скульптуры «Голова богини» из Эрмитажа.

Ключевые слова

Кляйн Байнунен, Фриц фон Фаренгейт, копия с антика, Менгс, Шувалов, Эрмитаж, голова богини, Калининградская область, Восточная Пруссия, атрибуция.

С 1990 г. в Калининградском областном музее изобразительных искусств (КОМИИ, прежнее название — Калининградская художественная галерея) хранилась мраморная скульптура, представляющая собой женский бюст размера 60x50x45 см (инв. номер СК-391) (Илл. 1), стилистически напоминающий образцы греческой классики.

В экспозиции скульптура демонстрировалась с этикеткой «Диана. Копия с антика. XIX век». Однако научной литературы, экспертных заключений и другой документации, убедительно обосновавшей эту атрибуцию, не имелось. У скульпту-

ры отсутствовали атрибуты, традиционно связываемые с Дианой, также не был установлен прототип, копией которого могла бы являться эта работа. Отсутствие научно подтвержденных данных об этом экспонате обусловили необходимость в исследовании, которое было проведено сотрудниками музея А.А. Лобской и Л.В. Сыроватко.

Территория нынешней Калининградской области — часть бывшей Восточной Пруссии, которая была передана СССР по Потсдамскому соглашению в 1945 г., а в 1946 г. получила нынешнее

Илл. 1. Голова богини. Мрамор. Не позднее 1873 г. Калининградский государственный музей изобразительных искусств.

название. Было вероятно, что скульптура создавалась в довоенный период и до того, как попасть в музей, была обнаружена частным лицом. Для региона такой провенанс не является редкостью. В большинстве случаев сведений о бытовании подобных произведений очень мало, и их изучение представляет серьезную сложность.

В той части Восточной Пруссии, которая в настоящее время является Калининградской областью, находилось несколько заметных собраний произведений искусства, в том числе частных. Наиболее значительным из этих частных собраний была коллекция Фрица фон Фаренгейта (другой вариант написания фамилии — фон Фаренхайд) в имении Кляйн Байнунен, ныне — поселок Ульяновское Озерского района.

«Имение Байнунен <...> получило широкую известность не только в Восточной Пруссии, но по всей Германии, в середине XIX в., когда богатый землевладелец Фриц фон Фаренхайд построил по собственному проекту взамен обветшавшего усадебного здания огромный дворец. Он разместил в нем большую художественную коллекцию античных слепков, и открыл к ней в определенные дни в летние месяцы доступ для посетителей»¹, — пишет И. В. Белинцева.

Фон Фаренгейт (1815–1888) получил классическое образование под руководством кенигсбергского профессора Карла Лерса (1802–1878). После совершенного им в 1841–1842 гг. путеше-

ствия Греции и Италии фон Фаренгейт увлекся коллекционированием. За несколько десятилетий он собрал сотни предметов, среди которых были и гравюры, и монеты, и живопись. Но основу его коллекции составляли копии наиболее выдающихся и известных античных скульптур.

Усадьба Кляйн Байнунен практически не пострадала во время Второй мировой войны и подверглась разрушению в последующие годы. Несколько скульптур из коллекции фон Фаренгейта («Бюст Персея», «Большая Геркуланка», «Венера на корточках», «Бюст богини Виктории» А. Вольфа и копия с работы Й. фон Копфа «Церера») находятся в настоящее время в КОМИИ. Часть скульптур хранится в Национальном музее Варшавы. Судьба большинства предметов неизвестна.

Учитывая предположения, что исследуемая скульптура происходит с территории Калининградской области, была создана в довоенное время и с высокой вероятностью представляет собой копию с антика, было логично допустить, что она могла быть частью коллекции имения Кляйн Байнунен.

Необходимость исследовать скульптуру на предмет возможного происхождения из коллекции имения Кляйн Байнунен также диктовал тот факт, что, благодаря как стараниям самого Фрица фон Фаренгейта, так и усилиям последующих поколений исследователей, байнуненское собрание было достаточно хорошо описано и изучено. Широкая известность коллекции также привела к тому, что до наших дней дошло некоторое количество фотографий и почтовых открыток, на которых можно рассмотреть значительную часть байнуненских экспонатов, что является ценным источником информации.

Логика формирования байнуненского собрания предполагала, что скульптура из этой коллекции, если она не являлась оригинальным авторским произведением, должна была представлять собой высококачественную копию заметной античной скульптуры. Таким образом, исследовательская работа разделилась на два направления: с одной стороны, изучение научной литературы и исторических источников, с другой — поиск прообраза работы в коллекциях музейных собраний. В результате работа по обоим направлениям сошлась в одной точке.

По итогам поиска соответствий исследуемой скульптуре в музейных коллекциях нами бы-

1 Белинцева И. В. Архитектура Восточной Пруссии в Калининградской области: проблемы осмысления и сохранения // Историческая экспертиза. – 2016. – №3. – с. 137.

ло сделано неожиданное открытие: наибольшее сходство было выявлено со скульптурой «Голова богини» из собрания Государственного Эрмитажа (инв. номер ГР-3037). Черты лица двух женщин, способ укладки волос (волны около лба, намек на обруч надо лбом и прическа сзади), фибулы, скальвающие одежду на плечах, демонстрировали их высокую степень сходства, хотя моделировка складок одежды различалась. Глаза скульптуры из КОМИИ, в отличие от эрмитажной, были заполнены.

Согласно атрибуции Эрмитажа, «Голова богини» была создана в начале I в. по греческому оригиналу 420-х гг. до н.э. Ее приобрел в Риме в 1771 г. и привез в Петербург в 1777 г. И.И. Шувалов (1727–1797). В коллекцию Эрмитажа работа поступила в 1850 г. из Таврического дворца.

Как пишет И. Саверкина, эрмитажная скульптура не имеет точных повторений, но, в том числе ссылаясь на мнение своих предшественников, она указывает в качестве стилистически сходных такие скульптуры, как «Деметра» и «Гера Барберини» из Музеев Ватикана². Как указано в работе И. Саверкиной, и это очевидно при осмотре скульптуры в экспозиции Эрмитажа, ее волосы не изготовлены одновременно с головой и являются более поздними.

Обнаружение вероятного прототипа калининградской скульптуры в Эрмитаже было неожиданным, поскольку, как следовало из каталогов, в коллекции фон Фаренгейта не было копий скульптур из российских собраний. Однако дальнейшие исследования подтвердили именно эту версию происхождения скульптуры.

Описи коллекции фон Фаренгейта, как подавляющее большинство каталогов того времени, представляли собой текстовые описания. Поскольку изучение фотографического материала не дало результата, перед нами стояла задача отобрать из них те скульптуры, под описаниями которых теоретически могла скрываться исследуемая работа, и, по возможности, установить их оригиналы.

По итогам изучения каталогов наиболее вероятным «кандидатом» оказался экспонат, обозначенный в каталоге 1914 г. под номером 185: «Колоссальная женская голова по гипсовому

слепок в музее Менгса. Оригинал утрачен»³. Эта скульптура располагалась в помещении, которое называлось «Зал с портиком» (Portikussaal). Известна почтовая открытка с фотографией из Зала с портиком, на которой исследуемая скульптура не видна, поскольку она, исходя из позиции в каталоге, должна была находиться за спиной фотографа. Определенное сомнение породил тот факт, что, согласно путеводителю по имени Кляйн Байнунен, составленному К.Х. Клазеном в 1939 г., в Зале с портиком выставлялось «множество гипсовых слепков»⁴, а не мраморных скульптур. Вместе с тем, в каталогах фон Фаренгейта не всегда указаны способы изготовления произведений, поэтому можно допустить, что часть экспонатов была выполнена из гипса, а часть — из других материалов, в частности, мрамора.

Описание того же произведения мы нашли и в каталоге коллекции фон Фаренгейта 1873 г. под номером 184. Коллекционер назвал ее скульптурой в «благороднейшем греческом стиле», когда-то считавшейся Минервой⁵. Фон Фаренгейт отмечал, что затылок с волосами был вылеплен позже и не представлял особой ценности. Как следовало из того же каталога, первоначально женская голова не располагалась в Зале с портиком и входила в перечень скульптур, размещенных в разных залах. Исходный оригинал, как указано и в этом документе, фон Фаренгейт считал утраченным.

Упомянутый в каталоге байнуненской коллекции музей Менгса в настоящее время представляет собой часть Государственных художественных собраний Дрездена. Это собрание гипсовых слепков с антиков, изготовленных между 1766 и 1772 гг. по заказу немецкого художника Антона Рафаэля Менгса (1728–1779). В указанный период Менгс совершил поездку в Рим, в ходе которой заказал гипсовые слепки древних статуй из папских музеев, а также из других коллекций. Исполнение слепков было поручено гипсовых дел

2 См.: Саверкина И. Греческая скульптура V в. до н.э. в собрании Эрмитажа. — Ленинград: «Искусство», 1986, — с. 111–112.

3 Farenheid F, von. Katalog des v. Farenheid'schen Schlosses Beyhnunen in Ostpreussen. Zusammengestellt durch den Besitzer, 1914, S. 4.

4 Clasen K.H. Schloss Beyhnunen und seine Kunstsammlungen. — Insterburg: Sturmverlag GMBH, 1939, S. 11.

5 Farenheid, v. Fon. Beschreibendes Verzeichniss der Abgüsse nach Antiken im Schlosse zu Beynunen nebst einleitendem Aufsatz über die Grundideen griechischer Religion und Ethik. — Königsberg i. Pr.: Wilhelm Koch, 1873, S. 88–89.

мастеру Винченцо Барсотти. В 1784 г. слепки были доставлены в Дрезден.

В 1831 г. скульптор и инспектор Иоганн Готтлоб Маттеи (1753–1832) составил каталог коллекции Менгса, который сопровождала изготовленная им гравюра, изображавшая интерьер зала слепков из этого собрания на первом этаже восточного крыла Йоханнеума в Дрездене. На иллюстрации в правой части зала был хорошо виден женский бюст, очень напоминающий скульптуру из КОМИИ.

Было установлено, что в каталоге 1831 года данная скульптура соответствовала экспонату под номером 718. В ее описании значилось: «Диана, в прекрасном стиле, с Капитолия»⁶. Описание скульптуры содержало пометку о том, что волосы фигуры были новыми. Эта деталь заставляла вспомнить и «Голову богини» из Эрмитажа, и «Женскую голову» из каталога фон Фаренгейта.

В 1843 году был выпущен новый каталог по музею Менгса, составленный инспектором Карлом Теодором Халлюбайсом (1803–1874). В этом каталоге тоже числилась женская голова с переделанными или современными волосами, однако она уже атрибутировалась как «Голова богини, Юнона или Диана» (номер в каталоге 551)⁷.

Запрос, сделанный в Государственные художественные собрания Дрездена, подтвердил, что, действительно, указанный бюст (инв. номер ASN 1822) является копией со скульптуры И. И. Шувалова из Эрмитажа. Более того: сравнение фотоснимка слепка из Дрездена и скульптуры из Калининграда показало, что исследуемое нами произведение действительно с крайне высокой степенью вероятности представляет собой копию с дрезденского экспоната. Если моделировка складок у калининградской и эрмитажной скульптур различаются, то у калининградской и дрезденской они совпадают. Глаза у дрезденского слепка, как и у калининградской скульптуры, заполнены. Явно различается лишь ширина плеч (у дрезденской они более узкие), что, возможно, объясняется желанием автора копии

максимально использовать возможности имеющегося у него куска мрамора.

Имя автора мраморной копии неизвестно, как и точная дата создания работы. Поскольку «Колоссальная женская голова» включена в каталог коллекции Кляйн Байнунен 1873 г., она была изготовлена не позднее этого времени. Также вероятно, что гипсовый слепок для изготовления копии не вывозился далеко за пределы места своего экспонирования, соответственно, можно предположить, что место создания скульптуры из КОМИИ, возможно, Дрезден.

Сопоставление биографий И. И. Шувалова и А. Р. Менгса показывает, что они оба находились в Риме в одно и то же время: Менгс занимался там слепками с 1766 по 1772 гг., а Шувалов жил в Италии с 1763 по 1777 год. Менгс был знаком с коллекцией Шувалова, о чем имеются упоминания в литературе. «И. Бернулли, посетивший Санкт-Петербург в 1777 г., указал в описании дворца Шуваловых на “прекрасную мужскую голову в шлеме, которую высоко ценил Менгс и считал Ахиллом”⁸, — пишет А. А. Трофимова в статье «И. И. Винкельман и собрание античной скульптуры Эрмитажа».

Таким образом, Менгс имел возможность снять слепок со скульптуры, которая впоследствии вошла в коллекцию Эрмитажа. Любопытно, что Фриц фон Фаренгейт не знал о дальнейшей судьбе оригинала и был убежден, что исходник слепка утрачен.

Единого мнения о том, кого изображает скульптура, в настоящее время нет: произведение лишено атрибутов, которые позволяли бы безошибочно понять это. И. Саверкина пишет, что эрмитажная «голова, вероятно, принадлежала статуе»⁹. Возможно, такие атрибуты содержали утраченные части скульптуры.

Эрмитажная скульптура в настоящее время экспонируется как «Голова богини», хотя в ста-

6 Matthäy, Johann Gottlob. Verzeichniss der im königl. sächs. Mengs'schen Museum enthaltenen antiken und modernen Bildwerken im Gyps. – Dresden und Leipzig: Arnoldischen Buchhandlung, 1831, S. 66.

7 Chalybaeus, Carl Theodor. Das Königlich Sächsisches Mengs'sche Museum zu Dresden. – Dresden: Ernst Blochmann, 1843, S. 33.

8 Трофимова А.А. И.И. Винкельман и собрание античной скульптуры Эрмитажа // Древность и классицизм: наследие Винкельмана в России. Antike und Klassizismus Winckelmanns Erbe in Russland. Akten des internationalen Kongresses St. Petersburg 30. September – 1. Oktober 2015. – М. Kunze und K. Lappo-Danilevskij. Mainz; Ruhpolding; Petersburg: Verlag Franz Philipp Rutzen, Michael Imhof Verlag, 2017, с. 75.

9 Саверкина И. Греческая скульптура V в. до н.э. в собрании Эрмитажа. – Ленинград: «Искусство», 1986, с. 112.

тье А. А. Трофимовой в скобках она обозначена как «Юнона»¹⁰. Дрезденский слепок в разные годы обозначался как «Диана», «Юнона» и «Женская голова». Как «Женская голова» она числилась и в каталогах фон Фаренгейта.

Если оригинальная скульптура, как это указано в каталогах коллекции Менгса, действительно была обнаружена на Капитолии, это скорее свидетельствует в пользу Юноны: на Капитолийском холме находился главный римский храм, посвященный т.н. Капитолийской триаде. Кроме того, там же на холме был храм, посвященный Юноне Монете. Однако однозначно сделать вывод об изображенном персонаже пока нельзя.

Таким образом, скульптура из собрания КОМИИ с высокой степенью вероятности происходит из коллекции имения Кляйн Байнунен и выполнена не позднее 1873 г. В каталогах собрания она числилась как «Колоссальный женский бюст», выполненный по гипсовому слепку из собрания А. Р. Менгса.

Гипсовый слепок, послуживший прототипом для калининградской копии, был сделан в Риме между 1766 и 1772 гг. Оригинал, с которого был снят слепок, ныне находится в собрании Эрмитажа. Однозначно определить персонажа, которого изображает скульптура, на данный момент не представляется возможным.

Список литературы

1. Белинцева И. В. Архитектура Восточной Пруссии в Калининградской области: проблемы осмысления и сохранения // Историческая экспертиза. — 2016. — №3. — с. 123–144.

2. Белинцева И. В. Архитектура Восточной Пруссии: факты и интерпретации. — Калининград: ООО «ЖИВЁМ», 2020. — 400 с.

3. Власов В. В. Фриц фон Фаренгейт и наследие классического мира // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей. — 2020. — №11. — с. 4–19.

4. Голова богини. Карточка скульптуры в электронном каталоге Государственного Эрмитажа. URL: <http://collections.hermitage.ru/entity/OBJECT/191389?index=28> [дата обращения: 16.08.2022].

5. Мамышева Е. М. Личный фонд «Овсянов Авенир Петрович (1936–2014)» в Государственном архиве Калининградской области // Калининградские архивы. — 2017. — №14. — с. 5–18.

6. Саверкина И. Греческая скульптура V в. до н.э. в собрании Эрмитажа. — Ленинград: Искусство, 1986. — 159 с.

7. Трофимова А. А. И. И. Винкельман и собрание античной скульптуры Эрмитажа // Древность и классицизм: наследие Винкельмана в России. Antike und Klassizismus Winckelmanns Erbe in Russland. Akten des internationalen Kongresses St. Petersburg 30. September — 1. Oktober 2015. — М. Kunze und K. Lappo-Danilevskij. Mainz; Ruppolding; Petersburg: Verlag Franz Philipp Rutzen, Michael Imhof Verlag, 2017. — с. 67–88.

8. Chalybaeus, Carl Theodor. Das Königlich Sächsische Mengs'sche Museum zu Dresden. — Dresden: Ernst Blochmann, 1843. — 48 S.

9. Clasen K.H. Schloss Beynunen und seine Kunstsammlungen. — Insterburg: Sturmverlag GMBH, 1939. — 23 S., 8 Bl. Abb.

10. Knoll, Kordelia. Die Dresdner Abguss-Sammlung//... von gestern bis morgen... Zur Geschichte der Berliner Gipsabguss-Sammlung(en) : Begleitbuch zur Ausstellung. — Berlin, 2012. — S. 283–284.

11. Faensen B. Antiksammlungen in Ostpreußen. — Möhnesee: Bibliopolis, 2011–508 S.

12. Farenheid, v. Fon. Beschreibendes Verzeichniss der Abgüsse nach Antiken im Schlosse zu Beynunen nebst einleitendem Aufsatz über die Grundideen griechischer Religion und Ethik. — Königsberg i. Pr.: Wilhelm Koch, 1873. — 96 S.

13. Farenheid F, von. Katalog des v. Farenheid'schen Schlosses Beynunen in Ostpreussen. Zusammengestellt durch den Besitzer, 1914. — 16 S.

14. Matthäy, Johann Gottlob. Verzeichniss der im königl. sächs. Mengs'schen Museum enthaltenen antiken und modernen Bildwerken im Gyps. — Dresden und Leipzig: Arnoldischen Buchhandlung, 1831. — 128 S.

15. Weibliche Büste. Карточка экспоната «Женская голова» в онлайн-каталоге Государственных собраний в Дрездене. URL: <https://skd-online-collection.skd.museum/Details/Index/1236710> [дата обращения: 25.08.2022].

10 Трофимова А.А. И.И. Винкельман и собрание античной скульптуры Эрмитажа // Древность и классицизм: наследие Винкельмана в России. Antike und Klassizismus Winckelmanns Erbe in Russland. Akten des internationalen Kongresses St. Petersburg 30. September – 1. Oktober 2015. – М. Kunze und K. Lappo-Danilevskij. Mainz; Ruppolding; Petersburg: Verlag Franz Philipp Rutzen, Michael Imhof Verlag, 2017, с. 75.

ATtribution OF THE SCULPTURE HEAD OF A GODDESS FROM THE COLLECTION OF THE KALININGRAD REGIONAL MUSEUM OF FINE ARTS

Lobskaia Anastasiia,
Specialist of the Research and Exposition
Department at the Kaliningrad Regional Museum of Fine Arts
syntinen1@yandex.ru

Syrovatko Lada,
Scientific Secretary at the Kaliningrad Regional Museum of Fine Arts,
Candidate of Pedagogical Sciences
lvs68@mail.ru

Abstract

The object of the study was a marble sculpture exhibited at the Kaliningrad Regional Museum of Fine Arts. The authors of the study were faced with the task to attribute the sculpture. It was established that the sculpture with a high degree of probability comes from the collection of the Klein Beynuhnen estate (now the territory of the Kaliningrad region) and represents a copy from a plaster cast from the collection of A. R. Mengs in Staatliche Kunstsammlungen Dresden. The cast of Mengs, in turn, is a copy of the sculpture Head of a Goddess from the State Hermitage.

Keywords

Klein Beynuhnen, Fritz von Farenheid, copy from an antique, Mengs, Shuvalov, Hermitage, head of a goddess, Kaliningrad Region, East Prussia, attribution.

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

RAR

УДК 069.1

ББК 79.19

DOI 10.34685/NI.2023.40.1.011

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ЖИВОГО МУЗЕЯ»: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Зотова Татьяна Анатольевна,

старший научный сотрудник, аспирант,
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва,
ул. Космонавтов, д. 2, г. Москва, Россия, 129366,
tzoto@list.ru

Аннотация

В статье предложена деятельностная трактовка понятия «живой музей», которая основана на анализе противоречия между динамичным характером культуры и ее «суммативным» пониманием, привычным для музейной деятельности. Методологическая основа — деятельностная интерпретация культуры, в первую очередь — концепция Н. С. Злобина. Отталкиваясь от дихотомии «репродуктивного» и «творческого», автор рассматривает сложившиеся подходы к определению «живого музея» и схожие концепты, выступающие в современном дискурсе как синонимичные ему понятия.

Ключевые слова

Музей, живой музей, технологии «живого музея», музейная деятельность, деятельностный подход.

Идея «живого музея», высказанная впервые в 1918 г. П.А. Флоренским, пользуется значительным вниманием в современности¹.

1 Об этом говорит, в частности, неугасаемый интерес в музееведческой литературе; кроме того, данный оксюморон всё чаще появляется в новостных заголовках и музейных анонсах, где он используется в самых разных контекстах; например, см.: Анонс «Открытие *живого музея* народных

искусств» (Кремль в Измайлово, 2016) URL: <https://www.kremlin-izmailovo.com/o-kremlenovosti/otkrytie-zhivogo-muzeya-narodnykh-iskusstv>; Анонс «*Живой музей* Роберта Рождественского в книжном магазине “Москва” в Ночь музеев» (2017). URL: <https://worldpodium.ru/news/zhivoy-muzej-roberta-rozhdestvenskogo-v-knizhnom-magazine-moskva-v-noch-muzeev>; Анонс «Фестиваль “*Живой музей*” пройдет в Музее техники Вадима Задорожного» (2021). URL: [https://vm.ru/news/881842-festival-zhivoy-muzej-projdet-](https://vm.ru/news/881842-festival-zhivoy-muzej-projdet)

Этому способствуют как различные музейные процессы — поиск новых методов и технологий организации экспозиционного пространства, освоение зарубежного опыта сохранения и актуализации наследия, — так и более глубинные культурные изменения, происходящие в постиндустриальном обществе. Одно из подобных социокультурных преобразований представлено Г. С. Кнабе, производившим культурологический анализ повседневности как ценности, как неотчужденной духовности, как центрального элемента альтернативного культурного состояния, противостоящего большой Культуре. Он показал, что абсолютизация повседневности постепенно превратилась в абсолютизацию ее практицистской стороны², т. е. тех греховных, лишенных нравственности и чистоты устремлений истеблишмента, борьба с которыми в середине 1950-х гг. породила альтернативную культуру. Когда «престижно и комфортно ориентированный современный быт ... начинает судить все явления духовной жизни по своим критериям, а те, которые втянуть и подчинить не удастся, воспринимает как неадекватные ... ненужные, «заумные», раздражающие»³, тогда и традиционный музей из храма знаний начинает превращаться в ультрасовременное инклюзивное пространство, целеполагание которого сложно определимо. Неудивительно, что в контексте этих процессов, идея «живого музея» наполняется новыми смыслами и обретает всё большую актуальность.

В настоящем исследовании «живой музей» понимается как особый вид (модель) музейной деятельности, его специфика определяется через анализ разных трактовок этой деятельности, принципов ее организации, предложенных ранее. В основе исследования — культурологический подход, который предполагает рассмотрение данной проблематики в контексте внутренних, смысловых противоречий традиционного музея.

Центральное из них, отмеченное еще Н. Ф. Фёдоровым и выражаемое поныне емкой фразой «это ... пора сдать в музей!», является исходным для идеи «живого» музея, рожденной в противостоянии музею-хранилищу (...ненужных вещей). Будто бы предвещая современные споры о миссии музейной институции в XXI столетии, философ писал: «Музей, оставаясь хранилищем, не только не может достигнуть идеальной полноты, но и тем менее будет соответствовать идеальному о нем представлению, чем жизнь будет более развиваться»⁴ (здесь и далее — выделено Т. А.).

Музейная концепция Н. Ф. Фёдорова, входящая в оригинальную философскую систему Общего дела, не раз являлась предметом изучения и подробно описана в научной литературе. Кратко напомним, что закладывая основы для переосмысления роли, места и целей человека в «цивилизованном», «прогрессивном» веке, философ критикует обычный музейный подход за его безжизненность: сдача вещей в музей, «как в могилу, хотя бы и сопровождаемая художественным или ученым, т.е. мертвым, восстановлением, не может заключать в себе ничего хорошего»⁵.

Традиционный музей — «последний остаток культа предков» — в рассуждениях Фёдорова превращается в проективный музей-рай, в «высшую инстанцию, которая должна и может возвращать жизнь». Бессилие современного музея философ видит в том, что он «есть собор ученых», нечто замкнутое, ограниченное «и по объему, и по содержанию». Преодоление этого недостатка сделает музей-собор вселенским, а знание — неограниченным и потому уничтожающим «разобщение миров восстановлением всех прошедших поколений»⁶.

Эту замкнутость, ограниченность традиционного музейного подхода, рождающую идею «живого» музея, автор статьи предлагает рассматривать в контексте деятельностной интерпретации культуры. В таком случае речь идет о противоречии между процессуальным, динамичным, развивающимся характером культуры и ее «суммативным», статичным пониманием,

v-muzee-tehniki-vadima-zadorozhnogo ; Новость «Путин оценил проект “живого музея” в парке “Патриот”» (2021). URL: <https://rg.ru/2021/05/27/reg-ufo/putin-ocenil-proekt-zhivogo-muzeia-v-parke-patriot.html> (дата обращения: 08.01.2023).

2 Кнабе Г. С. Древо познания и древо жизни. Москва: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006. С. 57.

3 Там же. С. 58.

4 Фёдоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение. Электронная версия. URL: http://dugward.ru/library/fedorov/fedorov_muzei.html#dop (дата обращения: 06.01.2023).

5 Там же.

6 Там же.

которое лежит в основе музейной деятельности. Сам характер музея — собрания, театра вещей, хранилища — подталкивает к пониманию и представлению культуры именно как совокупности материальных и нематериальных ценностей; но любая совокупность есть нечто завершенное, бывшее... мертвое. Такая трактовка предлагает путь превращения оксюморона «живой музей» из аллегории, в подход, который ищет способы и формы внесения в музейное пространство не «лишенных жизни обломков» (выражение Н. Ф. Фёдорова), а живой, динамичной культуры.

Важно отметить, что деятельностный подход был основным в отечественной науке о культуре в 1970–1990-е гг., и принципы, разработанные его последователями, стали базовыми для многих культурологических исследований⁷. Однако на настоящем этапе применение «культурологического подхода» в музееведении, в основном, сводится к разработке теоретических проблем; например, осмыслению феномена музейности как особого «музейного» отношения человека к действительности, направленного на обнаружение предметов-источников, раскрытие заложенной в них социально значимой информации и определение их культурной ценности.

Потому теоретико-методологическими основаниями исследования выступили не только работы музееведческого плана (П. А. Флоренский, Ж. А. Ривьер, Ю. де Варин, М. Е. Каулен, Т. П. Поляков, В. М. Кимеев, К. Bordman, J. Anderson и др.), но и деятельностные концепции культуры, сложившиеся в отечественной науке. Множество вариантов этих интерпретаций принято разделять на две основные модели — статичную и динамичную (трактовка Н. С. Злобина), либо иными словами, — понимающие культуру как «специфический человеческий способ деятельности» и как «процесс творческой деятельности» (трактовка Э. С. Маркаряна)⁸. Настоящее исследование базируется на динамичном подходе к пониманию культуры, разработанном А. И. Арнольдовым, Э. А. Баллером, Л. Н. Коганом, Н. С. Злобиным, В. М. Межуевым и др. Схематически эта интерпретация представляется в следующем виде: культура определяется «в двух формах — пред-

метной (результаты деятельности) и личностной (умения и способности индивида). Если переход от личностной формы культуры к предметной (опредмечивание) в процессе творчества означает расширение предметного богатства культуры, то обратный переход (распредмечивание) в ходе ее освоения имеет своей целью и главным результатом развитие человеческой личности»⁹.

В этом контексте музейная деятельность может быть представлена как сложный взаимосвязанный процесс:

— первоначального опредмечивания, перехода личных умений и способностей человека в предметные формы культуры (так как в основе музея, в целом, и любого музейного проекта, в частности, — чья-то идея);

— распредмечивания материальных и нематериальных культурных ценностей в целях развития личности (чему соответствует привычная работа с музейными предметами в фондах, экспозициях и лекториях);

— вторичного опредмечивания, расширения культурного богатства за счет создания не только конкретных артефактов, но и новых культурных форм (напр., как новая форма искусства сегодня воспринимается музейная экспозиция).

Особую ценность для понимания специфики деятельности «живого музея» имеет концепция Н. С. Злобина¹⁰, в центре которой — рассмотрение вопросов культурной динамики через дихотомию «репродуктивного» и «творческого». Разделение всей человеческой деятельности на творческую и репродуктивную основывается на явном отличии их целей: первая стремится к созданию нового во всех областях общественной жизни, и по сути это и есть культура; вторая, репродуктивная

7 Межуев В. М. Идея культуры: очерки по философии культуры. Москва: Прогресс-Традиция, 2006. С. 287.

8 Межуев В. М. Идея культуры... С. 283–284.

9 Там же. С. 287.

10 Наль Степанович Злобин (1930–1998) – советский и российский философ и культуролог, профессор, доктор философских наук (тема диссертации «Культура и общественный прогресс», 1984). Рассматривал культуру как процесс творения человеком своего мира, осуществляемый во взаимосвязи деятельности и общения, как личностный аспект истории. В течение ряда лет был заведующим сектором теории культуры НИИ культуры, заведующим группой прогнозирования культуры ГИВЦ Министерства культуры РСФСР, работал в секторе социологии науки ИИЕТ, вел педагогическую деятельность. С 1992 г. возглавлял сектор философских проблем культуры РИК.

деятельность — воспроизводит готовые культурные образцы¹¹.

Этот подход, часто критикуемый за исключение из области культуры общепринятых ценностей, норм и образцов, всё же, как нельзя лучше показывает противоречивость традиционной музейной деятельности. Отталкиваясь от трактовки Злобина, можно заключить, что музей на первых этапах своего существования, как и все иные социокультурные формы, являл собой творческую, новаторскую деятельность, а потому был частью культуры. Однако, превратившись в неподвижную и застывшую норму общественной жизни («социокультурный институт» с типовыми витринами, лекциями и программами), он утратил свое культурное значение и стал частью репродуктивной практики общества. Интересно в эти рассуждения вписывается обычная ныне трактовка музея как института социальной памяти. Впрочем, данный вопрос выходит далеко за рамки нашего предмета изучения.

Таким образом, традиционной музейной деятельности, репродуктивной по форме и потому практически ограниченной процессом распределения культуры, противопоставляется идея «живого музея», в основе которого — творческая деятельность, не ограниченная воспроизведением образцов и потому расширяющая предметное богатство культуры. Естественно, что четкое определение творчества дать невозможно, поэтому Н. С. Злобиным вводится следующая характеристика: «тот или иной продукт творческой деятельности приобретает значение факта и фактора культуры только тогда, когда он ... продолжает жить (а следовательно, и развиваться) в социальных деяниях других людей, в их взаимном общении», когда сохраняет в своем бытии «процессуальный характер той творческой деятельности, в результате которой впервые получил жизнь»¹².

Следует подчеркнуть, что деятельностный подход к определению понятия «живой музей» позволяет не просто дополнить существующие трактовки еще одним вариантом, а уточнить и конкретизировать их с учетом сложившихся реалий. Напомним, что первым наделил данный оксюморон конкретным методологическим смыс-

лом П. А. Флоренский, применивший его по отношению к особой форме музеефикации Троице-Сергиевой Лавры. Проектируемый им «живой музей» был призван сохранить жизненное единство монастырского комплекса в новых социально-политических условиях постреволюционной России. В качестве альтернативы прерванному культурному развитию Флоренский предложил организовать школы и подобные им учреждения, которые будут изучать и продолжать архитектурные, иконописные, певческие и др. традиции монастыря: «Мы видим тут великолепный подбор икон всех веков и изводов; как же можно представить себе Лавру без школы иконописи и без иконописных мастерских? Лавра — показательный музей архитектуры; естественно организовать здесь школу архитектурную»; «В Лавре сосредоточены превосходнейшие образцы шитья», а значит необходимо создать Общество изучения этого искусства и «соответствующую школу и мастерские»; «Превосходнейшие образцы дела ювелирного в Лавре наводят на мысль о необходимости устроить здесь учреждение, пекущееся об этом деле»; также «необходима здесь певческая школа, изучающая русскую народную музыку»¹³.

Словом, этот базовый подход к деятельности «живого музея» предлагает обеспечить динамичность историко-культурного объекта за счет частичного сохранения его первоначальных функций в процессе музеефикации. Такая мягкая музеефикация нашла распространение, например, в сфере современного государственно-частного партнерства в области актуализации наследия, где наиболее встречаемой формой является музей-гостиница (напр., Лесной терем Асташово¹⁴). Наблюдаются и весьма удивительные сочетания, такие как музей-поликлиника

11 Злобин Н.С. Культура и общественный прогресс. Москва: Наука, 1980. 303 с.

12 Злобин Н.С. Культура и общественный прогресс. С. 37.

13 Флоренский П.А. Троице-Сергиева Лавра и Россия // Сочинения. В 4 т. Т. 2. Москва, 1996. С. 368-369.

14 Музей-гостиница «Лесной терем Асташово» образован на основе усадьбы крестьянина Мартьяна Сазонова в Костромской области (Чухломский район). В интерьерах музея-гостиницы активно используются предметы музейного значения, исторически связанные с «лесным теремом», с его владельцами; значительное место в деятельности новых собственников отводится изучению истории местности и выявлению исторических артефактов.

(Амбулатория в Мелихове¹⁵), музей-фабрика (Коломенская пастила — музей истории со вкусом¹⁶), музей-депо (Паровозное депо «Подмосковная»¹⁷) и даже вагон-музей (филиал музея Октябрьской железной дороги). Особую группу «живых музеев» составляют музеи-монастыри и музеи-храмы, где совмещение религиозных и музейных функций бывает просто необходимым (Новодевичий монастырь, Кирилло-Белозерский монастырь и др.). Применение деятельностной концепции позволяет определить общую для подобных объектов проблему — необходимость проработки на уровне концепции долгосрочных направлений развития, дабы избежать «умерщвляющего» однообразия, утраты творческого характера практики, в результате которой они и «получили жизнь».

Широкое распространение на рубеже XX–XXI вв. получило определение «живого музея», данное М. Е. Каулен: это — средовой музей, хранящий материальные и нематериальные объекты в естественной для них природной и историко-культурной среде в условиях поддержания их изначальных функций и постоянной актуализации. Авторская концепция средового подхода, ныне весьма популярная, основана на тяге традиционных музеев *in situ* к включению в свое пространство не только материальной, но и духовной культуры. Потому значительную роль в средовом

музее играют механизмы трансляции норм, традиций, обрядов и т.п. элементов нематериального наследия.

Следует отметить, что М. Е. Каулен относит «музеи живых традиций» (напр., Катарач — поющее село¹⁸), музеи с «живыми экспозициями» (Кизи, Шушенское) к перспективному типу средового музея, а группу «живых музеев» определяет как учреждения музейного типа, подчеркивая их коммерческий характер¹⁹. Среди них, например, исторические аптеки, исторические гостиницы, тематические магазины и др. В этом контексте деятельностная трактовка «живого музея», которая подчеркивает его процессуальный, поисковый, творческий характер, позволяет упростить выделение подобных учреждений среди всех «средовых музеев». Кроме того — устранить терминологическую путаницу, вызванную широким ассортиментом «живых» наименований в музеях под открытым небом.

Собственно, обращаясь к практике отечественных музеев-заповедников и иных музеев под открытым небом, следует подчеркнуть, что вносимое ими разнообразие в современный феномен «живого музея», связано не только с реализацией идей Флоренского, но и с освоением зарубежной терминологии и методологии музейного дела. Ныне под «живыми музеями» понимаются зачастую те учреждения, которые тяготеют к французской модели экомuzeя, или к американским идеям «живой истории».

Напомним, что Ж.А. Ривьер, Ю. де Варин и др. идеологии экомuzeологии предложили миру весьма интересную модель музея как сообщества. В ее основе — идея музея рассредоточенного типа, который занимает значительную территорию

15 «Амбулатория» — одна из экспозиций Музея-заповедника А.П. Чехова «Мелихово» (Московская обл.), размещенная в бывшей людской. С 2007 г. до конца 2010-х гг. этот объект работал в формате «живого музея»: часть постройки занимала (и занимает сейчас) ансамблевая экспозиция, воссоздающая атмосферу и обстановку сельского медицинского кабинета конца XIX в.; вторая часть была отдана под современный медицинский пункт, где осуществлялся прием местного населения.

16 «Коломенская пастила — музей истории со вкусом» — частный музей, который расположен во флигеле купеческой усадьбы Сурановых (г. Коломна, Московская обл.). Входит в АНО «Коломенский центр познавательного туризма «Коломенский Посад»». На музейном производстве создают несколько видов русской пастилы, проводят экскурсии и театрализованные мероприятия.

17 Историческая площадка «Паровозное депо «Подмосковная»» — музейно-производственный объект РЖД (Москва), состоящий из двух частей: (1) музей-депо (включает комплекс исторических построек станции «Подмосковная» Рижского направления Московской железной дороги и действующее паровозное депо верного типа); (2) современное депо, где обслуживаются комфортабельные поезда (Сапсан, Ласточка и др.).

18 Инициатива и серия проектов «Катарач — поющее село» обращены к сохранению и развитию традиции особого («тонкого») пения высоким голосом, которая является частью культуры старообрядцев, селившихся в окрестностях села Беляковский Катарач Свердловской области (Талицкий р-н). Народный хор села Катарач — лауреат Всесоюзных, Всероссийских, областных и районных смотров, серебряный медалист ВДНХ, участник ВФАК «Юнеско» 1999 г. В течении ряда лет формируется проект создания общественного фольклорно-этнографического заповедника «Катарач: Поющее село», инициатор — фольклорно-этнографическая лаборатория «Высокос».

19 Каулен М. Е. Музей и Наследие // Музей. № 5/2009. С. 10–19.

(напр., в Музее Человека и Промышленности в Ле-Крёзо — 500 тыс. км) и на праве «культурной собственности» охватывает все движимые и недвижимые объекты данного ландшафта. Главными владельцами и работниками этого музея выступает местное сообщество, члены которого направляются и координируются профессиональными музейщиками. Следует подчеркнуть, что каждый из таких музеев отличает яркая индивидуальность. Поэтому Ю. де Варин отмечал, что несмотря на все попытки концептуализации понятия экомузеев, «оно различимо в каждом конкретном случае»: «это может быть просветительское учреждение, парк-музей, музей на общественных началах, этнографический заповедник или центр промышленного наследия»²⁰. Развивая свою позицию, он утверждал: экомузеев «отличается от традиционного тем, что делает акцент на территории (памятном месте, окружающей среде), а не на здании; на наследии, а не на коллекции; на общине, а не на публике»²¹.

В России ближе всего к типу экомузеев оказались небольшие этномузеи в Сибири и на Дальнем Востоке, которые создаются местными общинами самостоятельно (или по их инициативе) с целью сохранения и демонстрации традиционного образа жизни (напр., «Стойбище сородичей»²², «Нюлтен»²³, «Мэнэдек»²⁴ и др.). Сохранение собственного этнокультурного наследия за счет по-

стоянного вовлечения сообщества, как и в зарубежных экомузеев, стало главным их отличием от других музейно-парковых комплексов нашей страны. Этот деятельностный, творческий характер позволяет относить их к «живым музеям», наравне с музеями — «производственными объектами», что интуитивно уже не раз отмечалось музееведами²⁵.

Переходя к современной тенденции — ассоциировать музеи/парки «живой истории» и «живые музеи», следует отметить, что такое синонимичное понимание не всегда оправдано. Выявляя характеристики «живой истории», американский исследователь данного феномена J. Anderson использует такие определения, как «путешествие во времени» и «имитация жизни других эпох»²⁶. Ее анализ ранних практик «оживления истории», показал, что археологи, фольклористы и предприниматели начали массово экспериментировать с этой техникой для проверки археологических исследований («экспериментальная археология»), а также с целью поиска более эффективных форм демонстрации материальной культуры в музеях под открытым небом. При этом, объединяющим мотивом для разных заинтересованных лиц стало стремление к развитию рекреационной деятельности в познавательном-развлекательном формате.

Подобные познавательные-развлекательные учреждения, всё чаще появляющиеся на музейной карте России, нередко сохраняют репродуктивный характер, а творчество в них подменяется «типовой» интерактивностью. В то же время, освоение практик «живой истории» связано с открытием эксперимен-

территории проходят многочисленные культурно-развлекательные мероприятия, есть гостевые дома и т.п.

- 20 Варин Ю. Термин и его значение // MUSEUM. 1985. № 148. С. 5.
- 21 Цит. по: Куклинова И. А. Экомузеев – музей времени и пространства: западноевропейский образец и восточная модель // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств (см. в книгах). 2010. Т. 190. С. 263-269.
- 22 «Стойбище Сородичей» (Хабаровский край, Хабаровский р-н) – национальное подворье в селе Сикачи-Алян, где ведется традиционная хозяйственная деятельность, сохраняется быт народов Приамурья (нанайцев и ульчей).
- 23 Этно-культурный центр РО «Нюлтен» (Камчатский край, Мильковский р-н) включает эвенское стойбище и питомник ездовых собак, созданные в с. Мильково для ознакомления жителей и гостей Камчатки с традиционными видами деятельности коренных малочисленных народов.
- 24 Этнокультурный центр «Мэнэдек» (Камчатский край, Быстринский район) – реконструированное стойбище, которое включает корякские и эвенские традиционные жилища (яранги и юрты, мамычки и балаганы и др.); на

- 25 Например, см.: Глушкова П.В. Классификация музеев под открытым небом в аспекте актуализации нематериального культурного наследия // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1–1(61). С. 59–63; Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года»: Монография / Т.П. Поляков, Т.А. Зотова, Ю.В. Пустовойт [и др.]. Москва: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, 2021. 438 с.
- 26 Anderson J. (ed.) A Living History Reader: Museums, Nashville, American Association for State and Local History, 1991. Volume I: Museums.

тальных центров, которые превращают данные идеи в основу своей исследовательской деятельности, придавая ей ярко выраженный творческий, поисковый характер (напр., Духовно-культурный кремль «Богатырская слобода»²⁷). Словом, применение деятельностного подхода к осмыслению «живого музея» позволяет снять вопрос о его схожести/отличии от музея «живой истории»²⁸, и показать, что противоречие выражается не в конфликте зарубежной и отечественной терминологии, а в двух принципиально разных позициях, ориентированных на воспроизводство или на творение.

Идея, что любой музей может быть «живым», заложена в концепции Т. П. Полякова, ставшего основным исследователем феномена «живого музея» в современном музееведении. Данная проблематика рассматривается им в контексте терминов и понятий, систематизирующих способы, принципы и приемы организации музейной экспозиции. В одном из своих ранних определений Т. П. Поляков подчеркивает, что «живой музей» — это «синтез духовного и плотского, “храма” и “форума”»²⁹. В поисках конкретных форм данного синтеза, исследователь предлагает термин «технологии “живого музея”». Это — технологии создания музейной экспозиции, представляющей собой интерактивную модель конкретного интерьера или объекта. Подобная модель должна быть максимально приближена к историческому прототипу:

здесь выделяются и используются те предметы, средства и приемы общения и действия, которые были наиболее актуальны в воссоздаваемом историческом объекте. Причем, основная задача подобных технологий — спровоцировать в музейном пространстве определенные поведенческие ориентиры и действия самих посетителей — в музее-библиотеке посетитель должен стать читателем, в музее-мастерской — художником, а в музее-магазине — покупателем³⁰. То есть, функционал музеефицируемых объектов воспроизводится через действия самих посетителей, а музей обеспечивает среду, провоцирующую это активное и творческое взаимодействие человека с наследием.

Т. П. Поляковым предложена условная классификация «живых музеев», которая строится на соотношении в таких объектах «духовного» и «материального». Она включает:

— духовно-интеллектуально-творческие объекты (музеи-храмы, музеи-театры, музеи-библиотеки и т.п.);

— социально-бытовые объекты (музеи-магазины, музеи-гостиницы, музеи-трактиры и т. п.);

— объекты промежуточного типа (музеи-монастыри, музеи-мастерские (творческие), музеи-салоны и др. зоны общения, органично соединяющее духовное и бытовое)³¹.

При этом исследователь активно использует обозначение «зоны “живого музея”», подчеркивая, что каждый музей (и не только «под открытым небом») может быть динамичным и строиться на принципах свободного общения. Предложенная в настоящей статье деятельностная трактовка призвана развивать эту позицию, дополнять и конкретизировать. Творческий подход, понимаемый как основа «живого музея», включает в исследовательское поле не только формы интерактивных экспозиционных зон, уровни их внедрения или особенности применения, но и те феномены музейной деятельности, которые традиционно остаются за рамками, как нечто не системное, индивидуальное. Таким является, например, феномен «авторского музея», разрабатываемого

27 Духовно-культурный кремль «Богатырская слобода» (Международная научно-исследовательская Экспедиция иеромонаха Феоктиста (Петрова) на Варяжское море «Путь Рюрика») – это развивающийся архитектурный комплекс, созданный в традициях древнерусского деревянного зодчества в живописном месте Жигулёвских гор на берегу р. Усы (Национальный парк «Самарская Лука»). Центральный объект – уникальная Ладейная Верфь – «Живой музей Древнерусского Флота», где мастера деревянного судостроения возрождают и изучают традиции строительства древнерусских парусно-вёсельных ладей.

28 Об этом, в частности, автор писал ранее, см.: Зотова Т. А. «Оживление» истории как одна из тенденций развития современных исторических и военно-исторических музеев-заповедников в России // Культурный код. 2022. № 3. С. 36–48.

29 Поляков Т. П. В поисках «живого музея» // Музей и новые технологии. Москва: Прогресс-Традиция, 1999. С. 58–81.

30 Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года»: Монография / Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, Ю. В. Пустовойт [и др.]. С. 114–115.

31 Там же. С. 115.

Т. П. Поляковым³², а также некоторыми другими исследователями и практиками.

Подведем итоги. Предложенная деятельностная трактовка понятия «живой музей» основана на анализе противоречия между динамичным, процессуальным характером культуры и ее «суммативным» пониманием, привычным для музейной деятельности. Интерпретация культуры, предложенная Н. С. Злобиным и базирующаяся на дихотомии «репродуктивного» (повторяемого) и «творческого» (нового), позволяет выявить принципиальные отличия традиционного и «живого» музеев. Традиционный музей в процессе становления общества превращается в институт социальной памяти и является собой в целом репродуктивную практику. «Живой музей» представляет особый вид (модель) музейной деятельности, не ограниченной воспроизведением образцов и потому расширяющей предметное богатство культуры. В основе «живого музея» — творческая деятельность, сохраняющая свой процессуальный, развивающийся, творческий характер.

Данная трактовка не противоречит существующим определениям, она призвана дополнить и синтезировать их основные смыслы. Потому «живой», т. е. творческий, динамичный, процессуальный музей может быть выражен в самых разных формах: «музея традиции» или производственного объекта, экомuzeя, музея/парка «живой истории», динамичных экспозиционных зон, созданных с помощью технологий «живого музея», авторского музея, зоны открытого хранения и др. Есть все основания надеяться, что со временем этот перечень будет только расширяться, ведь диалектика взаимодействия традиционного музея и живой культуры — безгранична.

Список литературы

1. Варин Ю. Термин и его значение // МУ-SEUM. 1985. № 148. С. 5.
2. Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. Москва: Наука, 1980. 303 с.
3. Каулен М. Е. Музей и Наследие // Музей. № 5/2009. С. 10–19.
4. Кнабе Г. С. Древо познания и древо жизни. Москва: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006. 751 с.
5. Куклинова И. А. Экомuzeй — музей времени и пространства: западноевропейский образец и восточная модель // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств (см. в книгах). 2010. Т. 190. С. 263–269.
6. Межуев В. М. Идея культуры: очерки по философии культуры. Москва: Прогресс-Традиция, 2006. 408 с.
7. Поляков Т. П. В поисках «живого музея» // Музей и новые технологии. Москва: Прогресс-Традиция, 1999. С. 58–81.
8. Фёдоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение. Электронная версия. URL: http://dugward.ru/library/fedorov/fedorov_muzej.html#dop (дата обращения: 06.01.2023).
9. Флоренский П. А. Троице-Сергиева Лавра и Россия // Сочинения. В 4 т. Т. 2. Москва, 1996. С. 352–369.
10. Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года»: Монография / Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, Ю. В. Пустовойт [и др.]. Москва: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, 2021. 438 с.
11. Anderson J. (ed.) A Living History Reader: Museums, Nashville, American Association for State and Local History, 1991. Volume I: Museums.

32 Например, см.: Поляков Т. П. Мифология музейного проектирования, или «Как делать музей?» — 2: Монография. Москва: Рос. ин-т культурологии, 2003. С. 191–204.

THE MAIN APPROACHES TO THE ACTIVITIES OF A LIVING MUSEUM: A CULTUROLOGICAL ANALYSIS

Zotova Tatiana Anatolyevna,

Senior Researcher, graduate student, Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Kosmonavtov Street, d. 2, Moscow, Russian Federation, 129366,
tzoto@list.ru

Abstract

The article presents an activity-based interpretation of the notion “living museum”. It is based on the analysis of the contradiction between the dynamic essence of culture and its static understanding, common for museums. The methodological basis of the research is the activity-based interpretation of culture, first of all, the concept of N.S. Zlobin. Starting from the dichotomy of reproductive and creative the author considers the established approaches to the definition of living museum and similar concepts, perceived as synonymous with it in modern discourse.

Keywords

Museum, living museum, living museum technology, museum activities, activity approach.

RAR

УДК 7.025

ББК 79

DOI 10.34685/NI.2023.40.1.012

ТКАНЫЕ ШПАЛЕРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ УБРАНСТВЕ ПРИГОРОДНЫХ ДВОРЦОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И РЕСТАВРАЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Бородин Игорь Викторович,
художник-реставратор высшей категории,
Заслуженный работник культуры Российской Федерации,
ГМИИ им. А.С. Пушкина,
borodinig@mail.ru

Аннотация

Представлен опыт использования и реставрации тканых шпалер из художественного убранства пригородных дворцов Санкт-Петербурга. Традиция использования тканых шпалер в убранстве русского дворцового интерьера восходит к концу XVII — началу XVIII в., времени реформ и преобразований во всех сферах жизни Российского государства. Новые формы быта, грандиозный размах строительства дворцов и общественных зданий, расширение торговых и дипломатических контактов — все это оказало значительное влияние на формирование художественной системы использования тканей, ковров и шпалер.

Ключевые слова

Шпалера, убранство, реставрация, Павловский дворец, Гатчинский дворец, Петергоф, Монплеизир, Ассамблейный зал.

В правление царя Алексея Михайловича (1629–1676) в Россию пришли многие европейские традиции. И хотя стенные ковры были новым для России видом искусства, архивные документы и воспоминания современников сохранили описания домашнего быта русских царей и князей, чьи палаты были украшены западноевропейскими шпалерами, привезенными в Россию в качестве дипломатических даров¹. Таким образом, интерес к европейской

в 1681 году получил шесть гобеленов с «Вахханалиями» по картонам Джулио Романо. В числе подарков, полученных посольством 1687 года, был гобелен из серии «Королевские замки», гобелен, изображавший «Охоту Дианы», с Делафосса и лебреновская серия «Истории Иакова». О подарках, полученных русскими посольствами во Франции, см.: Roche D. Le Mobilier frangais en Russie. Paris, 1911. Документы, относящиеся к гобеленам, см. в кн.: Fenaille M. Etat general des Tapisseries des Gobelins. Epoque Louis XIV. Paris, 1903. О пребывании посольства Потемкина в Париже см.: Saintot. Recit de voyage du prince Potemkine. Paris, 1855. Снаряженное Голицыным в 1687 г. посольство Долгорукова получило подарков на общую сумму в 52 573 ливра – кроме го-

---

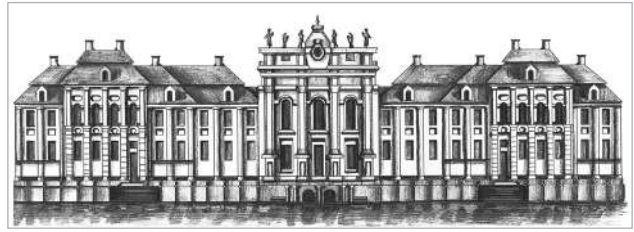
1 Так, посольство П.И. Потемкина (1668) получило в подарок пять гобеленов серии «Истории Константина»; тот же Потемкин во время своего второго посольства

культуре пробудился в России задолго до вступления на престол Петра Великого, который, по выражению графа Франческо Альгаротти (1739), открыл окно в Европу. Однако именно с него для России начался новый отсчет времени.

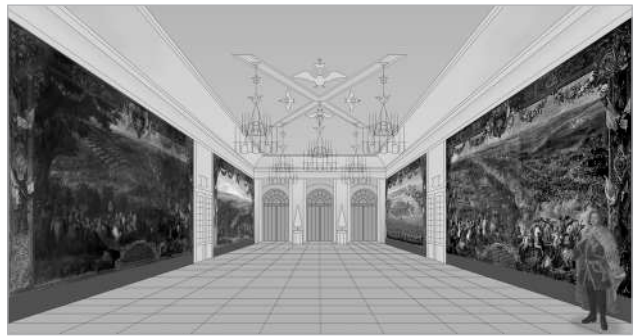
Во время своего второго путешествия в Западную Европу в 1716–1717 годах Петр I живо интересовался работой архитекторов, художников, скульпторов, ковровщиков, мебельщиков, ювелиров, ученых и ткачей. Такой интерес был обусловлен стремлением превратить Россию в морскую державу и придать великолепия новой столице — Петербургу, украсить его дворцы шедеврами западного искусства.

В апреле 1717 года в Брюсселе ему были показаны работы фламандских мастеров². А во время своего пребывания в Париже он дважды посетил мануфактуру Гобеленов³, где познакомится со всеми этапами изготовления тканых шпалер и принял окончательное решение о заказе «Историй» — серии из четырех гобеленов, на сюжеты побед русских войск под командованием Петра I над шведской армией под командованием Карла XII⁴.

Вероятнее всего, Пётр предполагал повесить их в Кавалерском зале Зимнего (третьего по счету) дворца⁵. (Илл.1–2)

Илл. 1. Третий дворец Петра I.
Реконструкция А. Сеницыной.

Илл. 2. Интерьер Кавалерского зала.
Реконструкция А. Сеницыной

В 1717 году по инициативе Петра I была основана Санкт-Петербургская шпалерная мануфактура, деятельность которой внесла заметный вклад в историю русского декоративного искусства. Вскоре после её основания отечественные шпалеры становятся неотъемлемой частью убранства дворцовых интерьеров. Вместо «горниц» и «светелок», типичных для московских теремов, начинают создавать дворцы с просторными залами. Складываются новые приемы их декоративной отделки и убранства.

В 1732 году было завершено строительство комплекса Поваренных покоев при Монплезире в Петергофе. (Илл. 3)

Согласно плану Ф.Б. Растрелли, утвержденному в декабре 1747 года, шпалеры, вытканые на шпалерной мануфактуре, украсили Ассамблейный зал в Монплезире. Это был первый случай в истории дворцового строительства Санкт-Петербурга, когда тканые шпалеры были изготовлены по замыслу архитектора. В остальных случаях архитекторы использовали в отделке интерьеров пригородных дворцов уже имеющиеся

беленов в их состав входили табакерки с портретами, часы, шитые золотом кафтаны, ружья и пистолеты. Наряду с подарками посольства, усердно торговавшие собольими мехами, возможно, и приобретали иногда художественные предметы обстановки (см.: Reau L. Histoire de l'expansion de l'art français moderne. Paris, 1924).

- 2 В особняке Герцога де Бурнонвиль Петру I были показаны лучшие шпалеры, созданные в мастерской Урбена Лейнерса (1674–1747). Петра I сопровождал маркиз де Прие. См. Brosens, K. A Contextual Study of Brussels Tapestry, 1670–1770: The Dye Works and Tapestry Workshop of Urbanus Leyniers (1674–1747). Brussel, 2004. P. 253.
- 3 О посещении Петром I мануфактуры Гобеленов: 12 мая 1717 г.: URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/248762024> (дата обращения 19.01.2023); 15 июня 1717 г.: URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/249804351> (дата обращения 19.01.2023)
- 4 См. Лехович Т.Н. «Сии шпалеры баталей на память славных дел»: Петр I – привилегированный заказчик мануфактуры гобеленов // Меншиковские чтения. СПб., 2015. Вып. 6(15). С. 195–206.
- 5 Такое предположение высказал Г.В. Михайлов, соотнося размеры главного зала дворца с царскими гобеле-

нами. См. Михайлов Г.В. Зимние дворцы Петра I. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ. 2002. С.135.

Илл. 3. Дворец «Монплеzir». ГМЗ «Петергоф»
© ГМЗ «Петергоф», фотоматериалы, 2021.
Фотограф — М.К. Лагоцки

западноевропейские шпалеры.

Искусство России, что естественно, испытывало на себе разнообразные влияния, усваивая и творчески перерабатывая их. В последней трети XVIII века наблюдается экспансия французского искусства на все государства Европы. Из этой страны Россия не только черпала новые образы, но и включала многочисленные произведения французского декоративного искусства в свой собственный художественный контекст.

С приездом ко двору Екатерины II Чарльза Камерона (1745–1812) наблюдается внедрение в русские дворцовые интерьеры некоторых приемов, в частности в употреблении изделий из текстиля, сложившихся в Англии.

Архитектор В.Ф. Бренна (1747–1820), художник-декоратор П.Г. Гонзага (1751–1831) и многие другие их соотечественники обогатили русский классический интерьер элементами театральной декоративности и барочной пышности. Именно благодаря таланту Винченцо Бренны (в России — Викентий Францевич Бренна) были созданы парадные интерьеры Павловского и Гатчинского дворцов, Михайловского замка, в которых тканые шпалеры стали одной из важнейших составных частей тканевого убранства, воплотив нормы безупречного художественного вкуса.

В конце XVIII века появляются залы, такие как Малиновая гостиная в Гатчинском дворце, Ковровый кабинет и Библиотека Марии Федоровны в Павловске, планировка которых исключительно подчинена шпалерам. Заключенные в резные золоченые рамы, подобно живописным полотнам,

шпалеры и гобелены становятся в этот период определяющей частью художественного решения тех залов, где они расположены. В убранство русских дворцов были органично включены прекрасные работы Парижской Королевской гобеленовой мануфактуры, полученные в качестве дипломатических подарков, и шпалеры отечественного производства.

Многочисленные дипломатические подарки и закупки поступали в кладовые Гофинтенданской конторы, откуда они и распределялись по строящимся дворцам.

В 1795 году царское собрание пополнилось коллекцией польского короля Сигизмунда II Августа (1520–1572), основная часть которой была вывезена в качестве контрибуции из Вавельского королевского замка в Кракове⁶. Грандиозный тканый ансамбль состоял из нескольких шпалерных серий, заказанных в ведущих мастерских Брюсселя в период между 1550–1560 гг. по картонам Михаэля Кокси (1499–1592), Корнелиса Флориса (1514–1575), Корнелиса Боса (около 1506/10–1555) и других нидерландских художников⁷.

Вплоть до середины XIX века шпалеры хранились на складах Гофинтендантской конторы. И лишь по окончании перестройки Арсенального каре Гатчинского дворца⁸ было принято решение украсить ими интерьеры. По замыслу архитектора Р.И. Кузьмина (1811–1867)⁹, шпалеры погружали в атмосферу эпохи Возрождения. Большей частью поистине монументальные тканые произведения искусства, выполненные в эксцентричной манере и насыщенной цветовой гамме, затканые золотыми и серебряными нитями, производили неизгладимое впечатление. Предметы художествен-

6 В результате третьего раздела Речи Посполитой (24 октября 1795 г.) вместе с прибывшим в Россию Станиславом Августом Понятовским (1723–1798) были привезены шпалеры.

7 См. Hennel-Bernasikowa M. Arrasy Zygmunta Augusta. The Tapestries of Sigismund Augustus. Zamek Królewski na Wawelu, 1998. 127 p.

8 Гатчинский дворец состоит из трех, объединенных в одно целое зданий: Центрального корпуса и двух боковых каре – Кухонного и Арсенального. Оба каре в середине XIX века были полностью перестроены под руководством архитектора Р.И. Кузьмина.

9 С 1841 г. Р. И. Кузьмин был в должности главного архитектора Министерства Императорского двора. Работами в Гатчинском дворце руководил с 1844 г.

Илл. 4. Вторая приемная Александра III в Гатчинском дворце. Фото до 1920-х годов

ного убранства — стилизованная мебель темного дерева, массивные патинированные осветительные приборы органично дополняли неоренессансную атмосферу залов. (Илл. 4)

Сохранившиеся сведения о методах «починки» и «приспособления» шпалер из этого собрания наглядно иллюстрируют характерное отношение к произведениям тканого искусства в России XIX века.

Согласно указу конторы Императорского двора, в мае-июле 1859 года 89 из 157 шпалер были распределены следующим образом: во дворец императора Петра I в Летнем саду — 20, Петровский дворец — 24, Екатерининский дворец — 13 и в Гатчинский дворец — 32¹⁰. Остальные шпалеры были переданы в Конюшенный музей, Академию художеств и частично оставлены в залах Зимнего дворца.

Работы были поручены придворному мебельному фабриканту Туру, в штате которого состоял «иностранец Прива»¹¹. Судя по сохранившейся переписке, это был французский мастер, привлеченный к столь выгодному заказу. В письме в контору Императорского двора Ф. Прива писал: «Гофмаршал Нарышкин в присутствии Их Превосходительств князя Гагарина и барона Мейендорфа поручил мне реставрацию шпалер Гобеленов из Гатчинского дворца, равно как и тех, что

предназначались для резиденции в Екатерингофе и дворца Петра I. В это время мне были переданы рисунки с замерами, снятыми господином архитектором Кузьминым, для того чтобы определить размещение шпалер»¹².

В залах бельэтажа Гатчинского дворца предполагалось «разместить гобелены в рамах, соблюдаясь характеру убранства каждой комнаты»¹³. Для укрепления деревянных рам, согласно «Смете на необходимые работы для отделки гобеленов», было необходимо «прорубить в кирпичных стенах скarpелью борозды шириной от 1 ½ до 2 верш. и толщиной 1 ½ дюйма, с обмазкой краев алебастром»¹⁴. Шпалеры, предварительно «вычищенные и исправленные... выкраивались, подворачивались», а затем прибывались «заершенными гвоздями»¹⁵.

Фламандские шпалеры были размещены в восьми залах бельэтажа, непосредственно примыкавших к Китайской галерее: в четырех залах на половине великой княгини Александры Иосифовны (1830–1911) и великого князя Константина Николаевича (1827–1892) — в кабинете и приемной князя, в зале и кабинете княгини; в трех залах на половине великой княгини Екатерины Михайловны (1827–1894), дочери великого князя Михаила Павловича (1798–1849), — в гостиной, опочивальне и кабинете; в гостиной великой княгини Елены Павловны (1806–1873), супруги великого князя Михаила Павловича¹⁶.

Согласно дворцовым описям второй половины XIX века, в обозначенных интерьерах находились тридцать восемь шпалер: шесть ковров из серии «История прародителей», восемь из «Истории Ноя», шестнадцать шпалер-вердююр с изображениями животных, один ковер с польским гербом (ковер для тронного места). Семь небольших шпалер, видимо, использовались в кабинете Екатерины

10 О распределении гобеленов, состоящих в камерцалмейстерской должности Зимнего дворца в 1859–1862 гг. см.: РГИА. Ф. 469. Оп. 12. Д. 1279. Л. 14, 19, 76.

11 Там же. Л. 49, 56.

12 Там же. Л. 90. Было выпущено распоряжение его императорского величества придворной конторы, согласно которому Ф. Прива был «допущен <...> к производству работ по отделке Гобеленов в бельэтаже Арсенального каре Гатчинского дворца». См.: Там же. Л. 62.

13 Там же. Л. 34.

14 Там же. Л. 35.

15 Там же. Л. 36.

16 Фомина С.С. Коллекция художественных тканей Гатчинского дворца. Гатчинский дворец. Интерьеры императорской резиденции. СПб., 2007. С. 154.

Михайловны в качестве десюдепортов, оконных карнизов и над камином¹⁷. (Илл. 5)

На протяжении более полувека шпалеры укра-

Илл. 5. Башенный кабинет Александра III в Гатчинском дворце. Фото до 1920-х годов.

шали залы Гатчинского дворца. Летом 1917 г. первый директор музея В.П. Зубалов¹⁸ так описывал увиденные им шпалеры: «Их [шпалеры] в Гатчине частично изрезали, из бортов вырезали отдельные орнаментальные мотивы и набили их на спинки кресел, или просто борты обрезали, когда шпалеры оказывались слишком большими для стен; в не-

17 См. архивные фотографии: ГМИИ им. А. С. Пушкина. Реставрация и консервация [сайт]. URL: <https://museumconservation.ru/data/specprojects/tkanoe-velikolepie/history-of-tapestries/shpalernye-masterskie-zapadnoj-evgory-v-xviii-veke/> (дата обращения: 06.01.2023).

18 Граф В.П. Зубов (1884–1969) – потомственный дворянин, историк искусств. Зубов на собственные средства в своем особняке в центре Петербурга учредил первый в России Институт истории искусств. В 1925 г. эмигрировал из большевистской России в Европу, жил в Париже до 1969 г.

которых были прорезаны отверстия для печных выюшек»¹⁹.

«Практика столь “вольного” обращения с ценными произведениями тканого искусства появилась гораздо раньше, и такой пример можно было увидеть в парадных залах XVIII века Гатчинского дворца. Бордюры и борта гобеленов в Верхней Тронной Павла I и Малиновой гостиной были отрезаны более чем на полвека раньше фламандских шпалер, тоже с целью украсить ими строго определенные помещения»²⁰.

После подписания Рижского договора (март 1921 г.) начался длительный процесс реституции, и в течение 1920-х гг. большинство шпалер было возвращено Польскому государству.

В дальнейшем Ф. Прива принимал активное участие в перераспределении оставшихся шпалер и проводил работы по их очистке в Царском Селе, Академии художеств и в Музее придворных экипажей²¹. Из переписки мастера с чиновниками конторы Императорского двора можно сделать вывод, что Ф. Прива участвовал в работах со 160 шпалерами²².

История бытования шпалер Ассамблейного зала дворца Монплезира в Петергофе²³ менее драматична. Ковры «индийской серии» (“*Tentur des Indes*”, как названа она в документах тех лет), украшавшие стены зала, являлись русской интерпретацией знаменитой французской серии «Новые Индии»²⁴. Шпалеры были исполнены на Петербургской шпалерной мануфактуре на протяжении 1720–1740-х годов по картонам Франсуа Дюпарта (1661–1743), в основе которых

19 Зубалов В.П. Страдные годы России. М., 2004. С. 44–45.

20 Цит. по: Фомина С.С. Шпалеры Вавельского королевского замка в интерьерах Гатчинского дворца. // Россия – Польша. Два аспекта европейской культуры: сборник научных статей XVIII Царскосельской научной конференции / Гос. музей-заповедник «Царское Село». Санкт-Петербург, 2012. С. 598.

21 См. РГИА. Ф. 469. Оп. 12. Д. 1279. Л. 90об.

22 Там же. Л. 91.

23 См. Архипов Н.И. Ассамблейный зал Монплезира — произведение В. Растрелли // Научные сообщения Гос. инспекции по охране памятников Ленинграда. Л., 1959. С. 41–47.

24 Коршунова Т.Т. Петербургская императорская шпалерная мануфактура. К 300-летию основания. СПб., 2018. С. 47–51.

лежат картины художника Альберта ван дер Экхота (ок. 1610–1665) и серией шпалер-«гротесков» по мотивам французских орнаменталистов Жана Берена (1639–1711) и Клода Одрана (1638–1734)²⁵. (Илл. 6)

Упоминание о первых ремонтных работах,

Илл. 6. Банный корпус дворца «Монплеизир». Ассамблейный зал. Общий вид. ГМЗ «Петергоф»
© ГМЗ «Петергоф», фотоматериалы, 2021.
Фотограф — Д.Г. Яковлев.

проводившихся в Ассамблейном зале, приведены в «Ведомостях на исправление зала в связи с наводнениями и бурями, имевшими место в конце XVIII — начале XIX века». В реестрах работ, осуществленных в 1802–1825 гг., не только содержатся сведения о первой реставрации шпалер, но и встречается еще одно наименование зала — Арапский, закрепившееся за ним благодаря тематике сюжетов украшавших его шпалер²⁶. Вторично шпалеры были реставрированы в 1866 г., когда во вновь отделанном Арапском зале оштукатуренные стены «были облицованы бывшими на них, ныне возобновленными, гобеленами»²⁷.

В 1899 г. снова возникла необходимость в ремонте зала. Шпалеры были сняты и осмотрены специальной комиссией. «При осмотре оказалось, что означенные гобелены во многих местах повреждены, в особенности низы их истлели и измочалились, во многих местах заметны мелочные починки и исправления, сделанные, однако, крайне грубо. Причиной порчи гобеленов является нахождение их в сыром неотопляемом помещении, причем они натянута непосредственно на неоштукатуренные каменные стены без всяких подрамников. ...Гобелены были слишком ветхие, наклеены

на репс и замазаны... известью»²⁸.

Реставрация семнадцати шпалер проводилась в мастерских «Первого специального заведения починки и чистки ковров». В соответствии с проектом работ, составленным Мм Гильемет Гюбенталь²⁹, предполагалось: «Вышеозначенные гобелены должны быть вычищены, починены шелком и шерстью. Цвета восстановить, аппретировать и дублировать полотно. Работы исполнить чисто, тщательно и аккуратно»³⁰. Согласно практике, распространенной в XIX веке, было необходимо «гобелены, представляющие значительную ценность, привести в полный порядок и по исполнению сего вставить в самостоятельные рамы...»³¹. Работы продолжались в период с августа 1899 по апрель 1901 г.³². По их окончании дублированные на полотно и натянутые на подрамники шпалеры были освидетельствованы ревизором технического контроля министерства Императорского двора — архитектором Петергофского управления³³.

К сожалению, архивные документы не сообщают сведений о составе клея, применявшегося в качестве аппрета. Однако, учитывая практику использования мучного клейстера и желатина при реставрации знамен и штандартов в Артиллерийском историческом музее во второй половине XIX — начале XX века³⁴, можно предположить, что и аппретирование шпалер было выполнено мучным клейстером.

На протяжении XX века шпалеры Ассамблейного зала неоднократно реставрировались. Последняя комплексная реставрация была проведена в 1995 году специалистами Лаборатории научной реставрации тканей Государственного Эрмитажа. Учитывая состояние сохранности и особенно-

25 Там же. С 32.

26 РГИА. Ф. 490. Оп. 2. 1802–1825. Д. 388. Л. 77, 78.

27 РГИА. Ф. 472. Оп. 15. 1866. Д. 13. Л. 50.

28 РГИА. Ф. 490. Оп. 4. Д. 1204. Л. 11, 15.

29 Мм Гильеметъ (Гильемет) Гюбенталь представляла интересы «Первого специального заведения починки и чистки ковров». См.: РГИА. Ф. 490. Оп. 4. Д. 1204. Л. 17.

30 РГИА. Ф. 490. Оп. 4. Д. 1204. Л. 9.

31 Там же. Л. 3, 15. На изготовление рам было выделено 53 руб.

32 Там же. Л. 2. Стоимость проведенных работ составила 4 950 руб.

33 Там же. Л. 9.

34 См. Семенович Н.Н. Реставрация музейных тканей. Л., Государственный Эрмитаж, 1961, С. 19–23.

сти дальнейшего экспонирования, полотна всех шпалер полностью укреплялись на ткань с помощью шелковых нитей, без использования клеевых составов.

Список литературы

1. Архипов Н.И. Ассамблейный зал Монплезира — произведение В. Растрелли // Научные сообщения Гос. инспекции по охране памятников Ленинграда. Л., 1959. С. 41–47.
2. ГМИИ им. А.С. Пушкина. Реставрация и консервация [сайт]. URL: <https://museumconservation.ru/data/specprojects/tkanoe-velikolepie/history-of-tapestries/shpalernye-masterskie-zapadnoj-evropy-v-xviii-veke/> (дата обращения: 06.01.2023).
3. Зубалов В.П. Страдные годы России. М: Индрик, 2004. 319 с.
4. Коршунова Т.Т. Петербургская императорская шпалерная мануфактура. К 300-летию основания. СПб, Государственный Эрмитаж, 2018. 166 с.
5. Лехович Т.Н. «Сии шпалеры баталей на память славных дел»: Петр I – привилегированный заказчик мануфактуры гобеленов // Меншиковские чтения. СПб., 2015. Вып. 6(15). С. 195-206.
5. Михайлов Г.В. Зимние дворцы Петра I. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ. 2002. 224 с.
6. РГИА. Ф. 469. Оп. 12. Д. 1279. Л. 4, 14, 19, 34-36, 56, 62, 76, 90, 90 об., 91.
7. РГИА. Ф. 472. Оп. 15. 1866. Д. 13. Л. 50.
8. РГИА. Ф. 490. Оп. 2. 1802–1825. Д. 388. Л. 77, 78.
9. РГИА. Ф. 490. Оп. 4. Д. 1204. Л. 2, 3, 9, 11, 15.
10. Семенович Н.Н. Реставрация музейных тканей. Л., Государственный Эрмитаж, 1961. 79 с.
11. Фомина С.С. Коллекция художественных тканей Гатчинского дворца // Гатчинский дворец. Интерьеры императорской резиденции в акварелях и фотографиях XIX – начала XX века. СПб., Курорты Петербурга, 2007. 160 с.
12. Шпалеры Вавельского королевского замка в интерьерах Гатчинского дворца. // Россия – Польша. Два аспекта европейской культуры: сборник научных статей XVIII Царскосельской научной конференции / Гос. музей-заповедник «Царское Село». Санкт-Петербург: Серебряный век, 2012. С. 594–603.
13. Brosens, K. A Contextual Study of Brussels Tapestry, 1670–1770: The Dye Works and Tapestry Workshop of Urbanus Leyniers (1674–1747). Brussel, 2004. P. 253.
14. Hennel-Bernasikowa M. Arrasy Zygmunta Augusta. The Tapestries of Sigismund Augustus. Zamek Królewski na Wawelu, 1998. 127 p.

**TAPESTRIES IN THE DECORATION
OF SUBURBAN PALACES IN ST. PETERSBURG:
A STUDY OF THEIR USE AND RESTORATION
IN THE SECOND HALF
OF THE NINETEENTH CENTURY**

Borodin Igor Viktorovich,

Conservator of textile, h.c.

Honoured Cultural Worker of the Russian Federation

The Pushkin State Museum of Fine Arts,

borodinig@mail.ru

Abstract

The tradition of using tapestries in the decoration of Russian palace interiors goes back several centuries. The end of the 17th - beginning of the 18th century was the time of reforms and transformations in all areas of life of the Russian state. Russia's political successes made it one of the most significant nations, which had an impact on the development of the economy, culture and art. New ways of living, grandiose construction of palaces and public buildings, expansion of trade and diplomatic contacts: all these had a significant impact on the development of the artistic system of using textiles, carpets and tapestries.

Keywords

Tapestry, decoration, restoration, Pavlovsk Palace, Gatchina Palace, Peterhof, Monplaisir, Assembly Hall.

RAR

УДК 069

ББК 79.1

DOI 10.34685/NI.2023.40.1.013

ДОМ-МУЗЕЙ ВИКТОРА ВАСНЕЦОВА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К АКТУАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА РУБЕЖЕ 1970-х — 1980-х ГОДОВ

Ртищева Ирина Александровна,
научный сотрудник отдела Музей Аполлинария Васнецова
Государственной Третьяковской галереи,
аспирант Российского научно-исследовательского института природного и
культурного наследия им. Д.С. Лихачева,
Берсеневская набережная, д. 18-20-22, строение 3, г. Москва, Россия, 119072.
Ira.rtishewa@yandex.ru

Аннотация

Настоящая статья посвящена анализу концептуальных подходов к созданию экспозиции в доме-музее художника Виктора Васнецова в 1979–1980-м гг. В статье рассматривается концепция архитектурно-художественного решения мемориального музея, предложенная художником Ю.П. Курниковым, а также позиция наследников художника и Художественного совета.

Ключевые слова

Мемориальный музей, дом-музей Виктора Васнецова, актуализация культурного наследия, мемориальная экспозиция.

В стремительно меняющемся мире музеи остаются связующим звеном между историческими эпохами и сегодняшним днем. Дом-музей художника Виктора Васнецова стал одним из притягательных и широко известных культурных объектов Москвы. Его внешний облик и аутентичные интерьеры олицетворяют мировоззренческие и творческие принципы известного живописца, хранят память о нем и его семье.

За десятилетия существования мемориальный музей Виктора Васнецова претерпел ряд преобразований во многих направлениях своей деятельности. Сегодня трудно себе представить, что в начале 1980-х гг., когда создавалась новая экспозиция, внутреннее пространство семейного дома Васнецовых могло существенно измениться, а его самобытная атмосфера и вовсе исчезнуть. Между тем материа-

лы, хранящиеся в архиве Музея Виктора Васнецова, свидетельствуют о том, что в тот период существовали разные подходы к актуализации наследия художника. Данная статья посвящена анализу этих концептуальных подходов в контексте новых тенденций, появившихся в экспозициях мемориальных музеев во второй половине 1970-х–1980-е гг.

Художник Виктор Васнецов — мастер национально-романтического стиля, создатель известных полотен «Богатыри», «Спящая царевна», «Баян» и др. Его многогранное наследие помимо «сказочно-былинных» полотен составляют архитектурные проекты, монументальная живопись, галерея портретов современников, произведения декоративно-прикладного искусства, сценографические работы, религиозно-философские изыскания и многое другое.

Живописец родился в Вятской губернии, был вторым из шести сыновей сельского священника. Жизнь большой семьи протекала в деревянном доме, в атмосфере древних традиций, народного искусства и любви к наукам. Став известным мастером, Васнецов по-прежнему представлял свою жизнь именно в собственной усадьбе. Место для постройки дома, выбранное Васнецовым, в то время было практически окраиной Москвы «с ее патриархальным, веками складывающимся домостроевским укладом<...>когда дом, семья, ее традиции, пример старших членов большой семьи формировали душу ребенка»¹.

Дом Виктора Васнецова был построен в 1894 г. по собственному проекту художника. При создании проекта живописец прибегал к помощи архитектора М.Е. Приемышева – ученика Ф.И. Шехтеля. Давнюю мечту о собственной усадьбе в Москве Васнецов осуществил в период работы над самым масштабным заказом — живописным оформлением Владимирского собора в Киеве, где он работал с 1885 по 1896 гг.

В методической разработке экскурсии, составленной в 1970-е гг., приведены следующие строки: «свой дом Васнецов создавал как храм искусства, где он отобразил национально-художественный идеал»². Художник не просто «украшал» здание современного объема узорочьем XVII в., а использовал игру и соотношение разных объемов, свойственную древним теремным постройкам³. «Олицетворением народности и национальности в архитектуре дома можно справедливо считать использование приемов и форм древнерусского и народного искусства, в том числе крестьянского зодчества. Детали различных конфигураций,

цветовых и фактурных характеристик соединены в одно целое, использованы архитектурные элементы деревянных и каменных построек»⁴.

Интерьер дома составляли мебель по проекту художника, предметы народного быта, иконы, живописные произведения автора и подарки художников-современников. В облике дома и его внутреннем убранстве воплотилась квинтэссенция представлений живописца о истинно правильном жизненном укладе русского человека.

Второй этаж дома изначально был спланирован Виктором Васнецовым как помещение для мастерской, рядом с которой располагалась маленькая личная комната хозяина — «светелка». О работе живописца в мастерской оставил воспоминания его племянник Всеволод Васнецов⁵. «Работать дядя любил в одиночестве. В это время никто к нему не входил, чтобы не мешать, не отвлекать от сосредоточенной мысли. Только его дочь Татьяна Викторовна да брат Аполлинарий могли находиться в мастерской во время работы над картинами»⁶. Их присутствие не мешало дяде Виктору»⁷.

Музей в доме Виктора Васнецова был организован по воле наследников художника. В 1950 г. наследники и близкие мастера [дочь Т.В. Васнецова, сын А.В. Васнецов и др.] обратились в правительство с предложением «передать безвозмездно Государству дом, имущество и ценности для организации музея»⁸. В 1951 г. состоялась передача земельного участка, дома и произведений

1 Васнецова О.А. Васнецовщина. М., 2019. С.8.

2 Архив Музея Виктора Васнецова. Н.В. Кудряшова. Методическая разработка экскурсии. 1970-е гг.

3 Как правило, постройки в русском стиле сводились к украшению «узорочьем» современных объемов. К примеру: доходный дом М.Н. Миансаровой на Сухаревской площади в Москве, здание Ярославского вокзала, дом купца Игумнова на Большой Якиманке, здание Государственного Исторического музея и др. Постройкам в данном стиле была свойственна несколько «вычурная нарядность», дом Виктора Васнецова стал одним из немногих камерных и стилистически сдержанных примеров.

4 Архив Музея Виктора Васнецова. Н.В. Кудряшова. Методическая разработка экскурсии. 1970-е гг.

5 Всеволод Аполлинариевич Васнецов (1901–1989) – советский полярник, сын художника Аполлинария Васнецова (брата Виктора Васнецова), основатель музея-квартиры Аполлинария Васнецова, входил в Художественный совет при мемориальных музеях Виктора и Аполлинария Васнецовых.

6 Татьяна Викторовна Васнецова (1876–1961), художница, дочь Виктора Васнецова, благодаря ее стараниям был открыт дом-музей Виктора Васнецова.

Аполлинарий Васнецов (1856–1933) – художник, исследователь Москвы, младший брат Виктора Васнецова.

7 Васнецов В.А. Страницы прошлого: Воспоминания о художниках братьях Васнецовых / Всеволод Васнецов. Ленинград, 1976. С. 96.

8 Архив Музея Аполлинария Васнецова. Рукописи Е. К. Васнецовой по истории создания музеев Виктора и Аполлинария Васнецовых. Начало 1990-х гг.

искусства государству. Открытие мемориального музея состоялось 25 августа 1953 г.⁹

Согласно архивным материалам, к концу 1970-х гг. «завершилось экспозиционное формирование комнат, которые «непосредственно характеризуют бытовую уклад дома, привычки и традиции художника и его семьи, являются типичными для образа имени В.М. Васнецова»¹⁰.

Экспозиционное решение дома-музея Виктора Васнецова было представлено в следующей структуре. Мемориальные комнаты — Зал (гостиная), столовая, где раскрывалась «семейная тема», мастерская художника и его личная небольшая комната-«светелка». В прихожей вниманию посетителей открывались фото семьи и друзей, в комнатах Т.В. и А.В. Васнецовых (дочери и жены художника) раскрывались темы детства, юности и раннего творчества известного автора. В бывшей классной комнате экспонировались пейзажные этюды художника, в бывшей детской — эскизы и рисунки к театральным постановкам, богатырской теме, композиции «Каменный век». Архитектурные проекты Виктора Васнецова составили экспозицию каменной и винтовой лестниц.

Уже в конце 1970-х гг. музей пользовался большой популярностью, но, поскольку он размещался в небольшом деревянном доме, его пропускная способность не позволяла без ущерба принимать непрерывные посетительские потоки. Об этом, в частности, писали в своем обращении в Министерство Культуры РСФСР наследники художника. В обращении они отмечали, что дирекция Музея истории и реконструкции Москвы, чьим филиалом является мемориальный музей Виктора Васнецова, не придает значения важности расчета нагрузки и пропускным ограничениям старинного здания, явно злоупотребляет популярностью филиала, относится к нему исключительно как к коммерческой площадке, не учитывает возможности маленького деревянного дома, который был предназначен для жизни семьи и не был готов принимать по шесть-

десять тысяч человек в год¹¹. Такое положение дел привело к серьезной изношенности музейного пространства. Началу необходимых ремонтных работ поспособствовало включение мемориального музея Васнецова в программу олимпийского показа для гостей города в 1980 г.

В 1979 г. наряду с масштабными реставрационными работами началась разработка нового концептуального решения музейной экспозиции. Как отмечает исследовательница И.А. Колосова, в этот период времени в экспозиционной культуре мемориальных музеев развивается тенденция отрыва от дидактики и приоритета образности, «синтетическое искусство экспозиции развивается во взаимодействии двух изобразительно-выразительных уровней: визуального и менее изученного вербального»¹².

Надо сказать, что в 1970-х гг. нарастала тенденция эксперимента в экспозиционной культуре. В музейно-оформительских проектах нередко «утверждалась откровенная театрализация экспозиции», язык экспозиционного повествования практически «лишался музейных предметов» или оставлял за ними второстепенную роль¹³. Музейная экспозиция (преимущественно мемориальная) — не только мир вещей, это сложный мир эмоций и внутренних конфликтов. Именно средствами нетривиальных конструкций и форм подачи предметной информации вернее постигается «психологический» мир «героя». По словам Т.П. Полякова, период второй половины 1970- начала 1980 гг. был временем экспериментов, «развивающих арсенал экспозиционно-художественных средств»¹⁴, чья первостепенная задача состояла в «эмоциональном раскрытии музейности», как живой меняющейся субстанции.

С учетом этих новых экспериментальных тенденций в экспозиционной культуре художник Ю. П. Курников разработал концепцию архитектур-

9 С 1953 по 1963 гг. музей существовал как самостоятельное учреждение, с 1963 по 1989 был филиалом Музея истории и реконструкции Москвы, в 1989 г. вошел в состав музейного объединения Государственная Третьяковская галерея.

10 Архив Музея Аполлинария Васнецова. Экспозиционное решение мемориального комплекса «Дом-музей В. М. Васнецова». 1979 г.

11 Архив Музея Аполлинария Васнецова. Копия письма В.А. Васнецова и А.В. Васнецова Министру Культуры РСФСР Мелентьеву Ю.С. 1978 г.

12 Колосова И. А. Экспозиция мемориального музея как явление художественной культуры: автореферат диссертации ... кандидата философских наук: 09.00.04 / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1989. С.6.

13 Поляков Т.П. Мифология музейного проектирования, или "Как делать музей? М., 2003. С. 75.

14 Там же.

но-художественного решения мемориального дома-музея В.М. Васнецова. Обсуждение концепции состоялось на заседании Художественного совета при мемориальных музеях Виктора и Аполлинария Васнецовых 26 декабря 1979 г.¹⁵.

По словам автора концепции, «старая экспозиция вызывала в воображении посетителя иллюзию подлинности всего Дома-музея: не было четкого выделения мемориала на фоне временной экспозиции<...>современное устройство мемориального музея, в котором не может быть обеспечено четкое восстановление мемориальности, на наш взгляд имеет два варианта: первый — полное восстановление мемориала, отсечение его от немемориальной экспозиции/вынесение немемориальной экспозиции в особое помещение, второй — совмещение обеих экспозиций, включая показ живописи»¹⁶. Вторым вариантом виделся автору единственно верным, поэтому новая концепция строилась на двух основных тезисах: первый — «детали интерьера, обеспечивающие внеэкспозиционное обслуживание/отопление, свет, касса, раздевалка/ — сами по себе разрушают мемориальность», второй — решение временной экспозиции /показ живописи и графики/ должно учитывать тот факт, что к стенам мемориального дома ничего не должно крепиться (имеется в виду из того, что не крепилось на них при жизни художника — И.Р.)¹⁷.

В первой части предложенной концепции Ю.П. Курников изложил свое представление о ценности мемориальности как явления и перспективах ее «интерпретации». Сложившиеся мнение о том, что

точно воссозданная пространственно-предметная среда в мемориальном музее, которая предлагает посетителю почувствовать «мир этого человека» и «дух того времени», автор считал несколько устаревшим и «узко мыслящим». В данном вопросе позиция Ю.П. Курникова такова, что «мир такого художника, как В.М. Васнецов — это не только вещи, мебель и даже дом, это многое другое, что нельзя потрогать и увидеть, оценить непосредственно»¹⁸. Далее Ю.П. Курников отметил, насколько вообще необходимо стремиться к правдоподобности интерьеров: «посетитель, войдя в музей не должен ощущать себя непрошеным гостем в чужой квартире или подглядывающим чужую жизнь в замочную скважину»¹⁹.

Учитывая описанные выше обстоятельства, автор нового концептуального решения предложил сделать ставку на эмоционально-насыщенную среду «взаимодействия современников с историей»²⁰. Тема творчества Васнецова должна была представляться публике в виде спектакля, а музей должен представлять собой музей-театр. По всем театральным правилам место зрителя в данном контексте виделось в некотором отстранении от «мизансцен» и «декораций». Зритель не должен погружаться в пространство, ощущать себя его частью, он не должен «соучаствовать», а «эмоционально насыщаться» происходящим, понимая, что это не есть подлинная среда.

Таким образом, Ю. П. Курников предлагал избежать «обмана» посетителя, который волен предполагать, что вся обстановка вокруг него есть подлинная и бытовавшая при жизни художника.

Исходя из вышесказанного, автором концепции было предложено революционное решение ввести в экспозицию фальшпола — «тропинки», которая поднимается над естественным полом на несколько сантиметров. Таким образом, зритель, попадая в музей, сразу определял свое место в «зрительном зале». Каждый зал музея должен был сочетать две зоны — зону зрителя и зону экспоната, современную среду и театрализованную среду времен Васнецова.

15 Художественный совет состоялся 26.12.1979 г. Совет при мемориальных музеях Виктора и Аполлинария Васнецовых был организован в 1965 г. В 1979 г. в его состав входили: академик Кутач Ю.Г., художник Забелин В.Н., художник, внук Виктора Васнецова Васнецов А.В., ученый, сын Аполлинария Васнецова Васнецов В.А., кандидат искусствоведения Разумовская С.В., заведующая домом-музеем Виктора Васнецова Ахмедова Н.А., заведующая музеем-квартирой Аполлинария Васнецова Васнецова Е. К. и др.

16 Архив Музея Аполлинария Васнецова. Протокол заседания Художественного совета при мемориальных музеях Виктора и Аполлинария Васнецовых. Обсуждение концепции дома-музея Виктора Васнецова от 26.12.1979 г.

17 Архив Музея Аполлинария Васнецова. Концепция архитектурно-художественного решения мемориального музея В.М. Васнецова. Автор проекта — художник Курников Ю.П. 1979 г.

18 Архив Музея Аполлинария Васнецова. Концепция архитектурно-художественного решения мемориального музея В. М. Васнецова. Автор проекта — художник Курников Ю.П. 1979 г.

19 Там же.

20 Там же.

Согласно идее нового концептуального решения, вся музейная площадь делилась на три смысловые части. Первая, где зритель является «первостепенным персонажем» — вестибюль, гардероб, касса. «Здесь зона зрителя — тропинка — фальшпол трансформируясь, превращается в кассу, раздевалку, различные предметы обслуживания посетителя»²¹. При этом цветом, фактурой, «современным звучанием» предполагалось подчеркивать именно современность этой части музея.

Вторая часть концепции была посвящена непосредственно экспозиционным залам, где место зрителя занимало подчиненное положение. Первостепенное значение здесь приобретали экспонаты. В этих же залах предполагалось экспонировать не только предметы быта, но и работы, фотографии и документы художника. Так как при жизни Васнецова не существовало подобной «обстановки», то было принято следующее нетривиальное для подобных музеев решение о «проецировании» картин, и документов на дощатые стены музея (имелись в виду стеклянные стенды между фальшполом и естественной стеной дома, к которым будут крепиться фото, и документы — И.Р.). Особую эмоциональность «мизансцены» в данном случае подчеркивал искусственный свет, выделявший главные экспонаты.

Связующим элементом между залами должно было выступать стекло или стеклянные панели, «они могли стать средством транспозиции — «переброса» внимания зрителя и его современной зоны в зону экспонатов»²². С точки зрения экзистенции пространства, стекло или окно, как правило, имеет особую функцию соединения «миров», реальности и вымысла, прошлого и настоящего времени. Таким образом, пространство приобретает вневременную «прерывно-непрерывную спираль, каждый виток которой одновременно замкнут, завершен и открыт, связан с предыдущим и последующим всей логикой развития»²³.

Третья часть музейного пространства — мемориальные комнаты: столовая, гостиная, светелка. Здесь предполагалось тщательно восстановить точное подобие обстановки, бывшей при жизни художника. Предполагалось сохранить соответственное времени Васнецова освещение — днем исключительно дневной свет, вечером — керосиновая лампа. Фальшпол должен был связать «историческое пространство» со всем остальным «организмом» музея.

Апофеоз «театрального действия», согласно концепции, разворачивался в мастерской художника. Теперь ее роль становилась гораздо сложнее, менялась ее пространственная система и смысловая нагрузка. По замыслу автора, мастерская не просто мемориальная единица, это непостижимый «космос» художника-творца, олицетворение его многогранного таланта, его масштаба, мощи. В зале исключалось естественное освещение, искусственный свет должен был выделять полотно, мольберт, кресло, палитру и приглушить второстепенное. Углы мастерской затемнялись для «стирания» естественных пространственных границ помещения. «Здесь зритель заканчивал просмотр. Здесь он подытоживал увиденное. Здесь он видит как бы и начало и конец, бесконечную спираль, по которой движется творчество художника. Все те работы, которые он видел в экспозиционных залах, начинались здесь, здесь они и заканчивались»²⁴.

Важно отметить, что данная концепция, нетривиальный экспозиционный подход вполне имели бы право на существование в рамках мемориального музея художника с иным творческими и жизненными принципами. Здесь же весь эстетико-духовный контекст, творческие и духовно-нравственные основы Виктора Васнецова противоречили модернистским включениям. В данном случае уместно обратиться к высказыванию Е.Г. Вансловой о приоритетности при работе с данного рода памятниками исторического сознания, ощущения времени, ощущения исторических корней перед сиюминутными нуждами, тенденциями и представлениями²⁵.

21 Архив Музея Аполлинария Васнецова. Концепция архитектурно-художественного решения мемориального музея В.М. Васнецова. Автор проекта, художник Курников Ю.П. 1979 г.

22 Там же.

23 Колосова И.А. Экспозиция мемориального музея как явление художественной культуры: автореферат диссертации ... кандидата философских наук: 09.00.04 / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1989. С. 14.

24 Архив Музея Аполлинария Васнецова. Концепция архитектурно-художественного решения мемориального музея В.М. Васнецова. Автор проекта, художник Курников Ю.П. 1979 г.

25 Ванслова Е.Г. Где стоять шахматному столику? // Советский музей. 1988. № 3 (101). С. 30–31.

Излишнее «осовременивание» пространства в соответствии с новыми экспозиционными тенденциями было губительно для дома художника. Этот процесс буквально стирал его индивидуальность, лишал главных привлекательных сторон, к тому же это вело к потере «личности автора». Так же за введением дополнительных стеклянных стендов, «театрального освещения» терялось «уважительное» отношение к архитектурному пространству, которое корректно было бы трактовать и «как вместилище и как экспонат»²⁶.

Представленная концепция ввиду ряда весьма неоднозначных предложений вызвала споры и неодобрение среди родственников художника. В частности, внук живописца А.В. Васнецов дал следующую оценку предложенной концепции: «перед нами пример того, как современный экспозиционер заслоняет собой личность и окружение художника, мемориал которого он якобы восстанавливает, а по существу — разрушает <...>искусственный пол и стекла будут доминировать над всем мемориалом, необходимо не подчеркивать, а нейтрализовать предельно современные элементы композиции, без которых действительно нельзя обойтись»²⁷.

Идею сохранения аутентичности дома-музея поддержал племянник Виктора Васнецова В.А. Васнецов: старая экспозиция, которую не одобряет автор проекта, создана под руководством Татьяны Викторовны Васнецовой, дочери художника<...>Удивительно, что автор проекта не привлек к своей работе над экспозицией ныне живущих родственников художника, не воспользовался их знанием времени и обстановки в доме Виктора Васнецова, его вкуса и привычек»²⁸. «За категорическое неприятие модернизации мемориального музея» выступил художник В.Н. Забелин. За сохранение естественного пространства дома, без использования агрессивного света

и стекла в интерьере выступили Ю.П. Кугач, С.В. Разумовская, И.М. Тихомирова и др.

Взгляды Художественного совета сводилось к тому, что «мемориальный дом-музей В.М. Васнецова — не тот случай, где надо экспериментировать, — и не стоит этому мнению сопротивляться»²⁹. По итогам обсуждения Художественный совет принял решение «сохранить мемориальность дома, отказаться от стекла и подиума. Пересмотреть проект, учесть знания родственников В.М. Васнецова»³⁰. Внук живописца А.В. Васнецов предложил сделать мемориальной и восстановить комнату, где жила основательница музея — дочь Виктора Васнецова.

Новая экспозиция была создана на основании решения Художественного совета при мемориальных музеях Виктора и Аполлинария Васнецовых. Оформление музейного пространства сохранило принципы, заложенные дочерью художника Т.В. Васнецовой, актуальные по сей день. Нарастающие темпы урбанизации конца XX-начала XXI вв., развитие современной застройки в столице обусловили особенную притягательность и популярность московской усадьбы живописца.

Современное развитие мегаполиса, смена его облика и ускорение ритма жизни лишь подчеркивают ценность и уникальность архитектуры, атмосферы и коллекции семейного дома художника.

Список литературы

1. Базальянц С. Б. Художественный образ писательского дела. // Декоративное искусство. 1985. № 1. С. 2–5.
  2. Ванслова Е.Г. Где стоять шахматному столу? // Советский музей. 1988. № 3 (101). С. 30–31.
  3. Васнецов В.А. Страницы прошлого: воспоминания о братьях Васнецовых/ Всеволод Васнецов. — Ленинград, 1976. 196 с.
  4. Васнецова О. А. Васнецовщина. М., 2019. 368 с.
  5. Колосова И. А. Экспозиция мемориального музея как явление художественной культуры: автореферат диссертации ... кандидата философских наук: 09.00.04 / МГУ им. М. В. Ломоносова. — М., 1989. 25 с.
  6. Поляков Т.П. Мифология музейного проектирования, или "Как делать музей? М., 2003. 454 с.
- 29 Там же.
30 Там же.

26 Базальянц С. Б. Художественный образ писательского дела // Декоративное искусство. 1985. № 1. С. 2–5.

27 Архив Музея Аполлинария Васнецова. Протокол заседания Художественного совета при мемориальных музеях Виктора и Аполлинария Васнецовых. Обсуждение концепции дома-музея В. М. Васнецова. 1979 г.

28 Архив Музея Аполлинария Васнецова. Протокол заседания Художественного совета при мемориальных музеях Виктора и Аполлинария Васнецовых. Обсуждение концепции дома-музея В. М. Васнецова. 1979 г.

VIKTOR VASNETSOV HOUSE MUSEUM: ON THE ISSUE OF UPDATING CULTURAL HERITAGE (BASED ON NEW ARCHIVAL MATERIALS)

Rtischeva Irina Aleksandrovna,

Research Associate of the Apollinary Vasnetsov Museum Department State Tretyakov Gallery, post-graduate student of the Russian Research Institute of Natural and Cultural Heritage named after D.S. Likhachev, Bersenevskaya Embankment, 18-20-22, building 3, Moscow, Russia, 119072. Ira.rtishewa@yandex.ru

Abstract

This article is devoted to the analysis of conceptual approaches to the creation of an exhibition in the house-museum of the artist Viktor Vasnetsov in 1979-1980. The article discusses the concept of architectural and artistic solutions of the memorial museum, proposed by the artist Yu.P. Kournikov, as well as the position of the heirs of the artist and the Art Council.

Keywords

Memorial Museum, Viktor Vasnetsov House Museum, actualization of cultural heritage, memorial exposition.

ПУБЛИКАЦИЯ В НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННОМ ЖУРНАЛЕ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ»

Основные рубрики: «Методология и методы исследования культурных процессов»; «Искусство, образование, наука»; «Духовное наследие и культура»; «Культура регионов»; «Культура повседневности»; «Этнокультуры в прошлом и настоящем»; «Имена и события прошлого»; «Культурное наследие мира»; «Музееведение и охрана культурного наследия» и др.

С 1 декабря 2015 г. журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук.

Требования к статьям, присылаемым в журнал «Культурное наследие России»

- К рассмотрению принимаются не опубликованные ранее статьи общим объемом до 10—12 страниц (не более 0,5 п. л. — 20 000 знаков).
- Публикация безгонорарная, автору высылается электронная версия журнала.
- Авторы несут ответственность за содержание статей и за сам факт публикации. Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
- Автор представляет рукопись по электронной почте: knaros@yandex.ru.
- Формат текстовых файлов — DOC, DOCX.
- Все элементы статьи выполняются шрифтом Times New Roman, размер (кегель) — 14 пт (основной текст), 11 пт (сноски); расстояние между строк (межстрочный интервал) — 1,5; абзацный отступ — 1 см., шрифт — обычный; выравнивание — по ширине (кроме указанного особо).
- Формат страницы — А4. Поля — 2 см.

Статья должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и включать все перечисленные пункты:

1. 1. Тип статьи (выбрать из списка на следующей странице).
2. 2. УДК (определить самостоятельно в соответствии с темой статьи).
3. 3. ББК (определить самостоятельно в соответствии с темой статьи).
4. 4. Название статьи — выравнивание по центру, жирный шрифт, прописные буквы.
5. 5. ФИО автора полностью — выравнивание по правому краю.
6. 6. Сведения об авторе: ученая степень, звание; почетные звания; должность и место работы; контактный телефон; адрес электронной почты — выравнивание по правому краю.
7. 7. Аннотация на русском языке (5–8 строк).
8. 8. Ключевые слова на русском языке (8–10).
9. 9. Основной текст: шрифт — Times New Roman, кегль — 14 пт., междустрочный интервал — 1,5, абзацный отступ — 1 см.; выравнивание текста по ширине. Сноски — постраничные (внизу страницы).
10. 10. Список использованной литературы.
11. 11. Название статьи на английском языке — выравнивание по центру, жирный шрифт, прописные буквы.
12. 12. ФИО автора полностью на английском языке — выравнивание по правому краю.
13. 13. Сведения об авторе на английском языке: ученая степень, звание; почетные звания; должность и место работы; контактный телефон; адрес электронной почты — выравнивание по правому краю.
14. 14. Аннотация на английском языке (5–8 строк).
15. 15. Ключевые слова на английском языке (8–10).

Иллюстрации представляются отдельными файлами с указанием названия иллюстрации и места ее вставки в тексте. Формат файлов — TIFF, JPG, JPEG.

Редакция может не разделять мнения авторов и не несёт ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несёт ответственности перед авторами и / или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ ДЛЯ ЖУРНАЛА «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ»

RAR
УДК 008
ББК 63.3

СУБЪЕКТ, ЛИЧНОСТЬ, ДУХ И ДУХОВНОЕ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Иванов Иван Иванович,
доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных наук,
Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма,
ул. 5-я Магистральная, д. 5, г. Москва, Россия, 123007,
e-mail: ivanov@yandex.ru

Аннотация

Постмодернизм изменяет существующее в науке понятие личности. С позиций постмодернизма личность — это мозаика множественных идентичностей, социальных ролей, масок, которые человек волен выбирать и изобретать по своему желанию.

Ключевые слова

Субъект, личность, индивид, дух, духовное, фрагментация.

Как замечает М. Мамардашвили, мировые религии «отличаются от этнических религий прежде всего тем, что они обращены к личности и предполагают наличие в самом человеке начала и корня, который задан в нём как некоторый внутренний образ, или голос. <...> Он поможет только идущему»¹.

.....

Когда цитируют слова Фуко о том, что «человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке»², то обычно это высказывание трактуют буквально...

-
- 1 Мамардашвили М. К. Философия и религия // Человек. 1997. № 4. С. 81.
  - 2 Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. С. 404.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013. С. 199.
2. Там же стр. 89.....
3. Мамардашвили М. К. Философия и религия // Человек. 1997. № 4. С. 81.
4. ....

.....

SUBJECT, PERSONALITY, SPIRIT AND SPIRITUALITY IN THE POSTMODERN ERA

Ivanov Ivan Ivanovich,
DSc in Philosophy,
Professor of the Department of Humanities,
Academy of Retraining Arts, Culture and Tourism,
5-ia Magistralnaia Str. 5, 123007 Moscow, Russia,
ivanov@yandex.ru

Abstract

Postmodernism modifies an existing concept in the science of personality. From the standpoint of postmodern identity — a mosaic of multiple identities, social roles, masks that man is free to choose and invent as you wish.

Keywords

Subject, person, individual, spirit, spiritual, schizoid fragmentation.

Тип статьи:

RAR — научная статья;
EDI — редакционная заметка;
BRV- рецензия;
CNF — материалы конференции;

SCO — краткое сообщение;
REV- обзорная статья;
ABS- аннотация;
REP- научный отчет;

COR- переписка;
PER — персоналии;
MIS — разное;
UNK — неопределен.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77–69550 от 02.05.2017 г.

Подписной индекс в каталоге «Пресса России»: Э93581.

Подписано в печать: 15.02.23.. Формат 60×90 1/8. Тираж 500 экз.

Адрес редакции: 117321, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 136, корп. 1, кв. 309.

Сайт: <http://www.kultnasledie.ru/>

<http://ркцентр.рф/> / культурное-наследие-россии /

E-mail: knaros@yandex.ru